



Over dit boek

Dit is een digitale kopie van een boek dat al generaties lang op bibliotheekplanken heeft gestaan, maar nu zorgvuldig is gescand door Google. Dat doen we omdat we alle boeken ter wereld online beschikbaar willen maken.

Dit boek is zo oud dat het auteursrecht erop is verlopen, zodat het boek nu deel uitmaakt van het publieke domein. Een boek dat tot het publieke domein behoort, is een boek dat nooit onder het auteursrecht is gevallen, of waarvan de wettelijke auteursrechttermijn is verlopen. Het kan per land verschillen of een boek tot het publieke domein behoort. Boeken in het publieke domein zijn een stem uit het verleden. Ze vormen een bron van geschiedenis, cultuur en kennis die anders moeilijk te verkrijgen zou zijn.

Aantekeningen, opmerkingen en andere kanttekeningen die in het origineel stonden, worden weergegeven in dit bestand, als herinnering aan de lange reis die het boek heeft gemaakt van uitgever naar bibliotheek, en uiteindelijk naar u.

Richtlijnen voor gebruik

Google werkt samen met bibliotheken om materiaal uit het publieke domein te digitaliseren, zodat het voor iedereen beschikbaar wordt. Boeken uit het publieke domein behoren toe aan het publiek; wij bewaren ze alleen. Dit is echter een kostbaar proces. Om deze dienst te kunnen blijven leveren, hebben we maatregelen genomen om misbruik door commerciële partijen te voorkomen, zoals het plaatsen van technische beperkingen op automatisch zoeken.

Verder vragen we u het volgende:

- + *Gebruik de bestanden alleen voor niet-commerciële doeleinden* We hebben Zoeken naar boeken met Google ontworpen voor gebruik door individuen. We vragen u deze bestanden alleen te gebruiken voor persoonlijke en niet-commerciële doeleinden.
- + *Voer geen geautomatiseerde zoekopdrachten uit* Stuur geen geautomatiseerde zoekopdrachten naar het systeem van Google. Als u onderzoek doet naar computervertalingen, optische tekenherkenning of andere wetenschapsgebieden waarbij u toegang nodig heeft tot grote hoeveelheden tekst, kunt u contact met ons opnemen. We raden u aan hiervoor materiaal uit het publieke domein te gebruiken, en kunnen u misschien hiermee van dienst zijn.
- + *Laat de eigendomsverklaring staan* Het “watermerk” van Google dat u onder aan elk bestand ziet, dient om mensen informatie over het project te geven, en ze te helpen extra materiaal te vinden met Zoeken naar boeken met Google. Verwijder dit watermerk niet.
- + *Houd u aan de wet* Wat u ook doet, houd er rekening mee dat u er zelf verantwoordelijk voor bent dat alles wat u doet legaal is. U kunt er niet van uitgaan dat wanneer een werk beschikbaar lijkt te zijn voor het publieke domein in de Verenigde Staten, het ook publiek domein is voor gebruikers in andere landen. Of er nog auteursrecht op een boek rust, verschilt per land. We kunnen u niet vertellen wat u in uw geval met een bepaald boek mag doen. Neem niet zomaar aan dat u een boek overal ter wereld op allerlei manieren kunt gebruiken, wanneer het eenmaal in Zoeken naar boeken met Google staat. De wettelijke aansprakelijkheid voor auteursrechten is behoorlijk streng.

Informatie over Zoeken naar boeken met Google

Het doel van Google is om alle informatie wereldwijd toegankelijk en bruikbaar te maken. Zoeken naar boeken met Google helpt lezers boeken uit allerlei landen te ontdekken, en helpt auteurs en uitgevers om een nieuw leespubliek te bereiken. U kunt de volledige tekst van dit boek doorzoeken op het web via <http://books.google.com>



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

70380

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

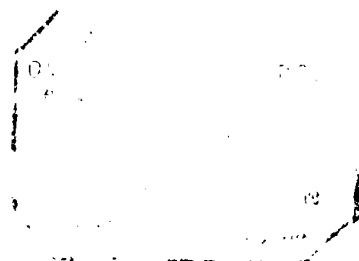
(17. 2. 1)



2. 2

МОСКВА.
Въ типографіи Вахметова.
1863.

Одобрено Ценсурой. Москва, Июня 5-го, 1863 года.



**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

поступ. 5 Dec 1923
№ 22964
: 100: C 10³/₁₃

48-970

Fig 10-1-101

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *).

— 1862 года, Марта 6-го, LIII засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею для изданія «Пѣсень, собранныхъ П. В. Киртевскими,» изготовленъ къ печатанію 5-й выпускъ. Положено: «Выпускъ 5-й, который будетъ заключать въ себѣ Былевья пѣсни Новгородскія и Княжескія, «Приложенія,» какъ-то объяснительныя замѣтки, преданія, сказки, и «Указатель,» а слѣдовательно будетъ объемомъ приближаться къ 4-му выпуску, продавать также, какъ и сей послѣдній, по 1 руб. сер. за экземпляръ. — Всѣ распоряженія по печатанію 5 выпуска и продажѣ его, не ожидая новаго постановленія, возложить на прежнее основаніи на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1862-й годъ.

Выпускъ 5.

Пѣсни Былевья: I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Пѣсни Былевыя:

I.

Новгородскія.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

*

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда)



- Садился Васька на ремечатой...
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хошетъ пить и ѣсть изъ готового,
5. «Валися къ Васькѣ на широкой дворѣ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсыпалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
10. И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька шанъ среди двора **),
Наливалъ шанъ помонъ зелена вина,
Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.
15. Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,

*) Начало пѣсни такое же, какъ ниже изъ Кирши Данилова.—О.

**) Вѣроятно стихи таковы:

Во ту же пору во то время
Поставилъ Васька шанъ среди двора...
Шанъ—чанъ.—О.

- Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ.
 Ко тому шану—зелену вину *)... .
20. Вылѣзають добры молодцы изъ—подъ избицы,
 Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
 Бѣжать они, добры молодцы,
 Ко Васькѣ Буслаеву.
 Котельная Пригарина напередъ бѣжить,
25. Потанюшко Хроменькій позадѣ бѣжить,
 Позадѣ бѣгучи, онъ одно **) спѣшитъ:
 На праву ножку Потанюшко припадываетъ,
 На лѣву ножку Потанюшко прихрамываетъ,
 Изъ—подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
30. Прибѣгали братаны ни широкій дворъ:
 На широкомъ дворѣ три шанѣ вина.
 Размахнули ребята на шанахъ зелено вино,
 Вышивали ребята по шивному по ковшику,
 А шивной-то ковшикъ полтора ведра.
35. Увидалъ Васька удалыхъ ребятъ,
 Соходилъ Васька со красна крыльца,
 Погонилъ братановъ со двора долой.
 Замолились братаны рѣчьми хорошими:
 ««Хоть ты дай намъ, Васька, опохмѣлиться.»»
40. Захватилъ онъ ихъ за бѣлы руки,
 Потасилъ онъ ихъ во нову избу:
 Тамъ онъ ихъ угощалъ, тамъ и чествовалъ.

- Мужики Новогорѣдчана, на питье они завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Ѳома Родіоновичъ,
45. Засмѣкали они собирать братовщѣны Никольщины:
 Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
 Накурили они зелена вина:
 Пьютъ—веселятся мужики Новогорѣдчана.

Правятся Васька Буслаевъ сынъ

*) Отселѣ собственно начинается Шенкурское разнорѣчіе пѣснн.—О.

**) Однаково; все таки.—О.

50. Съ Котельной Пригариной да съ Потанюшкой Хромень-
кимъ

На ширъ на трапезу *).
Туть они на пиру напивалися,
Туть они на пиру наѣдалися,
Туть они другъ другу поперечили.

55. Подходилъ Васька къ чану зелена вина,
Размахнулъ Васька въ чапѣ зелено вино,
Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
Самъ проговорилъ Васька таково слово:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
60. «Не боюсь я тебя, Ома Родіоновичъ,
«Не боюсь я всего Новгорода!
«Лишо' **) боюсь я крестоваго батюшка,
«Матераго Старчища Игнатьища,
«Да боюсь я крестоваго брѣтелка,
65. «Молода Григорья Игнатьича:
«Имъ отъ меня и честь и почётъ;
«А что по чему пойдеть ***),—такъ и всѣмъ не боюсь!»
И ударилъ Васька о великъ закладъ,
Не остѣ рублей, не о тысячѣ,
70. Ударилъ Васька о своей буйной головѣ:
За утро битъ Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Пришелъ Васька Буслаевъ ко родимой ко матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоеевнѣ;
Приводилъ съ собой товарищей,

75. Котельную Пригарину да Потанюшку,
Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ,
Учалъ онъ ихъ, Васька, чествовать,
Самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:
«Родна матушка, Амелѣ Тимоеевна!

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Правятся они на ширъ на трапезу.—О.

**) Лишь.—О.

***) А коли дойдетъ до настоящей расцѣпки, коли ужъ на то пойдеть.—О.

80. «Ударился я не о мѣль закладъ,
 «Съ Николой Зиновьевичемъ да съ Ѳомой Родіоновичемъ,
 «Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 «Ударился о своей буйной головѣ:
 «За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ.»
85. Заплакала матера вдова Амелѣа Тимоѣевна,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Замыкала замками крѣпкими,
 Заметывала рогатками булатными.
- Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
90. Ото сна встають, братаны, пробужаются,
 Умываются они бѣлешенько,
 На востокъ они, братаны, Богу кланяются,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
 Сутки бьются они съ Новымъ-городомъ:
95. Не подходитъ Васька Буслаевичъ;
 Другія они бьются съ Новымъ-городомъ:
 Не подходитъ Васька Буслаевичъ;
 Третья они бьются съ Новымъ-городомъ:
 Васьки Буслаева въ очю нѣтъ.
100. Говорять мужики Новгородчана:
 ««Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 ««Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ,
 ««Продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей:
 ««Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева,
105. ««Молотами у нихъ головы испроломаны,
 ««Кушаками у нихъ головы испривязаны,
 ««А Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ.
 ««Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?»»

- Въ погребу учуль Васька эту гóворю похúльную *) ,
110. Заторчалъ **) Васька за дверями дубовыми,
 Тутъ бросился Васька на ободверины укладныя ***):

*) Рѣчь бранную, а вмѣстѣ похвильную—хвастливую.—О.

**) Рванулся.—О.

***) Изъ закаленного желѣза.—О.

- Высадилъ онъ двери на́ пята,
 Разметалъ онъ рогатины булатныя.
 Не пала Васькѣ никакая ура́зина *)),
 115. Захватилъ онъ осіще телѣжное,
 Бѣжить онъ съ осіщемъ на улицу:
 «Садитесь вы, братцы, на лавочку!
 «Продать васъ не я, добрый молодецъ,
 «Продала васъ моя матушка родимая:
 120. «Теперь я съ ними одинъ побр́атаюсь!»
 Заходило чернѣнное **) осіще по мужикамъ Новгород-
 чанамъ:

- Побѣжали мужики Новгородчана,
 На часу́ одинъ всю силу выгубилъ.
 Въ стрѣту палъ ему крестовый брателко:
 125. На головѣ держитъ мѣдный колоколь,
 Не величекъ колоколь—девяносто пудъ.
 Засвѣтилъ ***) Васька осью въ мѣдный колоколь,--
 Разбилъ колоколь въ мелко жеребѣ:
 Тялъ ****) брата осью телѣжную,—
 130. Зашибъ его до смерти до скорыя.
 Идетъ Васькѣ въ стрѣту Старчище Игнатьище:
 Къ землѣ Игнатьище поклѣпается ****),
 Костылемъ Игнатьище подпирается,
 На головѣ несетъ мѣдный колоколь,
 135. Не величекъ колоколь—полтора пудъ.
 Говоритъ Васька Буслаевичъ:
 «Ужь ты здравствуешь, крестовый батюшко!
 «Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ?»
 Отвѣчаетъ Старчище Игнатьище:
 140. —Ты молодой, Васька *****)!.....—

*) Орудіе битвы.—*О.*

**) Червлешое, прозвище вяла, которымъ бился.—*О.*

***) Блеснулъ, махнулъ.—*О.*

****) Ударилъ.—*О.*

*****) Сгибается.—*О.*

*****) Здѣсь записавшій пѣсню, къ сожалѣнію, изъ мнимаго приличія выпустилъ строки.—*О.*

Отвѣчаетъ Васька Буслаевъ сынь:

«Не корись ты, старая шлея бросовая *),

«Не корись ты, корзина дертѣжная **),

«Дертѣжная корзина, вѣковалая!

145. «Колько я тебя Крѣстнымъ ни назывывалъ,

«На вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ:

«Вотъ тебѣ красное яичко,—Христось воскресъ!»

Ударилъ онъ колоколъ осьей телѣжною,—

Разкроилъ онъ колоколъ въ мелко жѣребье:

150. Застегнулъ онъ Старчища Игнатьища,

Разъ ударилъ осью,—грязьей слѣлалъ.

Еще сердце въ емъ не уходилося,

Еще граётъ ***) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынь:

«Лежи ты здѣсь, сѹчище облѣзлое.

155. «Вотъ тебѣ яичко,—Христось воскресъ!»

(Записано А. Харитоновымъ, доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Тамъ же).

Наварилъ Васька пива пьянаго,

Накурилъ Васька зелена вина,

Разоставилъ чаны посередь двора,

Спускаетъ чару—полтора ведра,

5. Ко чарочкѣ приговариваетъ:

«Кто вы́здынетъ ****) чару единой рукой,

«Выпьеть чару на единый думъ,

«Будетъ Васькѣ тотъ милый другъ,

«Милый другъ будетъ, названный братъ.»

10. Приходили мужики Новгородчана

*) Негодная, брось.—О.

***) Изъ драпицы.—О.

****) Игреть, наемѣхается. О.

*****) Вы́здынуть—поднять.—О.

- Ко Васькѣ на почестенъ пирь:
 Они на питье были завидные.
 Не то *) имъ чарочка эта вышити,
 Не могли они чарочку вы́здынуть:
15. Шатаются день до вечера.
 Тутъ-то Васькѣ за бѣду стало,
 За бѣду стало за великую;
 Пошелъ Васька на широкій дворъ,
 Схватилъ Васька черненый вязъ,
20. Побѣгъ Васька на широкій дворъ,
 Взялъ тутъ мужиковъ бить-окúтывать,
 За запо'ти **) взялъ—всѣхъ повыметалъ.
 Пошли мужики—сами заплакали:
 ««Были у Васьки на честномъ пиру,
25. ««Не упили мы, не уѣли,
 ««А въ безвѣчье ***) залѣзли у Васьки на вѣки!»»

- Бѣжить на встрѣту Котельная Пригарина,
 Говорить мужикамъ таковы рѣчи:
 —Были вы у Васьки на честномъ пиру,
30. —Каково у Васьки упили,
 —Каково у Васьки вы уѣли?—
 ««Мы не упили, не уѣли,
 ««Мы въ безвѣчье залѣзли на вѣки.
 ««Ты куда бѣжишь, ты куда спѣшишь?»»
35. Котельная Пригарина тому не бардуетъ ****),
 Онъ одно бѣжить, онъ одно спѣшить.
 Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,
 Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
 Зачернаетъ чара *****)—полтора ведра,
40. Воздымаетъ чарочка единой рукой,

*) Не только что.—*О.*
 **) *Запоть*—заборъ, ограда.—*О.*
 ***) Увѣчье.—*О.*
 ****) Не обращаетъ на то вниманія.—*О.*
 *****) Весьма рѣдкое словосочиненіе.—*О.*

- Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
 Крутѣхонько *) и во второй разъ—
 Воздымаетъ чара единой рукой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
45. Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 И пошолъ Васька на широкій дворъ,
 И схватилъ Васька черненый вязъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
50. Дѣтина стоитъ—не ворѣхнется,
 На ёмъ синь кафтанъ не кольхнется,
 Кудри черныя не тряхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплѣщется:
 Не мало ведро выпилъ,—полнята́ ведра.
55. —Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичъ.
 —Окатилъ ты мнѣ ретиво сердце.
 —Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
 —Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?—
 Онъ бралъ его за бѣлы руки
60. И повель его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
 И учаль его въ тѣ поры чествовать.
65. Въ тѣ поры въ то времячко
 Увидѣли мужики Новгородчана,
 Бѣжить на встрѣту Потанюшко Хроменькій:
 Спрошаетъ онъ у мужиковъ у Новгородчанъ:
 —Были ли у Васьки на честномъ пиру?—
70. Онъ одно бѣжить, онъ одно спѣшить:
 На праву ножку онъ принадываетъ,
 На лѣву ножку онъ прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
 Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ.

*) Крутѣхонько—скорѣхонько, отъ *круто*—скоро.—О

75. Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
 Зачерпаетъ чара—полтора ведра,
 Выздынаетъ чарочка единой ружой,
 Выпиваетъ чарочка на едивой духъ;
 Крутѣхонько и во второй разъ—
80. Выздынаетъ чара единой ружой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
 Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 Пошолъ Васька на широкій дворъ
85. И схватилъ Васька черневый вязъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
 Дѣтина стоитъ—не ворѣхнется,
 На ѣмъ синь кафтанъ не кольѣхнется,
 Кудри черныя не трѣхнутся,
90. Полна чарочка въ рукахъ не всплѣщется.
 Говоритъ дѣтина Васькѣ Буслаичу:
 —Ожатишь ты меня, Васька Буслаевичъ,
 —Возвеселишь ты мнѣ буйну голову:
 —Хоть ты дай мнѣ, Васька, опохмѣлиться!—
95. Онъ бралъ его за праву руку
 И повелъ его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
100. И учалъ его въ тѣ поры потчивать.

- Мужики Новгородчана,
 На питье они были завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Ѡома Родіоновичъ,
 Вздумали они сбирать брѣтщины Никольщины.
105. Насбирали они двѣнадцать мѣръ,
 Наварили зелена вина;
 Тутъ они запраждновали,
 Никола Зиновьевичъ, Ѡома Родіоновичъ.
 Тутъ Васька Буслаевичъ съ своими товарищами,
110. Съ Котельной Пригариной, съ Потанюшкой Хромень-
 кимъ,

Пошли на честной пирь.
 Тутъ на пиру наѣдалися,
 Тутъ на пиру напивалися,
 Тутъ они другъ другу перечеили.

115. И говоритъ Васька Буслаевичъ:
 «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
 «Не боюсь я тебя, Ома Родионовичъ,
 «Не боюсь я всего Нова-города,
 «Окромъ крестоваго батюшка,
 120. «Старичища Игнатьища,
 «И крестоваго брателка Григорья Игнатьича:
 «А что по чему поидеть,—такъ и всѣхъ не боюсь!»
 И ударился Васька о великъ закладъ,
 Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,
 125. Ударился Васька о своей буйной головѣ:
 За утро битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Тутъ пришолъ Васька Буслаевъ къ матушкѣ родной,
 Къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимоѣевнѣ,
 Пришолъ онъ со своимъ товарищима,

130. Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ:
 Учалъ онъ ихъ потчивать—чествовать,
 А самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:
 «Родимая матушка, Амелѣа Тимоѣевна!
 «Ударился я съ Николой Зиновичемъ и съ Омой Роди-
 оновичемъ,
 135. «Ударился я о великъ закладъ,—
 «За утро мнѣ битися со всѣмъ Новымъ-городомъ!»
 Тутъ матерà вдова Амелѣа Тимоѣевна заплакала,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Запирала замками крѣпкими,
 140. Замѣтывала рогатками булатными.

За утро встають Котельная Пригарина,
 Потанюшко Хромелькій ранѣшенько,
 Умываються бѣлѣшенько,
 И идуть добры молодцы—сряжаются

145. Со всѣмъ биться съ Новымъ-городомъ.
 Дерутся они съ Новымъ-городомъ трои суточки:
 Молотами у ихъ головы испроломаны,
 Кушаками головы завязаны.
 ««Что ты, Васька Буслаевичь,
 150. ««Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!»»

- Туть бросился Васька на двери съ ободвѣринами,
 Бросился—двери высадилъ;
 На пути Васькѣ не пала черное вязище,
 Не пала Васькѣ никакая уразина,
 155. Схватилъ Васька телѣжное ощище:
 «Садитесь вы, братцы, на лавочку:
 «Измѣнилъ вамъ не я, добрый молодецъ,
 «Измѣнила вамъ моя родна матушка;
 «Теперь я съ ними побратаюсь!»
 160. На часу силу всю выгубилъ:
 Онъ дошолъ до крестоваго брателка:
 Идетъ онъ—несетъ колоколъ на головѣ сорокъ пудъ.
 Ударилъ Васька Буслаичъ въ мѣдный колоколъ,—
 И расшибъ колоколъ въ мелки жѣребы;
 165. Туть его тяпъ о бѣлы груди осью телѣжною,—
 Покатился за́ мертво крестовый брателко.
 Идетъ Старичище Игнатьище:
 Костылемъ онъ подпирается,
 На головѣ несетъ колоколъ—девяносто пудъ.
 170. «На что́ ты идешь, крестовый батюшко?»
 Говорить Васька Буслаевичъ.
 Отвѣчаетъ Старичище Игнатьище:
 —Ты Васька, молодойне.....!—
 «Колько я тебя Хрѣстнымъ ни назывывалъ,
 175. «На вѣку ты мнѣ яичка не давывалъ;
 «Тенерь мы съ тобой похристосуемся:
 «Вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!»
 Васька ударилъ колоколъ осью телѣжною,—
 Расшибъ колоколъ въ мелки жѣребы;
 180. Онъ застегнулъ Старичищу Игнатьищу,

Застегнулъ осью телѣжною,—
На единой разъ грязью сдѣлать.

(Записано г. Н. Борисовымъ въ 1844 г.)

*

3.

(Кирша Даниловъ).

- Въ славномъ Великомъ Новѣ-градѣ,
А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новгородскими
5. Поперегъ словечка не говариваль;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
10. И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѣа Тимоѣевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
15. Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѣа Тимоѣевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
20. Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
25. Во славномъ Новѣ-городѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева!

- Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
 Со пьяницы, съ безумницы,
 Съ веселыми удалыми—добрыми молодцы;
30. До пьяна ужь сталъ напиватися;
 А и ходя въ городѣ уродуетъ:
 Котораго возьметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго задѣнетъ за ногу,
35. То изъ..... ногу выломить;
 Котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричить—реветъ, окарачь ползеть.
 Пошла-то жалоба великая.
 А и мужики Новгородскіе,
40. Посадскіе, богатые,
 Приносили жалобу они великую
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ
 На того на Василья Буслаева;
 А и мать-то стала его журить—бранить,
45. Журить—бранить, его на умъ учить:
 Журьба Васькѣ не взлюбилася.

- Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
 Садился Васька на ременчатой стуль,
 Писалъ ярмыки скорописчаты,
50. Отъ мудрости слово поставлено:
 «Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 «Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
 «Тотъ пей и ѣшь готовое,
 «И носи платье разноцвѣтное!»
55. Разсымалъ тѣ ярмыки со слугой своимъ
 На тѣ улицы широкія
 И на тѣ частые переулочки.
 Въ то же время
 Поставилъ Васька чанъ среди двора *) ,
60. Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
 Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

*) См. № 1-й.—О.

- Во славномъ было во Новѣ-градѣ
 Грамотны люди шли,
 Прочитали тѣ ярмыки скорописчаты,
 65. Пошли ко Васькѣ на широкой дворѣ
 Къ тому чану, зелено вино.
 Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ;
 Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворѣ:
 Василій тутъ его опробовалъ,
 70. Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
 Въ половинѣ было налито
 Тяжела свинцу Чебурацкаго,
 Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ;—
 А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
 75. Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутъся;
 Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
 «А и будь ты мнѣ названой братъ,
 80. «И паче мнѣ брата родимаго!»
 А и мало время позамѣшковавши,
 Пришли два брата боярченка,
 Лука и Моисей Дѣти Боярскіе,
 Пришли ко Васькѣ на широкой дворѣ:
 85. Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
 Тѣмъ молодцамъ сталъ радошень и веселешенець.
 Пришли тутъ мужики Залѣшена:
 И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
 Еще тутъ пришло семь братовъ Збродовичи.
 90. Собиралися—сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ единого,
 Онъ самъ Василій тридцатой сталъ:
 Какой зайдетъ,—убьютъ его,
 Убьютъ его, за ворота бросятъ.
95. Посльшаль *) Васинька Буслаевичъ

*) Вѣроятно: „прослышаль“, слышалъ.—О.

- У мужиковъ Новгородскихъ
 Канунъ *) варень, пива ячныя:
 Пошелъ Василій со дружиною.
 Пришелъ во братчину въ Никольщину:
 100. ««Не малу мы тебѣ сышь **) платимъ,
 ««За всякого брата по пяти рублевъ!»»
 А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и тотъ-то староста церковной ***)
 Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
 105. А и зачали они тутъ канунъ варень пить,
 А и тѣ-то пива ячныя.
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хороброю ****):
 110. Напилися они туто зелена вина
 И пришли во братчину въ Никольщину.
 А и будетъ день ко вечеру:
 Отъ малаго до стараго,
 Начали ужъ ребята бороться,
 115. А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
 Отъ тое борьбы отъ ребячія,
 Отъ того бою отъ кулачнаго,
 Началася драка великая;
 Молодой Василій сталъ драку разнимать:
 120. А иной *****) дуракъ зашоль съ носка,
 Его по уху оплель,—
 А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:

*) Церковное празднованіе извѣстнаго дня начинается съ вечера, съ вечера, съ *канона* или *кануна*, откуда наше *на канунъ*, а самыя кушанья и питья, заготовленныя съ вечера подъ праздникъ, назывались—и называются—*сладкимъ, честнымъ кануномъ*. Здѣсь разумѣется Николинъ день и то, что было заготовлено къ Никольской братчинѣ, въ пиру, который дѣлали въ складчину со всего прихода.—О.

**) Доля складчины, ссыпаемая или сливаемая вмѣстѣ со всякого приноса.—О.

***) Начальникъ братчины.—О.

****) Должно быть: „хороброю.“—О.

*****) Одивъ, какой-то; случилось, что какой-то.—О.

- «Гой еси ты, Костя Новоторженнѣ
«И Лука, Моисей, Дѣти Боярскіе!
125. «Уже Ваську меня бьютъ!»
Поскакали удалы-добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
130. Руки-ноги переломали;
Кричать-ревать мужики посадскіе;
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
135. «Напускаюсь я на весь Новгородъ
«Битися-дратися,
«Со всею дружиною хораброю;
«Тако *) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-горо-
домъ,—
«Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою,
140. «На всякой годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритесь,—
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
145. Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напускалися,
150. И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,
Прибили уже много до смерти.
155. А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки

*) Должно быть: „только,“ если.—О.

- Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ:
 «Матера вдова Амелѣа Тимоѣевна!
 «Прими у насъ дороги подарочки,
 160. «Уйми свое чадо милое,
 «Василья Буслаевича!»»
 Матера вдова Амелѣа Тимоѣевна
 Принимала у нихъ дороги подарочки,
 Посылала дѣвушку—чернавушку
 165. По того Василья Буслаева.

- Прибѣжала дѣвушка—чернавушка,
 Сохватила Ваську во бѣлы руки,
 Поташила къ матушкѣ родимыя,
 Приташила Ваську на широкой дворъ:
 170. А и та старуха неразмышлена
 Посадила въ погреба глубокіе
 Молода Василья Буслаева,
 Затворяла дверьми желѣзными,
 Запирала замки булатными.

175. А его дружина хорабрая
 Со тѣми мужики Новгородскими
 Дерутся—бьются день до вечера;
 А и та-то дѣвушка—чернавушка
 На Волхъ—рѣку ходила по воду,
 180. А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
 «Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
 «Не подай *) насъ у дѣла у ратнаго,
 «У того часу смертнаго!»»
 И тутъ дѣвушка-чернавушка,
 185. Бросала она ведро кленовое,
 Брала коромысло кипарисово,
 Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
 По тѣмъ мужикамъ Новгородскимъ:
 Прибила ужъ много до смерти.

*) Не выдай.—О.

190. И тутъ дѣвка запыхалася,
 Побѣжала ко Василью Буслаеву,
 Срывала замки булатные,
 Отворяла двери желѣзныя:
 —А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
195. —Твою дружину хорабрую
 —Мужики Новгородскіе
 —Всѣхъ прибили—переранили,
 —Булавами буйны головы пробиваны!—
 Ото сна Василій пробуждается,
200. Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
 Не попала палица желѣзная,
 Что попала ему ось телѣжная;
 Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
 По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
205. Стоитъ тутъ Старець Пилигримища,
 На могучихъ плечахъ держитъ колоколь,
 А вѣсомъ тотъ колоколь во триста пудъ;
 Кричитъ тотъ Старець Пилигримища:
 —А стой ты, Васька, не попорхивай,
 —Молодой глудырѣ, не полетывай:
210. —Изъ Волхова воды не выпити,
 —Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
 —Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
 —Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
 Говорилъ Василій таково слово:
215. «А и гой еси, Старець Пилигримища!
 «А и бился я о великъ закладъ
 «Со мужики Новгородскими,
 «Опричь *) почестнаго монастыря,
 «Опричь тебя, Старца Пилигримища:
220. «Во задоръ войду—тебя убью!»
 Ударилъ онъ Старца во колоколь
 А и той-то осью телѣжною,—
 Начается, Старець не шевѣлнётся,—

*) Не считая въ уговорѣ.—О.

Заглянулъ онъ, Василій, Старца подъ колоколомъ,
225. А и во лбѣ глазъ—ужь вѣку нѣтъ *)).

- Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,
230. А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичъ
235. Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новгородскими
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирился.
240. Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
245. Бьютъ челомъ—поклоняются:
«Осударыня матушка!
««Принимай ты дороги подарочки,
««А уйми свое чадомилое,
««Молода Василья со дружиною;
250. ««А и ради мы платить
««На всякой годъ по три тысячи,
««На всякой годъ будемъ тебѣ носить
««Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,

*) *Качается*—есть исправленіе К. Ф. Калайдовича, очевидно противорѣчащее выраженію „не шевелится;“ въ рукописи было, какъ оставлемъ и мы, *качается*, надѣется, думаетъ, полагаетъ; ударилъ Василій въ колоколъ и думаетъ, старецъ отъ того не шевельнется, а какъ заглянулъ подъ колоколъ,—глаза ужь закрылись давно, давно умеръ отъ удара.—Думаемъ также, что вѣрнѣе чтеніе—„старцу подъ колоколъ.“—О.

- «Съ калачниковъ по калачику,
 255. «Съ молодицъ повѣнчанное,
 «Съ дѣвицъ повалешное,
 «Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
 «Опричь поповъ и дьяконовъ *).»»

Втапоры матера вдова

260. Амелюа Тимошеевна
 Посылала дѣвушку-чернавушку
 Привести Василья со дружиною.
 Пошла та дѣвушка-чернавушка,
 Бѣжавши та дѣвка запыхалася:
 265. Не лзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
 Что полтен **) по улицѣ валяются
 Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.
 Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
 Сохватила Василья за бѣлы руки,
 270. А стала ему рассказывати:
 —Мужики пришли Новгородскіе,
 —Принесли они дороги подарочки
 —И принесли записи заручныя
 —Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
 275. —Къ матерой вдовѣ Амелюѣ Тимошеевнѣ.—
 Повела дѣвка Василья со дружиною
 На тотъ на широкой дворъ,
 Привела-то ихъ къ зелену вину.
 А сѣли они молодцы во единой кругъ,
 280. Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
 Со того уразу ***) молодецкаго
 Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
 Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:

*) Разряды древнихъ податей, исключая безподатныхъ церковниковъ: *повѣнчанное*—подать съ брака, *вѣнца*; *повалешное*—съ валька, съ портомойни, съ плоту.—*О.*

**) Туши убитыхъ, половинки, окорокá разорванныхъ: одинаково средное и съ *плотью*, *плоть*, и *плоть*, *полевина* (корень словъ одинъ).—*О.*

***) Удара, побоища.—*О.*

- «У мота и у пьяницы,
 285. «У млада Васютки Буслаевича,
 «Не ушито, не уѣдено,
 «Въ краснѣ хорошо *) не ухожено,
 «А цвѣтнаго платья не уношено,
 «А увѣчье на вѣкъ залѣзено **)!»»
290. И повель ихъ Василій обѣдати
 Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ;
 Втапоры мужики Новгородскіе
 Приносили Василью подарочки,
 Вдругъ сто тысячей;
295. И за тѣмъ у нихъ мирова ***) пошла;
 А и мужики Новгородскіе
 Покорилися и сами поклонилися.

* *

II.

4.

(Оттуда же).

- Подъ славнымъ Великимъ Новымъ-городомъ,
 По славному озеру по Ильменю,
 Плаваеть-поплаваеть сѣръ селезень,
 Какъ бы ярой гоголь поныриваеть:
 5. А плаваеть-поплаваеть червленъ корабль
 Какъ бы молода Василья Буславъевича,
 А и молода Василья, со его дружиною хороброю ****),

*) Должно быть: „въ краснѣ-хорошѣ.“—О.

**) Превнѣ неосторожные издатели, какъ на примѣръ г. Сахаровъ, исправляя—„залѣчено.“ Но „залѣтъ“ значить—добыть, приобрести, и предыдущій образецъ пѣсни доказываетъ, что такое чтеніе правильно: не выпить, не проѣсть всего, что есть у Васютки, не износить платья цвѣтнаго, за то и увѣчье добыто на вѣкъ!—О.

***) Мирова (сдѣлка).—О.

****) Стихи должны быть:

А и молода Василья со его дружиною,
 Со его дружиною хороброю.—О.

- Тридцать удалыхъ молодцовъ.
 Костя Никитинъ корму держить,
 10. Маленькой Потаня на носу стоитъ,
 А Василий-то по кораблю похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:
 «Свѣтъ моя дружина хорабрая,
 «Тридцать удалыхъ-добрыхъ молодцовъ!
 15. «Ставьте корабль поперегъ Ильмена,
 «Приставайте, молодцы, ко Нову-городу.»
 А и тычками къ берегу притыкалися,
 Сходни бросали на крутой бережокъ,
 Походилъ тутъ Василий ко своему онъ двору дворян-
 скому *)),
 20. И за нимъ идетъ дружиниушка хорабрая,
 Только караулы оставили.

- Приходить Василий Буслаевичъ
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 25. Матерой вдовѣ Амелѣ Тимѳеевнѣ;
 Какъ вьюнъ около ея убивается **) ,
 Просить благословеніе великое:
 «А свѣтъ ты моя сударыня матушка,
 «Матера вдова Амелѣа Тимѳеевна!
 30. «Дай мнѣ благословеніе великое,
 «Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
 «Со всею дружиною хораброю,
 «Мнѣ ко Господу помолитися,
 «Святой святынѣ приложитися,
 35. «Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
 Что взговорить матера вдова,
 Матера Амелѣа Тимѳеевна:

*) Стихи должны быть:

Походилъ тутъ Василий ко своему двору,
 Къ своему онъ двору ко дворянскому.—О.

**) Должно быть: „убивается.“—О.

- Гой еси ты, мое чадо милое,
 —Молодой Василий Буслаевич!
40. —То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 —Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 —То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 —И не дамъ благословенія великаго,
 —А и не носи Василья сыра земля!—
45. Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жару разтопляется:
 Материно сердце распускается;
 И даетъ она много свинцу-пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
50. И даетъ оружье долгомѣрное:
 —Побереги ты, Василий, буйну голову свою!—
 Скоро молодцы собираются
 И съ матерой вдовой прощаются;
 Походили они на червленъ корабль,
55. Подымали тонки парусы полотняныя,
 Побѣжали по озеру Ильмену.

- Бѣгутъ они ужь сутки другія,
 А бѣгутъ уже недѣлю другую,
 Въ стрѣчу имъ гости корабельщики:
60. «Здравствуй, Василий Буслаевич!
 «Куда, молодець, поизвоилъ погулять?»
 Отвѣчаетъ Василий Буслаевич:
 «Гой еси вы, гости корабельщики!
 «А мое-то вѣдь гулянье неохотное »):
65. «Съ молоду бито много, граблено,
 «Подъ старость надо душа спасти »).
 «А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
 «Ко святому граду Іерусалиму?»
 Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
70. «А и гой еси, Василий Буслаевич!

*) По неволѣ.—О.

**) Обычный древній оборотъ словосочиненія.—О.

- «Прямымъ путемъ въ Иерусалимъ градъ
 «Бѣжать семь недѣль,
 «А окольной дорогой полтора года.
 «На славномъ морѣ Каспійскимъ,
 75. «На томъ острову на Куминскимъ,
 «Стоитъ застава крѣпкая,
 «Стоять атаманы козаціе,
 «Не много, не мало ихъ—три тысячи:
 «Грабятъ бусы-галеры,
 80. ««Разбиваютъ червлены корабли *)»
 Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
 «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
 «А и вѣрую въ свой червеной вязъ:
 «А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!»
85. И завидѣлъ Василій гору высокую,
 Приставалъ скоро ко круту берегу,
 Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
 На ту ли гору Сорочинскую,
 А за нимъ летитъ дружина хорабрая.
90. Будетъ Василій въ полу-горѣ,
 Тутъ лежитъ пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость:
 Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщитъ пуста голова человѣческая:
95. —Гой еси ты, Василій Буславьевичъ!
 —Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
 —Я, молодець, не хуже тебя былъ,
 —Умѣю я, молодець, валятися;
 —А на той горѣ Сорочинскія,
100. —Гдѣ лежитъ пуста голова,
 —Пуста голова молодецкая,
 —И лежатъ будетъ головѣ Васильевой!—
 Пкнулъ Василій, прочь пошелъ:
 «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить,

*) Должно быть: „карабли.“—О.

105. «Или нечистой духъ!»
 Пошелъ на гору высокую.
 На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 А и черезъ его только топоръ подать,
110. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А кто, де, у камня станетъ тѣшиться,
 «А и тѣшиться-забавлятися,
 «Вдоль скакать по каменю,—
115. «Сломить будетъ буйну голову.»»
 Василий тому не вѣруеть;
 Приходилъ со дружиною хораброю,
 Стали молодцы забавлятися,
 Поверегъ того каменю поскакивати:
120. А вдоль-то его не смѣютъ скакать.
- Пошли со горы Сорочинскія,
 Сходятъ они на червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняны,
 Побѣжали по морю Каспійскому
125. На ту на заставу корабельную,
 Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
 А стары атаманы козаціе:
 На пристани ихъ стоятъ сто человекъ.
 А и молодой Василий на пристань стальъ:
130. Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
 Червленымъ вязомъ подпирается.
 Тутъ караульщики, удалы-добры молодцы,
 Всѣ на караулѣ испугалися;
135. Много его не дожидаются:
 Побѣжали съ пристани корабельныя
 Къ тѣмъ атаманамъ козачимъ.
 Атаманы сидятъ—не дивуются,
 Сами говорятъ таково слово:
140. «Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

- ««Не видали страху великаго!
 ««Это, де, идетъ Василій Буслаевичъ:
 ««Знать, де, полетка соколиная,
 ««Видѣть, де, поступка молодецкая *)!»»
145. Пошагалъ-то Василій со дружиною,
 Гдѣ стоятъ атаманы козачіе;
 Пришли они, стали во единой кругъ;
 Тутъ Василій имъ поклоняется,
 Самъ говоритъ таково слово:
150. «Вздравствуйте, атаманы козачіе!
 «А скажите вы мнѣ прямаго путя
 «Ко святому граду Іерусалиму?»
 Говорятъ атаманы козачіе:
 ««Гой еси, Василій Буслаевичъ!
155. ««Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба ку-
 шати **)!»»
- Втапоры Василій не ослушался:
 Садился съ ними за единой столъ.
 Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра ***):
 Принимаетъ Василій единой рукой
160. И выпилъ чару единымъ духомъ;
 И только атаманы тому дивуются,
 А сами не могутъ и по полу-ведру пить.
 И хлѣба съ солью откушали ****),
 Сбирается Василій Буслаевичъ
165. На свой червленъ корабль,—
 Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
 Первую мису чиста серебра,
 И другую красна золота.

*) Замѣтно по полету сокола, видно по поступкѣ молодца.—*О.*

***) Стихи должны быть:

«Милости тебя просимъ за единой столъ,
 «За единой столъ хлѣба кушати!»—*О.*

***) Стихи:

Наливали ему чару зелена вина,
 Зелена вина въ полтора ведра.—*О.*

****) Т. е. когда откушали.—*О.*

Третью скатнаго жемчуга.

170. За то Василій благодарить и кланяется,
 Просить у нихъ до Ерусалима провожатаго:
 Тутъ атаманы Василью не отказывали,
 Дали ему молодца провожатаго,
 И сами съ нимъ прощалися.
175. Собрался Василій на свой червленъ корабль
 Со своею дружиною хораброю,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть они во Ердань-рѣкѣ,

180. Бросали якори крѣпкіе,
 Сходни бросали на круть бережокъ,
 Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
 Со своею дружиною хораброю,
 Въ Іерусалимъ градъ.
185. Пришелъ во церкву соборную:
 Служилъ обѣдни за здравіе матушки
 И за себя Василья Буслаевича;
 И обѣдню съ панихидою служилъ
 По родимомъ своемъ батюшкѣ
190. И по всему роду своему;
 На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
 Про удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
 Что съ молоду бито много, граблено.
 И ко святой святынѣ приложился онъ,
195. И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
 И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
 И которые старцы при церквн живутъ *),
 Даетъ золотой казны не считаючи;
 И походить Василій ко дружинѣ
200. Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Втапоры его дружина хорабрая

*) Богорадице старцы, въ богадѣльнѣ, странноприимницѣ и больницѣ.—О.

Купались во Ерданѣ рѣкѣ;
 Приходила къ нимъ Баба Залѣсная,
 Говорила таково слово:

205. —Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
 —А некому купатися опрѣчь Василья Буслаевича!
 —Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Исусъ Хри-
 стось *):

—Потерять его вамъ будетъ,
 —Большаго атамана Василья Буслаевича **)! —

210. И они говорятъ таково слово:
 «Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ
 чохъ **»).»»

И мало время поизойдучи,
 Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
 Приказалъ выводить корабль

215. Изъ устья Ердань-рѣки.

Подняли тонки парусы полотняны,
 Побѣжали по морю Каспійскому,
 Приставали у острова Куминскаго;
 Приходили тутъ атаманы козачіе,

220. И стоять всѣ на пристани корабельныя;
 А и выскочилъ Василій Буслаевичъ
 Изъ своего червленаго корабля,
 Поклонились ему атаманы козачіе:
 «Здравствуй, Василій Буслаевичъ!

*) Стихи:

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь,

—Самъ Господь Исусъ Христось.—О.

**) Изъ другихъ разнорѣчій пѣсни знаемъ, что не купаться въ Ерданѣ считалось грѣхомъ, а грѣхомъ было купаться „нагимъ тѣломъ,“ ибо такъ крестился только Господь; Баба догадывается, что некому было сдѣлать эту дерзость кромѣ Василья, и за то предсказываетъ, что путники потеряютъ своего атамана.—О.

***) Стихи:

«Нашъ Василій тому не вѣруеть,

«Не вѣруеть Василій ни въ сонъ, ни въ чохъ.»—О.

225. «Здорово ли съѣздить въ Ерусалимъ градъ?»
 Много Василій не бантъ съ ними,
 Подалъ письмо въ руку имъ,
 Что много трудовъ за ихъ положишь,
 Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ;
230. Втапоры атаманы козачіе
 Звали Василя обѣдати:
 И онъ не пошелъ къ нимъ,
 Прошася со всѣми тѣми атаманы козачими.
 Подымали тонки парусы полотняные,
235. Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.

- А и ѣдутъ недѣлю споряду,
 А и ѣдутъ уже другую,
 И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую:
 Захотѣлось Василю на горѣ побывать.
240. Приставали къ той Сорочинской горѣ,
 Сходни бросали на ту гору,
 Пошелъ Василій со дружиною.
 И будетъ онъ въ полъ-горы,
 И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость *):
245. Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщится пуста голова:
 —Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
 —Къ чему меня, голову, попинываешь
 —И къ чему побрасываешь?
250. —Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
 —Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
 —Гдѣ лежитъ пуста голова,
 —Лежать будетъ и Васильевой головѣ!—
 Пянулъ Василій, прочь пошелъ.

*) Стихи:

И завидѣлъ Василій гору высокую,
 Высокую гору Сорочинскую...
 И на пути лежитъ пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость.—0.

255. Взошелъ на гору высокую,
 На ту гору Сорочинскую,
 Гдѣ стоитъ высокой камень:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 И черезъ его только топоромъ подать,
260. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А кто, де, у камня станетъ тѣшиться,
 «А и тѣшиться-забавляться,
 «Вдоль скакать по камню,—
265. «Сломить будетъ буйну голову.»
 Василий тому не вѣруеть;
 Сталь со дружиною тѣшиться и забавляться,
 Поперегъ камню поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакать,—
270. Разбѣжался—сочилъ вдоль по камню:
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили.
275. Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
 На свой червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали къ Нову-городу.

И будутъ у Нова-города,

280. Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
 Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
 Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимошеевнѣ.
 Прошли *) и поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали;
285. Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
 Говорила таковы слова:
 «Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
 «У меня нышѣ вамъ дѣлать нечего;

*) Пришли?—О.

- «Подите въ подвалы глубокіе,
 290. «Берите золотой казны не считаючи!»
 Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
 Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
 Брали они казны по малу числу;
 Пришли они къ матерой вдовѣ,
 295. Возговорили таковы слова:
 ««Спасибо, матушка Амелѣа Тимоѣевна,
 ««Что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ мо-
 лодцовъ *)!»»
- Втапору матера вдова Амелѣа Тимоѣевна
 Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
 300. Подносить дѣвушка-чернавушка
 Тѣмъ удалымъ-добрымъ молодцамъ;
 А и выпили они, сами поклонилися,
 И пошли добры молодцы,
 Кому куда захотѣлося.

*
 * *

*) Стихи:

Прочитала письмо матера вдова,
 Прочитала письмо, сама заплакала...
 ««Что поила-кормила, обувала-одѣвала,
 ««Обувала-одѣвала добрыхъ молодцевъ!»» — О.

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

I.

1.

(Олопецк. губ., Повѣнецк. уѣзда, деревни Клеменецъ).

- Будучись Садко Купецъ, Богатый Гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оними своей буйной головой,
Что «Я у васъ повыкуплю товары всѣ,
5. «Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу:
«Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
«Да на свои корабли повыгрузить,—
«Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
10. Сталъ онъ товаровъ покушать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
15. «Друзги и братья корабельщики!
«Катайте-ко якоря съ синя моря,
«Распушайте-ко парусы полотнянны!»
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
20. На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ, Богатый Гость.
- И ѣдетъ Садке Купецъ, Богатый Гость, среди моря,
И остановился корабль Садки Купца Богатаго.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:

25. «Ай же вы, дружки—братья корабельщики!
 «Берите—ко шупы желѣзныи,
 «Щупайте во синѣмъ мори:
 «Нѣтъ ли луды *) или каменя,
 «Нѣтъ ли отмели песочныя?»
30. Они щупали во синѣмъ мори:
 Не нашли они ни луды, ни каменя,
 И не нашли отмели песочныя.
 Тутъ скрычалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Эй вы, дружья—братья корабельщики!
35. «Вы спустайте во синѣ морѣ якори мѣртвыи
 «И становитесь всѣ по поряди.»
 Они кидали якори мѣртвыи
 И становились всѣ по поряди.
 И собиралися на одинъ корабль,
40. И говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же вы, дружья—братья корабельщики!
 «Вы насыпьте одву мису чиста серебра,
 «Другую насыпьте красна золота,
 «А третью насыпьте скатна жемчуга,
45. «Положите на дощечку золоту казну
 «И бросьте дощечку во синѣ морѣ:
 «Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
 «А Поддѣнному Царю пошлины не плачивалъ,—
 «Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ!»
50. Положили на дощечку золоту казну:
 Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголѣмъ плыветъ.
 Тутъ говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же вы, дружья—братья корабельщики!
 «Вѣрно не пошлины Поддѣнной Царь требуетъ,
55. «А требуетъ онъ голову человѣческую!
 «Возмите—тко дерево сосновое,
 «Нарѣжьте жеребьи помянно всѣмъ,
 «Подпишите подпись по отечеству,
 «Бросьте жеребьи во синѣ морѣ

*) Подводнаго камня: который лудима, обманиваетъ плывущихъ.—0.

60. «Ко тому Царю ко Поддѣнному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
65. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это есть дерево не правое,
 «Не правое дерево—сосновое!
 «А возьмите вы дерево еловое,
 «Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
70. «И подпишите подпись по отечеству,
 «Бросьте жеребьи во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддонному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
75. А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это дерево есть не правое,
 «Не правое дерево—еловое!
80. «Возьмите-ко дерево ольховое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
 «И подпишите подпись по отечеству:
 «Кому у насъ, братцы, итти во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддонному?»
85. Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ;
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
90. «Это есть дерево не правое!
 «А возьмите-ко дерево дубовое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
 «Подпишите подпись по отечеству.»
 Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
95. И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,

- А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
100. «Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—дубовое!
«А возьмите—ко дерево кипарисное,
«И вырѣжьте жеребьи помянно всѣмъ,
«И подпишите жеребьи по отечеству:
105. «На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распять есть,
«Это есть дерево правое,
«Правое дерево—кипарисное.»
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи помянно всѣмъ,
110. Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
115. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Видно, бѣда пришла мнѣ неминучая:
«Самому Садку, Купцу Богатому
«Иттить будетъ во синѣ морѣ!
«Насыпьте—ко, братцы, мису чиста серебра,
120. «Другу насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли яворчеты *) ,
125. Камочку **) Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши—Сибирскіи.
И приказалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Мисы класть на дощечечку,

*) Яворчеты, яворовья.—О.

**) Вѣроятно ошибка пѣвца, соблазненного прозвищемъ „Сибирскую“: дѣло идетъ о гусяхъ и ихъ наигрышахъ.—О.

130. И самъ садился на тую же:
И быдо въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменёмъ ко дну.

И приняло *) дощечку во снѣмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаменны,

135. А корабли его всѣ въ ходъ пошли,
А онъ пришелъ въ подлату бѣлокаменну
Ко тому Царю ко Поддонному.
Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,

140. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонный Царь!
«За чѣмъ ты меня сюда требоваль?»
Говоритъ Поддонной Царь:
—Я за тѣмъ тебя сюда требоваль,—

145. —Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
—Что у васъ на Руси есть дорого:
—У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
—Злато или серебро на Руси есть дорого,
—Или булатъ-жельзо есть дорого?—

150. Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Я скажу тебѣ и повѣдаю:
«У насъ злато-серебро на Руси дорого,
«А булатъ-жельзо не дешевлѣя;

155. «Потому оно дорого,
«Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
«А безъ булату-жельза жить-то нѣ можно,
«А нѣ можно жить вѣдь никакому званію.»
Говоритъ ему Поддонной Царь:

160. —Что у тебя есть во правой руки
—И что у тебя есть во лѣвой руки?—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Есть у меня во правой руки

*) Принесло: какъ въ языкѣ Сербскомъ.—О.

- «Образъ Микола Угодника,
 165. «А во лѣвой руки гусли яровчеты.»
 Тутъ беретъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Беретъ онъ гусельшки яровчеты:
 Тутъ Поддонной Царь распотѣшился
 И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,
 170. Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
 И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
 Проигралъ Садко ровно три часу.
 Говорить ему Царица Поддонная:
 ««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 175. ««Сломай—ко ты гусли яровчеты:
 ««Тебѣ кажется, что скачетъ по полатамъ Царь,
 ««А скачетъ Царь по крутымъ берегамъ;
 ««Отъ его отъ пляски тонуть—гинуть
 ««Безповинныя буйны головы.»»
 180. Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
 И прирвалъ струны золочѣныя.
 Тутъ Поддонной Царь велитъ играть,
 Велитъ играть друго три-часу;
 Тутъ отвѣтъ держитъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 185. «У меня сломались гусли яровчаты.»
 Говорить ему Поддонной Царь:
 —У насъ есть слесаря и починять ихъ.—
 Говорить Садке Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же ты, Поддонной Царь!
 190. «Не починить здѣсь моихъ гусельшекъ яровчатыхъ:
 «Надобно починить—на Русь сходить.»

- Говорить ему Поддонной Царь:
 —Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—
 Говорить ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
 195. «Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
 Тутъ пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.
 Говорить ему Царица Поддонная:
 ««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 ««Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь,—

200. «Такъ въ той толпы княгини *) ты не выбери,
 «А скажи Царю ты Поддонному,
 «Что «въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;»
 «Такъ приведетъ Царь толпу другую,—
 «И въ другой толпы княгини ты не выбери;
205. «А третью толпу приведетъ Поддонной Царь,—
 «Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
 «Которая идетъ позади всѣхъ,
 «Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
 «Тогда ты будешь на Святой Руси,
210. «Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
 «Увидишь и солнце красное.»»
 Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
 И потребовалъ Садка Купца Богатаго
 Выбрать себѣ княгину по разуму.
215. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу другую,
 И говоритъ онъ Садку Купцу Богатому:
 —Выберай княгину ты по разуму.—
220. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь
 Толпу дѣвицъ третьейю,
 И говоритъ Садку Купцу Богатому;
225. —Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 —Выберай теперь княгину ты по разуму.—
 Въ этой толпы Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Сталъ выбирать себѣ княгину по разуму,
 И выбралъ дѣвицу по разуму,
230. Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
 И говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же ты, Поддонной Царь!
 «Эта мнѣ дѣвица полюбилася.»
 И тую дѣвицу Царь за его отдалъ,

*) Молодой, молодцы въ бракъ.—О.

235. И далъ ему во приданныххъ
 Одну бочку чиста серебра,
 Другу бочку красна золота,
 Третью бочку красна *) жемчуга.
 Отвели Садка во ложню спать,

240. Заспалъ Садко Купецъ Богатый во крѣпкой сонѣ.

Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
 И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
 И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крѣжу **),
 На крутомъ крѣжу, у быстрой рѣки,
 245. И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
 А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
 И тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

(Записано П. Н. Рыбниновымъ въ июлѣ 1862 г. отъ Корѣлака, крестьянина
 Василья Лазарева).

*

2.

(Кирша Давиловъ).

Какъ по морю—морю по синему,
 Бѣгутъ—побѣгутъ тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей—единъ Соколъ корабль
 Самого Садки, Гостя Богатаго.
 5. А всѣ корабли что соколы летять:
 Соколъ корабль на морѣ стоитъ.
 Говоритъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
 «А ярыжки ***) вы, люди наемные,
 «А наемны люди, подначальные!

*) Скатна?—О.

**) Каменистомъ берегу.—О.

***) Матросы, гребцы.—О.

10. «А въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,
«А и рѣжете жеребья вы валжены,
«А и всякъ—то пиши на имена *)»,
«И бросайте вы ихъ на сине море.»
Садко покинулъ хмѣлево перо,
15. И на немъ—то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
«А ярыжки, люди вы наемные!
«А слушай рѣчи праведныхъ **):
«А бросимъ мы ихъ на сине море,—
20. «Которые бы ***) по верху плывуть,
«А и тѣ бы душеньки правыя;
«Что которые—то во морѣ тонуть,
«А мы тѣхъ спихнемъ во сине море.»
А всѣ жеребья по верху плывуть,
25. Кабы яры гоголи по заводямъ:
Единъ жеребій во морѣ тонеть,
Во морѣ тонеть хмѣлево перо
Самого Садки, Гостя Богатаго.
Говорилъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
30. «Вы ярыжки, люди наемные,
«А наемные люди, подначальные!
«А вы рѣжете жеребья ветляные,
«А пишете всякъ себѣ ****) на имена,
«А и сами къ нимъ приговаривай:
35. ««А которы жеребьи во морѣ тонуть,
««А и то бы душеньки правыя!»»
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ—то жеребій въ десять пудъ.
40. И всѣ жеребьи во морѣ тонуть:
Единъ жеребій по верху плыветь
Самого Садки, Гостя Богатаго.

*) По имени, поименно.—О.

**) Рѣчій, т. е. рѣчей, или „рѣчи праведны.“—О.

***) Буде, будетъ, если.—О.

****) Кромѣ такого чтенія можно допустить: „себе, себя.“—О.

- Говорить тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
 «Вы ярыжки, люди наемные,
 45. «А наемны люди, подначальные!
 «Я, Садъ-Садко, знаю-вѣдаю:
 «Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
 «Тому Царю Заморскому
 «Не платилъ я дани-пошлины
 50. «И во то сине море Хвальнское
 «Хлѣба съ солью не опускавалъ, —
 «По меня, Садку, смерть прищца!
 «И вы, купцы, гости богатые,
 «А вы, цѣловальники любимые,
 55. «А и всѣ прикащики хорошіе!
 «Принесите шубу соболиную.»
 И скоро Садко наряжается,
 Беретъ онъ гусли звончаты
 Со хороши струны золоты,
 60. И беретъ онъ шахматницу дорогу
 Со золоты тавлеями,
 Со тѣми дороги, вальятаты *)
 И спускали сходню вѣдь серебряну,
 Подъ краснымъ золотомъ:
 65. Походилъ **) Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Спускался онъ на сине море,
 Садмыся на шахматницу золоту;
 А и ярыжки, люди наемные,
 А наемны люди, подначальные,
 70. Утащили сходню серебряну,
 И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
 Ее на Соколъ корабль:
 А Садко остался на синемъ морѣ,
 А Соколъ корабль по морю пошелъ;
 75. А всѣ корабли какъ соколы летять,
 А единъ корабль по морю бѣжить,

*) См. вми. 2, стр. 85.—О.

**) Т. е. на сходню, пустелся, отпрашилс.—О.

Какъ бѣлъ кречеть *),
Самого Садки, Гостя Богатаго.

- Отца—матери молитвы великія **),
80. Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя Богатаго,
Не видалъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Ни горы, ни берегу,
85. Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и самъ Садко туту дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ снѣга моря,
Нашель онъ избу великую,
90. А избу великую—во все дерево,
Нашель онъ двери и въ избу пошелъ.
И лежить на лавкѣ Царь Морской:
—А и гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
—А что душа радѣла ***), того Богъ мнѣ далъ:
95. —И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
—А нынѣ Садко головой ****) пришелъ!
—Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.—
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
100. А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать *****).
И того Садку, Гостя Богатаго,
Напоилъ питьями разными:
Напивался Садко питьями разными,
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ,

*) Вѣроятно опущено „летитъ,“ „перепархиваетъ“ или что либо въ этомъ родѣ.—*О.*

***) По молитвамъ отца-матери Садка: подымалася погода тихая, и проч.—*О.*

****) Чего душа желала.—*О.*

*****) Лично, самъ.—*О.*

*****) Стихи:

А и Царь Морской зачалъ скакать,
Зачалъ скакать, зачалъ плясать.—*О.*

105. И уснулъ Садко Купецъ, Богатой Гость.
 А во снѣ пришесть Святитель Николаи къ нему,
 Говорить ему таковы рѣчи:
 ««Гой еси ты, Садко Купецъ, Богатой Гость!
 ««А рви ты свои струны золоты
110. ««И бросай ты гусли звончаты:
 ««Разплясался у тебя Царь Морской,—
 ««А сине море всколебалоса,
 ««А и быстры рѣки разливались,
 ««Топять много бусы—корабли *)),
115. ««Топять души напрасныя
 ««Того народу православнаго.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Изорвалъ онъ струны золоты
 И бросаетъ гусли звончаты,
120. Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
 Утихло море синее,
 Утихли рѣки быстрыя.

А по утру сталъ тутъ Царь Морской,
 Онъ сталъ Садку уговаривать:

125. А и хочетъ Царь Садку женить,
 И привелъ ему тридцать дѣвиць.
 Никола ему во снѣ наказывалъ:
 ««Гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
 ««А станеть тебя женить Царь Морской,
130. ««Приведеть онъ тридцать дѣвиць,—
 ««Не бери ты изъ нихъ хорошую **) , бѣлыя—румяныя,
 ««Возми ты дѣвушку поваренную ***) ,
 ««Поваренную, что котора хуже всѣхъ.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,

*) Бусы—известный видъ судна: см. Словарь В. И. Даля.—О.

**) Сообразно съ послѣдующимъ, вѣроятно родительный: „хорошія,“ хорошей.—О.

***) Черную, чернавку.—О.

135. Онъ думался *)—не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь Морской
Положилъ Садку на подклѣтъ **) спать,
140. И ложился онъ съ новобрачною.
Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ
Не обнимать жену, ««не цѣлуй ее.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Съ молодой женой на подклѣтъ спитъ,—
145. Свои рученьки ко сердцу прижалъ ***):
Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену:
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
150. А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго;

155. Перекрестился крестомъ своимъ,
И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
160. Единъ корабль самого Садки, Гостя Богатаго;
И встрѣчаетъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Цѣловальниковъ любимымъхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
165. И вышли цѣловальники на крутъ берегъ:
И тутъ Садко поклоняется:

*) Онъ прибавлено по соответствію съ „не продумался (притяженіе, аттракція).“—О.

**) Гдѣ кладутъ обычно молодыхъ.—О.

***) Чтобъ не обнять.—О.

«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
«И приканники хорошіе!»

И тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможенно положилъ
170. Казны своей сорокъ тысячей *):
По три дни не **) осматривали.

* *

II.

3 ***).

(Оттуда же).

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки ****)
И скорби Садко не видывалъ,
5. А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!»
10. «А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
«И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
«А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»

*) Т. е. вступивши въ городскую пристань.— О.

**) Ее, казну?— О.

***) Эта былина, по некоторымъ чертамъ содержанія, должна бы помѣститься
первомъ: см. въ Приложеніяхъ „Замѣтку.“— О.

****) Лихой встрѣчи, несчастнаго случая, который наталкивается на чело-
вѣка или челоуѣкъ на него.—

Стихи должны быть:

Никакой надъ собой притки и скорби,
Притки и скорби Садко не видывалъ.— О.

- Проговорить ему matka Волга рѣка:
 15. —А и гой еси, удалой-доброй молодець!
 —Когда придешь ты во Новгородъ,
 —А стань ты подь башню проѣзжую *),
 —Поклонися отъ меня брату моему,
 —А славному озеру Ильмену.—
 20. Втапоры Садко молодець отошедь поклонился.

- Подошелъ ко Нову-городу,
 И будетъ у тоя башни проѣзжія,
 Подлѣ славнаго озера Ильменя,
 Править челобитье великое
 25. Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
 Говорить таково слово:
 «А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
 «Сестра тебѣ Волга челобитье посылаеть двою **).»
 Говорилъ самъ и кланялся.
 30. Малое время замѣшкавши,
 Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
 Удалой-доброй молодець,
 Поклонился ему, добру молодцу:
 —Гой еси, съ Волги удалъ молодець!
 35. —Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою?—
 А и тотъ молодець Садко отвѣтъ держить:
 «Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Со вершины знаю и до устья се—
 «А и нижняго царства Астраханскаго.»
 40. А сталъ тотъ молодець наказывати,
 Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
 —Гой еси ты, съ Волги удалъ молодець!
 —Проси бошлыковъ ***) во Новѣ-городѣ,

*) Такъ доселѣ называется на Руси всякая башня съ воротами, черезъ которые проѣзжаютъ по суху ли, или по водѣ.—О.

**) Вдвойнѣ, двойное.—Здѣсь также, можетъ быть, ослышка записавшаго вмѣсто „мною“, черезъ меня?—О.

***) Восточное: голова, атаманъ, особенно рыболовный, неводный; правильнѣе башлыкъ, отъ башъ—голова.—О.

- Ихъ *) со тремя неводами
 45. —И съ тѣми людьми со работными,
 —И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро:
 —Что будетъ тебѣ Божья милость.—

- Походили онъ молодецъ
 Къ тѣмъ бошлыкамъ Новгородскимъ,
 50. А пришелъ онъ, самъ кланяется,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
 «А и дайте мнѣ тѣ три невода
 «Со тѣми людьми со работными,
 55. «Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
 «Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу.»
 А и втапоры ему бошлыки не отказывались,
 Сами пошли бошлыки со работными людьми,
 А закинули три невода во Ильмень-озеро:
 60. Первой неводъ къ берегу пришелъ,—
 И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
 Бѣлая вѣдь рыба мелкая:
 И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,—
 Въ томъ-то рыба красная **):
 65. А и третій неводъ къ берегу пришелъ,—
 А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
 Бѣлая рыба въ три четверти.
 Перевозился Садко молодецъ на гостинной дворъ
 Со тою рыбою ловленою:
 70. А и перву рыбу перевозили всю,
 Клали они рыбу въ погребы:
 Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
 Та была рыба вся красная;
 Изъ третьяго невода возили они
 75. Въ тѣ же погребы глубокіе,

*) Неловко. Вообще въ этой былинѣ стихи записаны дурно и раздѣлены неправильно.—О.

**) Извѣстное русское дѣленіе видовъ рыб.—О.

Запирали они погребы на крѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдавъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.

80. А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три
дни *)),

На четвертой день погулять захотѣлось;
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,—
А на силу Садко туто двери отворить:
Котора была рыба мелкая,

85. Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ:
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки—червонцы лежать.

90. Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежать.

Втапоры Садко Купецъ, Богатой Гость,
Сходилъ Садко на Ильмень-озеро,

95. А бьетъ челомъ, поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!
«Поучи меня жить во Новѣ-градѣ?»
А и тутъ ему говорилъ Ильмень-озеро:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!

100. —Поводись ты со людьми со таможенными,
—А и только про ихъ ты обѣдь доспѣй,
—Позови молодцовъ, посадскихъ людей:
—А стануть те **) знать и вѣдати.—
Тутъ молодецъ догадается,

*) Стихи:

А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ,
На гостинной дворъ не ходять по три дни.—О.

**) Вѣроятно это не *ты*, а *те*—тебя: будешь съ ними въ знакомствѣ, а
они больше всего тебѣ нужны.—О.

105. Сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей,
 А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
 И будетъ *) во Новѣ-городѣ,
 У того ли Николы Можайскаго **),
 Тѣ мужики Новгородскіе соходилися
110. На братчину Никольщину,
 Начинають пить канунъ, пива ячныя ***);
 И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-доброй молодець,
 Удалой молодець былъ Волгской сурь ****),
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
115. «А и гой вы еси, мужики Новгородскіе!
 «Примите меня во братчину Никольщину:
 «А и я вамъ сышь *****) плачу не малую.»
 А и тѣ мужики Новгородскіе
 Примали его во братчину Никольщину:
120. Далъ молодець имъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и зачали пить пива ячныя,
 Навивались молодцы уже до пьяна,
 А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
 «А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
125. «Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,
 «По три дни и по три уповада *****):
 «Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповада,
 «Не оставлю товаровъ ни на денежку,
 «Ни на малу разну полушечку;
130. «А то коли я товары не выкуплю,
 «Заплачу казны вамъ сто тысячей.»

*) Случится, случилось.—О.

***) Рѣзной образъ Святителя, особенно чтимый въ народѣ: онъ есть во многихъ старыхъ городахъ, между прочимъ въ Можайскѣ, откуда и принялъ свое имя; впоследствии Садко построилъ ему на свой счетъ церковь.—О.

****) Сличь выше.—О.

*****) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. LXIV, LXV.—О.

*****) Сличь выше.—О.

*****) Изъ многихъ значеній этого слова по областямъ, здѣсь оно, вѣроятно, имѣетъ смыслъ вообще—„въ три приѣма,“ а приѣмъ — разстояніемъ времени съ утра до обѣда или съ обѣда до вечера, сколько рабочій человѣкъ можетъ протянуть свой трудъ не ѣвши и не отдыхая.—О.

- А и тутъ мужики Новгородскіе
Тѣ-то, де, рѣчи его записывали *)).
- А и выпїли канунъ, пива ячныя,
135. И заставили Садку ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу,
Закупаеъ онъ товары повольной цѣною:
140. Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ Садко, Божїй храмъ соорудилъ
145. А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы. чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
150. А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
Во Новѣ-градѣ товару больше стараго:
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
155. И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божїй храмъ соорудилъ
А и во имя Софіи Премудрыя,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
160. Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третїй день,
По третїй день по Нову-городу:
Во Новѣ-городѣ товару больше стараго.
165. Всякихъ товаровъ заморскїихъ;
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,

*) Сдѣлали по его рѣчамъ запись, письменное условїе.— 0.

- Не оставилъ товару ни на денежку,
 Ни на малу разну полушечку.
 Много у Садки казны осталось,
170. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
 Шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
 Во имя Николая Можайскаго,
 Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
 Мѣстны иконы изукрашивалъ,
175. Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
 Царскія двери вызолачивалъ.
 А и ходитъ Садко по четвертой день,
 Ходилъ Садко по Нову-городу,
 А и цѣлой день онъ до вечера:
180. Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
 Зайдетъ Садко онъ во темной *) рядъ:
 И стоять тутъ черепаны, гнилые горшки,
 А всѣ горшки уже битые;
185. Онъ самъ Садко усмѣхается,
 Даетъ деньги за тѣ горшки,
 Самъ говорить таково слово:
 «Пригодятся—ребятамъ черепками играть,
 «Поминать Садку, Гостя Богатаго!
190. «Что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ
 «Всякими товарами заморскими
 «И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

* *
 *

*) Обычное прозваніе всякаго русскаго торговаго ряда, который, какъ извѣстно, съ намѣренною цѣлю дѣлается темнымъ.—О.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

(Оттуда же).

- Въ стольномъ Новъ-городѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жиль-быль богатой гость,
5. А по имени Терентище.
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
10. Ворота были вальящатые *),
Верей хрустальные,
Подворотина—рыбій зубъ **).
Среди двора гридня стоитъ:
Покрыша съдыхъ бобровъ,
15. Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица—то валженная ***),
Была печка муравленая,
Середа ****) была кирпичная;
А на среди кроватка стоитъ,
20. Да кровать слоновыхъ костей:
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.—О.

***) См. тамъ же.—О.

****) Ср. вып. 4, стр. 81.—О.

*****) Поль.—О.

25. Она съ вечера трудна-больна,
 Со полуночи недужна вся:
 Разходился недугъ въ головѣ,
 Разыгрался утинъ *) въ хребтѣ,
 Пустился недугъ къ сердцу **),

30. Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
 «А н гой еси, богатой гость,
 «И по имени ***) Терентьище!
 «Возми мои золоты ключи,
 «Отмыкай окованъ сундукъ»,
 35. «Вынимай денегъ сто рублевъ,
 «Ты поди—дохтуровъ добывай,
 «Волхи-то ****) спрашивати.»
 А втапоры Терентьише,
 Онъ жены своей слушался
40. И жену-то во любви держалъ:
 Онъ взялъ золоты ея ключи,
 Отмыкалъ окованъ сундукъ,
 Вынималъ денегъ сто рублевъ
 И пошелъ дохтуровъ добывать.
45. Онъ будетъ *****), Терентьище,
 У честна Вздвиженья *****) ,

*) Боль въ поясницѣ, чаще въ спинѣ, съ нервнымъ волненіемъ, особенно когда что-то словно бьется или переливается, иначе въ народѣ *жилчкъ*.—*О.*

**) Хотя скромный издатель, К. Ф. Калайдовичъ, опустилъ въ слѣдъ за симъ нѣсколько стиховъ, за пропажею рукописи Кириши Данилова теперь для насъ также утраченныхъ, но, по сравненію съ другими былинами, мы можемъ предположительно возстановить ихъ:

Пустился недугъ къ сердцу (животу),

Опустился недугъ ниже пояса,

Во тѣ ли во нижни во черева.—*О.*

***) Вѣроятнѣе: „изъ-по имени.“—*О.*

****) Тѣхъ, которые гвчатъ волшебствомъ, заговорами, наузами.—*О.*

*****) По нынѣшнему: когда онъ будетъ, когда былъ онъ.—*О.*

*****) Церкви или прихода.—*О.*

- У жива моста калинова,
 Въ стрѣчу Терентьищу Веселые Скоморохи.
 Скоморохи люди вѣжливые,
 50. Скоморохи очестливые *)
 Объ ручку Терентью челомъ:
 «Ты здравствуй, богатой гость,
 «И по имени Терентьище!
 «Доселѣ-ва те **) слыхомъ не слышать
 55. «И доселѣ-ва видомъ не видать:
 «А и нонѣ ты, Терентьище,
 «А и бродишь по чисту полю,
 «Что корова заблудящая,
 «Что ворона залетающая?»»
 60. А и на то-то онъ не сердится,
 Говорить имъ Терентьище:
 —А и вы гой, Скоморохи Молодцы!
 —Что не самъ я, Терентій, зашелъ
 —И не конь-то богатаго ***) завезъ,
 65. —Завела нужда-бѣдность:
 —. . . (?) у меня есть молодая жена
 —Авдотья Ивановна:
 —Она съ вечера трудна-больна,
 —Со полуночи недужна вся:
 70. —Разходился недугъ въ головѣ,
 —Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
 —Пустился недугъ къ сердцу,
 —.
 —А кто бы, де, недугамъ пособилъ,
 —Кто недуги бы прочь отгонилъ
 75. —Отъ моей молодой жены,
 —Отъ Авдотьи Ивановны,
 —Тому дамъ денегъ сто рублевъ

*) Знающіе, кого и какъ почестъ или уважить.—О.

***) Тебя.—О.

***) Меня, богатаго гостя.—О.

—Безъ единыя денежки *).—

Веселые Молодцы **) догадалися,

80. Другъ на друга оглянулися,

А сами усмѣхнулися:

«А и ты гой еси, Терентьище!

«Ты намъ что за труды заплатишь?»»

—Вотъ вамъ даю сто рублей. —

85. Повели его, Терентьища,

По славному Нову-городу,

Завели его, Терентьища,

Во тотъ во темной рядъ,

А купили шелковой мѣхъ:

90. Дали два гроша мѣшокъ:

Пошли они во червеной рядъ **),

Да купили червеной вязъ,

А и дубину ременчатую,

Половина свинцу налиту:

95. Дали за нее десять алтынъ:

Посадили Терентьища

Во тотъ шелковой мѣхъ,

Мѣхоноша за плеча взялъ ****),

Пошли они, Скоморохи,

100. Ко Терентьеву ко двору.

Молода жена опасливая,—

Въ окошечко выглянула:

*) Этотъ отрицательный оборотъ значить напротивъ: сполна, всё до денежки; это-то до и выражается словомъ *безъ* или *разомъ* (ср. Сербск. и Болгарск. *азки*).—*О.*

**) Обыкновенныя прозвища Скомороховъ: *Веселые молодцы* или просто *Веселые*.—*О.*

***) Ниче „красный рядъ,“ съ „краснымъ товаромъ,“ къ которому, оазывается, въ старину причисляли особый галантерейный товаръ—вязъ, дубины и т. п., въ родѣ выѣшнихъ тросточекъ, зонтиковъ и т. п.—*О.*

****) Мѣхоноша закинулъ мѣшокъ за свои плеча. Это лицо, *махонома*, извѣстное и нынѣ въ артели Волочобниковъ, медвѣжьихъ поводчиковъ и т. п., тащить обыкновенно за плечами мѣшокъ съ разными орудіями, иногда ищевъ и т. п.—*О.*

- «А и вы гой еси, Веселье Молодцы!
 «Вы къ чему на дворъ идете,
 105. «Что *) хозяина въ дому нѣтъ?»
 Говорять Веселые Молодцы:
 ««А и гой еси, молодая жена
 ««Авдотья Ивановна!
 ««А и мы тебѣ чаробитѣ несемъ
 110. ««Отъ гостя богатаго,
 ««И по имени Терентьища.»»
 И она спохватилася за то:
 «А и вы гой еси, Веселье Молодцы!
 «Гдѣ его видѣли,
 115. «А гдѣ про него слышали?»
 Отвѣчаютъ Веселье Молодцы:
 ««Мы его слышали,
 ««Сами доподлинно видѣли
 ««У честна креста Вздвиженья,
 120. ««У жива моста калинова:
 ««Голова по себѣ **) его лежитъ
 ««И вороны въ клюють.»»
 Говорила молодая жена
 Авдотья Ивановна:
 125. «Веселые Скоморохи!
 «Вы подите во свѣтлую гридню,
 «Садитесь на лавочки,
 «Пуиграйте во гусельцы
 «И пропойте-ко пѣсенку
 130. «Про гостя богатаго,
 «Про стараго сына,
 «И по имени Терентьища!
 «Во дому бы его вѣкъ не видать!»
 Веселые Скоморохи
 135. Садилися на лавочки,
 Заиграли во гусельцы,

*) Тогда какъ.— О.

**) Отдѣльно, оторванная.— О.

- Запѣли они пѣсенку:
 «Слушай, шелковой мѣхъ,
 «Мѣхоноша за плечами *)»,
 «А слушай, Терентій гость,
 140. «Что про тебя говорятъ!
 «Говорить молодая жена
 «Авдотья Ивановна
 «Про стара мужа Терентыща,
 «Про стараго сына:
 145. «—Во дому бы тебя вѣкъ не видать!—
 «Шевелись, шелковой мѣхъ,
 «Мѣхоноша за плечами,
 «Вставай-ко, Терентыще,
 «Лѣчить молодую жену,
 150. «Бери червеной вязъ,
 «Ты дубину ременчатую!
 «Походи-ко, Терентыще,
 «По своей свѣтлой гридни
 «И по среди кирпичатой
 155. «Ко занавѣсу бѣлому,
 «Ко кровати слоновыхъ костей,
 «Ко перинѣ ко пуховья!
 «А лѣчи-ко ты, Терентыще,
 «А лѣчи-ко ты молоду жену
 160. «Авдотью Ивановну!»»
 Вставалъ же Терентыще,
 Ухватилъ червеной вязъ,
 А дубину ременчатую,
 Половина свинцу налиту,
 165. Походилъ онъ, Терентыще,
 По своей свѣтлой гриднѣ,
 За занавѣсу бѣлую,
 Ко кровати слоновыхъ костей,
 Онъ сталъ молоду жену лѣчить
 170. Авдотью Ивановну:

*) Слушай ты, шелковой мѣхъ, что виситъ у мѣхоноши за плечами.—О.

- Шлыкъ съ головы у нея сшибъ;
 Посмотрить Терентыше
 На кровать слоновыхъ костей,
 На перину на пуховую:
175. А недуго-тъ *) пошевеливается
 Подъ одѣяломъ собоиннымъ.
 Онъ-то, Терентыше,
 Недуга-то вонъ погналъ
 Что дубиною ременчатою;
180. А недуго-тъ не путемъ въ окошко скочилъ:
 Чуть головы не сломилъ,
 На корачкахъ ползаетъ,
 Одва отъ окна отполозъ.
 Онъ оставилъ **) недужище,
185. Кафтанъ хрущатой ***) камки,
 Камзолъ баберековой ****),
 А и денегъ пятьсотъ рублей.

Втапоры Терентыше
 Далъ еще Веселымъ другое сто рублейъ
 190. За правду великую.

* *
 *

*) Молодецъ, лежавшій съ Авдотьей Ивановной: ради него она, подъ предлогомъ недуга, выпроводила мужа; Скоморохи вскрыли тайну.—О.

**) Послѣ себя.—О.

***) См. прежніе выпуски.—О.

****) Шелковая парча; см. Словарь В. И. Даля. О.

Пѣсни Вылевыя:

II.

Княжескія.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ.

(Сибирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

- Какъ идѣтъ—то Димитрій Князь ко заутрени;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы мои нянюшки—мамушки!
5. «Ужъ не этотъ ли Димитрій Князь,
«Ужъ не этотъ ли жениха—тъ мой?
«Онъ идѣтъ ко заутрени—
«Онъ сутуль—горбать,
«У него носъ курносъ, косые глаза,
10. «У него—то зубы—что соломенны пукли *),
«А ногамн—то онъ загребаеть,
«И весь—то снѣгъ по улицѣ заметаеть!»

- Какъ услыхалъ туто Димитрій Князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
15. Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Оленѣ Степановнѣ:
—Ты сестрица моя, Олѣнушка!
—Ты сдѣлай для дѣвицъ пиръ
—И позови же туто Домну Фалелеевну.—
20. ««Ты любезный, родимый мой братецъ!
««И я все для тебя могу сдѣлать.»»
Стала сестра его готовится
*И за своими подругами стала посылать пословъ,
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

*) Пучки или торчки отбитой соломы.—О.

25. Ужь какъ первый посолъ, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
«Ко нашей ко Оленѣ Степановнѣ,
«Хлѣба—соли къ ней кушати.»»
30. «Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Другой посолъ на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
35. ««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановной,
««Хлѣба—соли кушати.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Ужь какъ третій посолъ, онъ въ горницу взошелъ,
40. Шляпу скинулъ, поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановнѣ,
««Хлѣба—соли кушати:
««Она безъ васъ хлѣба—соли не кушаетъ
45. ««И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ *)»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Услыхала ее родимая матушка:
—Ты поди, моё дитятко,
50. —Ты поди, моё чадо милое.—
«Государыня моя, родимая матушка!
«Не хорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
«Бархатная моя юпка вся изодраная
«И золотъ—то мой перстень распаянъ лежитъ.»
55. —Ты дитѣ ль мое, дитятко!
—Ужь какъ нынче снамъ не вѣрують.—
Ужь какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася—снарядилася
И пошла ко Оленѣ ко Степановнѣ.

*) Должно быть: „не рушаетъ.“—О.

60. Какъ встрѣчаетъ Олёна Степановна
 Домну Фалелеевну,
 Посадила Домну Фалелеевну по конецъ стола,
 Ниже всѣхъ подруженекъ.
 Ужь не сами-то двери растворилися:
65. Растворялъ двери Димитрій Князь.
 Какъ возговорить Домна Фалелеевна:
 «Охъ ты, Димитрій Князь!
 «Ужь какъ ты сутуль-горбатъ,
 «У тебя носъ курносъ, косые глаза,
70. «У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
 «И ты ногами-то загребаешь,
 «И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
 Ужь какъ взялъ-то Димитрій Князь
 Домну Фалелеевну за правую руку,
75. Онъ повелъ ее во свою спальню,
 И онъ билъ Домну до полусмерти.

- Ужь какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
 Чтобъ прислала ей матушка три платья:
 Ужь какъ первое платье—дѣвичье,
80. А другое-то—подвѣнечное,
 А третіе-то—смертное.
 Ужь тутъ возговорить ея матушка:
 —Ужь я буду нынче снамъ вѣровать!—

* *
 *

ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ.

(Арханг. губ., Шенкурскъ.)

На синѣмъ было на морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потонулъ тутъ Василій Князь
Отъ злата вѣнца идуци.

5. Оставалась молода Княжна:

«Ужь вы бояра, бояра!

«Воротите вы комоня *)

«На родимую сторону

«Ко родимому батюшкѣ,

10. «Къ государынѣ матушкѣ.»

Они прѣхали къ батюшкѣ;

Посмотрѣла въ окошечко

Молодая невѣстушка:

—Богоданая матушка!

15. —Къ намъ не гостыюшка прѣхала,

—Къ намъ прѣхала подворница,

—Вѣковая постельница.—

«Ой вы гой еси, бояра!

«Воротите вы комоня

20. «Ко святому монастырю,

«Къ саомобольшей игуменьѣ.—

«Ты цестная игуменья!

*) Комя.—О.

- «Постриги меня въ стáрици,
 «Ты построй мнѣ-ка кѣлейку
 25. «Просѣки три окошечка:
 «Первое-то окошечко
 «Ко святому Благовѣщенью,
 «А второе-то окошечко
 «На родимую сторону,
 30. «А какъ третьё-то окошечко
 «На синёе на́ море,
 «На тихое на за́водѣ:
 «Потонулъ тутъ мой вѣнцянной мужъ,
 «Мой вѣнцянной мужъ—Василій Князь!»

(Доставлено г. Борисовымъ.)

* *
 *

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

I.

1.

(Тульск. губ. в уѣзда, с. Покровское).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Какъ приказывалъ Княгиню
Своей матушкѣ родимой:

5. «Береги жь мою Княгиню
«И корми мою Княгиню
«Бѣль-крупичатыми колачами,
«И ты пой мою Княгиню
«Сладкою сытою.»

10. Не успѣлъ Князь Михайло
Съ широка съ двора съѣхати,
Его матушка родима
Жарко мыленку *) топила,
Жарко мыленку топила,

15. Горючій камень разжигала:
— Ты пойдѣмъ-ко, моя невѣстка,
— Въ мыленку—помою,
— Въ мыленку—помою,
— Твой животикъ поправлю.—

20. Какъ клала ее матушка

*) Баню.—О.

На бѣлую лавочку,
Какъ клала горючь камень
На бѣлую грудь.

Ужь какъ первый разъ она закричала,—

25. Добрый конь его спотыкнулся:

«Ахти, братцы, нездорово!
«Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»»

Какъ къ ворѣтамъ подѣзжаетъ,

30. Его слуги встрѣчаютъ:

«Охъ вы вѣрны мои слуги,
«Все ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не само *)!»»

На высоко крыльце входить,

35. Его нянюшки встрѣчаютъ:

«Охъ вы няньки мои, мамки,
«Все ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не само!»»

Во новья сѣни входить,

40. Сѣнны дѣвушки встрѣчаютъ:

«Охъ вы сѣнны мои дѣвушки,
«Все ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не само!»»

Во высокъ теремъ входить,

45. Его матушка встрѣчаетъ:

«Государыня матушка!
«Да гдѣ жь моя Княгиня?»
—Твоя Княгиня во свѣтлой свѣтлицѣ,
—Въ дубовой гробницѣ.—

50. Скоры ноги подгибались,

Бѣлы руки опускались,
Бѣлы руки опускались,
Ясны очи закрывались.

*) Не совѣмъ, не очень, не весьма.—0.

Его матушка родима

55. Позили *) гуляеть:

—Ахти, братцы, согрѣшила,

—Я три души погубила:

—И я сына, я невѣстку,

—Молоденца я во чревѣ!—

(Записано П. В. К. отъ старухи).

*

2.

(Тульск. губ., Алексинскаго уѣзда).

Собирался Князь Михайло

Онъ во царскую во службу,

Онъ приказывалъ свою молоду Княгиню

Своей матушкѣ родимой:

5. «Не покинь мою молоду Княгиню

«Да при нужномъ при времѣ!»

Какъ съѣхалъ Князь Михайло

Со широкаго подворья,

Велѣла она банюшку топить,

10. Горючь камень разжигати:

Молодой Княгинѣ

На бѣлыя груди клала;

Она первый разъ закричала,

А въ другой—то застонала,

15. А въ третій замолчала.

*) П. В. К. оставилъ это слово съ знакомъ вопроса. Вѣроятно: *по зели*; *зель*—зелень, зелена, могила, обросшая новой травой, иначе „буевка.“—О.

- Воротился Князь Михайло
 Со пути ли со дорожки
 Ко широкому подворью;
 Его матушка встрѣчала,
 20. Во сахарныя уста цѣловала:
 «Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
 «Да гдѣ жь моя молода Княгиня?»
 —Твоя молода Княгиня
 —Съ няньками-мамками играетъ.—
25. Какъ кинулся Князь Михайло
 Свою молоду Княгиню искати:
 «Охъ ты, матушка мнѣ родная!
 «Ты скажи, не утой,
 «Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
30. Какъ взговорятъ Князю
 Красны дѣвушки:
 ««Мы бѣ сказали тебѣ,
 ««Гдѣ твоя молода Княгиня,
 ««Да мы боимся
35. ««Твоей матушки родимой?»»
 «Охъ вы дѣвушки-голубушки!
 «Вы скажите, не утайте,
 «Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
 ««Твоя молода Княгиня
40. ««Въ грановитой *) во палатѣ:
 ««Тамъ твоя молода Княгиня!»»
- Какъ кинулся Князь Михайло:
 «Ужь не мать ты мнѣ, злодѣйка!
 «Три души ты загубила:
 45. «И ты сына со невѣсткой,
 «И младенца во утробѣ!»

*

*) Гранной, угольчатой, т. е. въ гробницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе и съ граненою палатою, какая бывала у князей и осталась понынѣ въ Москвѣ.—О.

(Шенкурскъ).

Какъ собрался Князь Михайло
 На грозную службу царскую;
 Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
 «Охъ ты матушка родимая!

5. «Береги мою молодѹ Княжну:
 «Клади ее спать во соборную вечерню,
 «Подъмай ее во соборную обѣдню:
 «Ты корми ее крупичатыми калачами,
 «Ты пой ее медовою сытой.»
10. Онъ садился на добра коня,
 Соѣзжаетъ со широкаго двора.

- Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
 Его матушка родимая
 Приказала жарко мыленку топить:
 15. Горючъ камень разжигала,
 На бѣлыя груди Княгини клала.

- Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
 Подъ Княземъ конь спотыкнулся,
 Подъ правой рукой
20. Ясный соколъ встрепенулся,
 Съ Князя шапочка свалилась;
 Какъ возговорить Михаилъ Князь:
 «Ахти, дома всѣ здоровы ль?
 «Вѣрно матушки не стало
25. «Или молодой моей Княгини!»

- Какъ воротился Князь Михайло,
 Онъ въѣзжаетъ на широкой дворъ,
 Его матушка встрѣчаетъ:
 «Ахъ ты матушка моя родная!
30. «Гдѣ моя молода Княгиня?»

- Пошла твоя Княгиня во высокъ теремъ,
 —Во высокъ теремъ бѣлится—румяниться.—
 Пошелъ Князь Михайло во высокъ теремъ:
 Бѣлилки всѣ не тронуты,
 35. Румяночки не ворохнуты,
 Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
 Русы косы расплетены.
 «Гдѣ моя молодая Княгиня?»
 ««Ахъ ты батюшко нашъ, Михаилъ Князь!
 40. ««Мы не смѣемъ вамъ сказать:
 ««Наша молодая Княгиня переставилась,
 ««Она стоитъ во соборной церкви.»»

- Какъ бросился Князь Михайло во соборну церковь,
 Увидалъ свою молодую Княгиню.
 45. Какъ ваговорить Князь Михайло:
 «Ахти, ты матушка родная!
 «По родству—то ты мнѣ мать родная,
 «По разлукѣ *) же змѣя лютая!»
 Вынимаетъ шпагу острую **),
 50. Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
 Его матушка раскаялась,
 Со слезами слово молвила:
 —Передъ Богомъ согрѣшила я,
 —Три души я погубила вдругъ:
 55. —Первую душеньку—сыновнюю,
 —Другую душу—невѣсткину,
 —А третью—младенца во утробѣ!—

(Записано г. Кузьмищевымъ.)

*

*) Что разлучила мужа съ женою.—О.
 **) Позднѣйшая переделка.—О.

(Орловск. г., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Какъ женился Князь Михайло
Онъ на душеньки на Княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.

Князь у службу собирался,
5. Его матушка провожала:
«Ужь ты матушка родная!
«Ты корми мою Княгиню,
«Молоду душу Катерину!»

Во пути во дороженьки несчастье случилось,—
10. Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала:
«Вы постойте жъ, мои братцы,
«Знать, что дома нездорово:
«Жива ли моя Княгиня,
15. «Молода душа Екатерина?»

«Ужь ты матушка родная!
«Гдѣ жъ моя Княгиня?»
—Ужь твоя, сударь, Княгиня
—Во бѣлыхъ палатахъ:
—Во тесовой во гробницѣ.—
20. Вынимаетъ Князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.

—Ахти, Боже, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—Я сына и невѣстку,
25. —А третьяго младенца!—

*

(Вологодск. губ.).

- Собирался Князь Михайло
 Въ государеву во службу;
 Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
 Онъ приказывалъ своей государынѣ:
 5. «Ужь ты матушка моя родная!
 «Береги ты мою Княгиню,
 «Береги мою молодую:
 «Ужь ты пой-корми Княгиню,
 «Ужь ты пой-корми молодую,
 10. «Все сытою медовою,
 «Все крупищатымъ калачами *)»

- Это матушкѣ за досаду.
 Со двора Князя проводили **),
 Его матушка говорила:
 15. —Ужь вы няньки, вы мамки!
 —Истопите баню жарко,
 —Накалите вы горючь камень!
 —Ты пойдешь-ко со мной, невьстка,
 —Мы пойдешь съ тобой въ баню!—
 20. Въ трои рученьки сноху держали,
 Въ четвертыя грудь пороли,
 Горючь камень опускали.

- Она въ первой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла шляпа спала,
 25. На сажень прочь отлетѣла;
 Она въ другой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла конь споткнулся:

*) Начиная съ этого стиха и всѣ слѣдующіе повторяются по два раза.—О.
 **) Проводила?—О.

- «Ахти, братцы-государи!
«У меня въ домъ нездорово:
30. «Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»
Съ половины съ дорожки воротился.

- Его матушка встрѣчаетъ,
И со нянькамъ, со мамкамъ,
35. А безъ молодой Княгини:
«Ужь ты мать моя родная!
«Ужь какъ гдѣ же моя Княгиня,
«Ужь какъ гдѣ моя молодая?»
—Что твоя-то ли Княгиня,
40. —Что твоя-то ли молодая
—Всю ноченьку не сыпала,
—Все съ друзьями просидѣла;
—Она топеречи почиваетъ
—Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
45. —Во дубовой во гробницѣ.—

- «Ужь вы няньки, ужь вы мамки!
«Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
Ево матушка закричала:
50. —Ахти, я, сука, согрѣшила,
—Ровно три души погубила:
—Ужь я сына со невѣсткой,
—Я младенца во утробѣ!—

(Ср. «Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губ., собран. О. Студитскимъ»
С. П. Б., 1841 г.).

* *

СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА.

II.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго у.).

Изъ за горь—то изъ за горь кру́тыхъ,
Изъ за лѣсовъ—то лѣсовъ дремучихъ,
Не краснò солнушко выкатáлося,
Выкатáлися вóйска Рускія,

5. Вóйска Рускія—козáки Украинскіе;
Командиромъ былъ армеюшки Князь Михайло.
Ужь и взгóворилъ Князь Михайло своимъ добрымъ вои-
нанъ:
«Охъ вы братцы мнѣ родные, солдатушки бодрые!
«Не робѣйте вы—ступайте на злыхъ—чёрныхъ Молда-
ванъ,
10. «Вы рубите—не щадите злыхъ—безбожныхъ Татарь!»
Какъ ни бились, ни рубились, не смогли ихъ одолѣть:
А самъ—то Князь Михайло во полонъ къ нимъ попалъ.
Какъ ни мучили, ни били, души его не вѣняли:
И умеръ Князь Михайло на тридцатомъ на году.

* *

Король-Королевичъ *).

III.

1.

(Орловск. губ. и уезда).

Поѣхалъ Королевичъ на воёваньяца.

Не доѣхалъ Королевичъ до воёваньяца,
Становился Королевичъ на гореваньяцѣ,
Ложился Королевичъ спать на гореваньяцѣ

5. Во бѣломъ шатрѣ.

Привидился Королевичу единъ дивенъ сонъ:

«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,

«Изъ лѣвой моей рученьки сѣрая утица.»

Поѣхалъ Королевичъ къ старой бабѣ ворожить:

10. «Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истинну:

«Вечёръ я Королевичъ ложился спать

«На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;

«Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,

«Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица?»

15. — Скажу тебѣ, Королевичъ, правду-истинну:

— Вечёръ твой Марусенька сына родила,

— По утру ранешенько сама померла.

*) Слѣдующія Безымянныя пѣсни, тѣсно связанныя съ предыдущими о Князѣ Михайлѣ, помѣщены при нихъ для сравненія; см. ниже „Замѣтку.“—О.

—Косящеты окошечки всё въ траворѣ висать,
—Генералы твои всё въ тровурѣ стоять.—

20. Веротился Королевичъ съ воеваньца.

*

2.

Повѣхалъ же Королевичъ на гуляньце,
Оставляетъ свою жену на гореваньце.

- Вѣхалъ же Королевичъ на круту гору,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатерь,
5. Ложился спать Королевичъ подь бѣлымъ шатромъ;
Не хороша-тъ сонъ Королевичу привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
Со лѣваго со плечика сѣрая уточка.
На встрѣчу же Королевичу старушка идѣтъ:
10. «Постой, постой, старушенька, я спрошу тебя,
«Разсуди мой сонъ:
«Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
«Со лѣваго со плечика сѣрая утица?»
—Будто твоя Королевна сына родила,
15. —Сама померла.—

- Подъѣзжаетъ Королевичъ къ широку двору:
Стеколчатые окошечки повыставлены,
Генералы-фельдмаршалы въ трубы трубятъ,
Всѣ нянюшки и мамушки въ троурѣ стоять,
20. Его жена Королевна во гробу лежитъ.

*

3.

Сбирается Королевичъ на воеваньце,
Оставляетъ жену свою на гореваньце.

- Поѣхалъ Королевичъ во чисто поле,
 Раскинулъ Королевичъ свой тонкой-бѣлый шатеръ,
 5. Пустилъ своего добраго коня въ зелены луга,
 Ложился спать Королевичъ подѣ бѣлымъ шатромъ.
 Привидѣлся Королюшки дивнѣхонекъ сонъ:
 Изъ подѣ праваго рукава соколъ вылеталъ,
 Изъ подѣ лѣваго сѣра утушка.
10. Испугался Королюшка, вставалъ скоро отъ сна,
 Сѣдлалъ онъ скоро, Королюшка, своего добраго коня,
 Поѣхалъ же Королевичъ въ зеленые луга.
 На встрѣчу тутъ ему старушка идетъ:
 «Старушинька, баушинька *), разсуди мой сонъ?»
15. —Королюшка молоденькой, расскажи мнѣ сонъ.—
 «Изъ подѣ правой руки соколъ вылеталъ,
 «Изъ подѣ лѣвой руки сѣра утица?»
 —Королюшка молоденькой, расскажу твой сонъ:
 —Твоя жена, Королевна, сына родила,
20. —Ко бѣлой ко зореньки сама померла.—
 Испугался Королюшка, поѣхалъ домой.

- Подѣзжаетъ Королюшка ко широкому двору:
 Генералы-фельдмаршалы всѣ въ черномъ стоятъ,
 «Одна моя Королева вся въ бѣломъ лежитъ.»
25. Сплеснулся Королюшка бѣлыми руками,
 Залился же Королюшка горючими слезами:
 «Бывало, Королева встрѣчала меня,
 «А нынче Марусинька не встрѣтила!»

*

4.

(Москва)

Какъ поѣхалъ Королевичъ на воеваньце.
 Оставилъ свою Королеву на гореваньце.

*) Бабушенька.—О.

- Становился Королевичъ при пути большой,
 При пути большой становился, при крутой горѣ;
 5. Пустилъ своего коня въ зеленѣ луга,
 Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
 Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
 Привидѣлся Королевичу чудень-явень сонъ:
 Изъ подъ правой его ручки соколѣкъ вылеталъ,
 10. Изъ подъ лѣвой изъ подъ бѣлой лебедь бѣлый.
 «Поѣду я, Королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!—
 «Скажи, скажи, Марусенька *), всю правду мнѣ;
 «Вечеръ я спалъ въ бѣломъ шатрѣ,
 «Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ:
 15. «Привидѣлся мнѣ чудень-явень сонъ.»
 —Вечеръ твоя Королева сына родила,
 —По утру ранѣхонько сама померла.—
 «Ворочусь ли я, Королевичъ, къ дому своему!»

- Широкія ворóтечки растворены стоятъ,
 20. Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
 Генералы—сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ,
 «Одна моя Королева въ червоннымъ лежитъ!»
 Ударился Королевичъ объ дубовый гробъ,
 Заливался Королевичъ горючьми слези:
 25. «А свѣтъ моя хорошая Королева!
 «Еслибъ зналъ, еслибъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
 «Пущай моя Королева при мнѣ бѣ родила,
 «Пущай моя хорошая при мнѣ бѣ померла!
 «Подломилась Королеви * *) рѣзвы ноженьки еѣ,
 30. «Опустилися Королеви бѣлы рученьки еѣ,
 «Закрылися Королеви ясныя очи еѣ!»

*

*) Ошибка вмѣсто „бабусенька.“—О.

**) Вѣроятно „Короленька“,— королевичу: рѣчь объ его смерти.—О.

5.

Отъѣзжаетъ Королевичъ на разгуляныце,
Покидаетъ Марусеньку на гореваныце.

Пустилъ своего добраго коня во зеленыя луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ.

5. Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу явишунѣкъ сонъ:
Изъ подъ ручки изъ подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ ручки сѣрая утѣца.
Сказали вѣсть Королевичу—и радость, и печаль:
10. —Твоя жена Марусенька сына родила,
—По утрицу ранѣшенько сама померла.—

Воротился Королевичъ къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоять,
Косячетыя окошечки повывставлены,

15. Генералы-полковнички въ черномъ убраны:
—Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана.—
Ударился Королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
«Очи ея прекрасныя не ўзрѣли меня,
20. «Ножки ея рѣзвѣшуньки не встрѣтили меня,
«Ручки ея бѣлѣшуньки не обняли меня,
«Уста ея сахарныя не промолвили!»

*

6.

Сбирался Королюшка на воеваньицо,
Береть съ собой силы множество.

Выходилъ-выступалъ въ поле чистое,
Разкидывалъ-разметывалъ бѣлъ-танкѣй шатеръ,

5. Ложился же Королюшка во шатрики спать.
 Нехорошь-та Королюшки сонъ привидялся:
 Во снѣ изъ праваго рукавчика соколъ вылеталъ,
 Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.
 На встрѣчу же Королюшки старушка идетъ:
10. «Старушнѣйка, бабушнѣйка, разсуди-ка мой сонъ?»
 —Королюшка, военной сыгъ, рассказывай.—
 «Изъ праваго у меня рукавчика соколъ вылеталъ,
 «Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.»
 —Жена ль твоя хозяйюшка сына родила,
15. —Въ третій день, Королюшка, сама померла;
 —Воротись-ка ты, Королюшка, возвратно назадъ!—

Домой подъѣзжаетъ жа Королюшка къ широкому двору:
 У воротъ-та притворщички печальны стоять,
 Всѣ окошачки распечатаны.

*

7.

(Сибирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Собирается Корюлюшка на гуляньице,
 Оставляетъ свою хозяйюшку на гореваньице:
 «Прости, моя хозяйюшка, до свиданьяца!»

- «Самъ я пошелъ, Королюшка, во чисто поле гулять,
5. «Пустилъ я, Королюшка, своего добра коня въ зеленые луга.»
 А самъ пошелъ Королюшка на круту гору,
 На крутенкой на горочкѣ раскинулъ шатерьъ,
 Подъ шатрикомъ Королюшка самъ легъ почивать;
 Онъ спитъ—не спитъ, Королюшка, больше такъ лежить.
10. Привидѣлся Королюшкѣ дивнѣшенекъ сонъ:
 Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
 Со лѣвой со бѣлой сѣрая утица.
 «И туту-то я, Королюшка, задумался,

- «Садился я, Королюшка, на добра коня,
 15. «Повхалъ я, Королюшка, во Питеръ городокъ.»
 Во Питеръ во городъ старушка живетъ:
 «Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ?»
 —Ты еси, Пруцкѣй Король, рассказывай свой сонъ.—
 «Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
 20. «Со лѣвой со бѣлой съра утица.»
 —Въ твоёмъ дому, Королюшка, есть радость и печаль:
 —Твоя жена Королевна сына родила,
 —Во третій день Королевна сама померла.—

- Пѣхотны солдаты разставлены,
 25. Генералы-половнички у гроба стоятъ,
 «Моя жена во гробъ лежитъ,
 «Сыночикъ мой любезный на бѣлой груди!»

*

8.

(Саратовск. губ.)

- Король молодой собирался,
 Королюшка во ину землю.
 Покинулъ Королюшекъ
 Молодую жену,
 5. Какъ горькую кукушечку
 Въ темнымъ лѣсу,
 Какъ горькую помынушку
 Въ чистомъ полѣ.

- Подъѣхалъ Королюшка
 10. Къ крутой горѣ,
 Пристигла же здѣсь Королюшку
 Здѣсь темная ночь;
 Раскинулъ же Королюшка

- Бѣлъ-тонкой шатерь,
 15. Ложился Королюшка
 Внизъ бѣлымъ лицемъ.
 Привидѣлся Королюшкѣ
 Чуденъ-страшенъ сонъ:
 Изъ правой его рученьки
 20. Ясенъ соколъ вылеталъ,
 Изъ лѣваго изъ бѣлаго
 Сѣра утушка.
 «Знать, моя хозяйюшка
 «Сынка родила
 25. «И сама померла!
 «Знать, мнѣ Королюшкѣ
 «Воротиться назадъ!»

- Подъѣхалъ Королюшка
 Къ широкому двору:
 30. Широки воротички
 Растворенныя,
 Косящеты окошечки
 Всѣ повскрытыя;
 Коней шестерочка
 35. Заложенная,
 Всѣ кучера и фореиторы
 Привневеселые;
 Сѣнны дѣвушки
 Всѣ наряженыя,
 40. Во черныхъ во платицахъ,
 Во печальныхъ.
 «Знать, моя хозяйюшка
 «Впередѣ лежить
 «Подъ черной тѣтой!»
45. Ваошелъ Королюшка
 Въ нову гореньку,
 Восплакнулся Королюшка
 Горючими слезами.

А дѣвушки-служанушки

50. Разговариваютъ:

« Не плачь, не плачь, Королюшка,

« Не воротись ее назадъ! » »

(Ср. «Быть Р. нар.» Терещевки, ч. II).

*

9.

(Тамъ же).

Поѣхалъ нашъ Королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.

Не доѣхалъ Королевичъ до воеваньица,
Становился Королевичъ среди пути,
5. Среди путь-дороженьки, близъ крутой горы;
Какъ самъ пошелъ Королевичъ на круту гору,
Пустилъ свою добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатерь,
Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.

10. Увидѣлъ же Королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ.
Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
15. —Въ твоёмъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—
Какъ тутъ же нашъ Королевичъ призадумался:
« Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ! »

- Пошелъ же нашъ Королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу Королевичу старушка идетъ:
20. Какъ сталъ же онъ старушечку выпрашивать:
« Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ,
« Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ! »

- Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?—
 «Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
 25. «Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;
 «Вылеталъ соколушка—онъ высвистывалъ,
 «Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
 «—Въ твоёмъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—»
 —Королюшка, мой батюшка, не хорошь твой сонъ:
 30. —Твоя жена Марьяшечка сына родила,
 —Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.—

- Потѣхалъ же Королевичъ къ дому своему:
 Въ саду его всѣ пташечки приунывъ сидятъ,
 Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ.
 35. Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
 Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена.
 «Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка, не встрѣтила меня,
 «За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
 «За убранныя за столики не посадила,
 40. «Сахарными конфетами не потчивала *)!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Мордовцевой и Костомаровымъ).

* *

*) Такая же точно пѣсня поется со вставкою вмѣсто „Королевичъ“, „Королюшка“,—„Козаченька:“ ср. тамъ же. „Лѣтоп. Р. лит. и др.“ Н. Костомарова въ „Современникѣ“ за 1856 г. № 10 и въ „Пам. стар. Р. литер.“ вып. I; см. также слѣдующій за симъ IV-й отдѣлъ пѣсень.—О.

Коваченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
5. Осѣдывалъ-обратывалъ *)
Своего добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
10. Самъ взошелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣль-тонкой шатеръ,
Ложился спать
15. Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнѣхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколъ солеталъ,
20. А изъ лѣваго рукавчика
Сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкой,

*) Отъ *обратать*, обуздывать.— О.

- На встрѣчу казаченькѣ
Старушка идетъ,
25. Онъ бантъ *) ее:
«Старушенька, страпушенька,
«Разсудливая!
«Разсуди ты мой сонъ.»
—Военный сынъ, казачишка,
30. —Разскажи свой сонъ.—
«Старушенька, страпушенька,
«Разскажу свой сонъ:
«Со права со плечика
«Соколъ солеталъ,
35. «Со лѣваго рукавчика
«Стра утушка.»
—Военный казачишка!
—Несчастье во домъ:
—Въ третій день жена твоя
40. —Сына родила,
—Черезъ часъ сама померла.—
Пошелъ казачишка
Во домикъ назадъ.

Подходить ко своему

45. Широкому двору:
Широкія воротышка
Растворенныя стоять,
Окошечки повывставлены;
Всходить казаченька
50. На высокъ крылецъ:
На встрѣчу ему
Жену-хозяйшку
Хоронить несутъ.
«Прости-прощай,
55. «Жена моя Марусенька!»

*

*) Уговариваетъ. О.

(Русь Юго-западная).

Поихавъ козакъ на полюванья *),
Зоставивъ жону свою на горюванья.

Пустывъ коныченька на попасанья,
А самъ прилигъ къ сырий земли на спочиванья.

5. Присывся козакови дивнесенький сонъ:
Зь-пидь рученьки вылынувъ **) ясенький соколъ,
Зь-пидь другою билон сира утинка.

Поихавъ козаченько до вороженьки:

«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ,

10. «Шчо вынутьв ***) зь-пидь рученьки ясенький соколъ,
«Зь-пидь другою билон сира утинка.»

—Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи ****),

—А вже твой мыленьком не застаючи:

—Учора изъ вечера *****) сына привела,

15. —Сама молоденька до гробу лягла.—

Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ, —
Ажъ выходять-выбигае найменьшая свистъ *****)

И выносыть козакови недобрую висть:

—Чоломъ, чоломъ *****)), пане зятю, чужый та не нашъ!

20. —А уже твоею мыленьком на свити не машъ *****)):

—А учора изъ вечера сына привела,

—Сама молоденька до гробу лягла.—

*) Полеванье—воеванье.—О.

**) Выскользнулъ, выпорхнулъ. О.

***) Вылынувъ?—О.

****) Не мѣшкала.—О.

*****) Изъ вечера, зъ вечера?—О.

*****) Невѣстка.—О.

*****) Здравствуй, кланяюсь.—О.

*****) Не имѣешь, нѣтъ ея.—О.

- Призжае козаченько на новенький дворъ:
Ударили по мыленький у голосный дзвннъ *);
25. Увиходыть козаченько у нову свитлыцю:
Лежить его мыленькая на усю скамницю;
Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дытя его коханое **) на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящи, чомъ ***) не ходыте?»
30. «Ручки мои роботящи, чомъ не робыте?
«Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
«Очьки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»
— Не той же, козаченько, теперь свить наставъ,
— Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;
35. — А не тая, козаче, теперь година,
— Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. «Нам. стар. Р. литер.», вып. I, и «Лѣтоп. Р. литер. и др.», Т. IV).

*
* *

* Громкый, церковный звонъ.— О.
** Любимое.— О.
*** За чѣмъ?— О.
**** Изъ мертвыхъ.— О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ.

I.

1.

(Архангельской губ.).

- Жылъ-быль Князь Романъ Митріевичъ,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось *) ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ права перстечка съ мезѣночка,
5. И разсыпался на мелкія зѣрnochка.
«Даемъ **) мы знать по всѣмъ землямъ,
«[По всѣмъ землямъ] по всѣмъ ордамъ,
«Чтобы твой сонъ разсудили,
«Чтобы твой сонъ разсказали ***)?»
10. —Я свой сонъ сама разсужу,
—Я свой сонъ сама разскажу:
—Прибѣгутъ ко мнѣ изъ за моря
—Три червленыехъ три корабля ****),
—Увезутъ меня, Марью, за сине море,
15. —За сине море за Соленое,
—Къ тому Мануилу сынъ-Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи-мелки заводи,

*) Представилось.—О.

**) Дадимъ?—О.

***) По всему видно, что это слова Романа. О.

****) Скорѣе, по складу пѣсни всей, „карабля.“—О.

Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
20. Маленькихъ чернатыхъ сѣрыхъ утокъ.

Она сѣла къ окошечку косивчиту *)
И глядитъ: бѣжать изъ за моря,
Изъ за моря изъ за снѣя,
Три черныхъ три корабля,
25. Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.
И видитъ Марья—Увезутъ меня
—За сини моря за Соленья!—
Она заширала окошечко ковшивчето **),
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
30. Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на краснѣ крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ ***),
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле:
35. И засѣла подъ яблонь кудреватую.

И прибѣгали три кораблика три черныхъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И металы якори булатные,
40. И вышущали шеенки ****) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И сядились въ шлюпочку, приѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны,
45. И искали Марью: не могуть найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтмушка,
Не искомъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,

*) Косивчету.—О.

***) Ошибка вмѣсто: „ковшивчето, косивчето.“—О.

****) Помость, мостовую.—О.

*****) Отъ *шейма*: якорные канаты.—О.

50. Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ:
И нашель ее подь яблонью кудреваюю.
«Ты ли есть Марья Юрьевна?»
—Я не Марья Юрьевна,
—Я Марьи́на служаночка.—
55. «Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»
—Я есть Марья Юрьевна, Лебядь Бѣлая.—
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя
И за тѣ ли перстни злеченыя,
И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
60. За сине море за Соленое.

- И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ встрѣчаетъ его съ честью съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
65. За тѣ ли перстни злеченыя,
Онъ хочеть цаловать ее въ сахарны уста;
Говорить ему Марья Юрьевна:
—У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
—[Не цалуются,] не обнимаются.—
70. И ушелъ Мануило Ягайловичъ
На тихи-мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ утокъ;
Пойдучи матери показывалъ:
75. «Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
«Ежели она закручинится.»

- Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околѣнку стекольчату;
Вотъ мать его идетъ—спрашиваетъ:
80. «Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
«Чего плачешь-уливаешься?»
—Сегодня у меня, на Руси, Великъ праздникъ,
—Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе,

- Гуляютъ жены христіанскія *)
 85. —Купеческія, министерскія, крестьянскія,
 —И послѣднія жены солдатскія,
 —И голи кабацкія:
 —А я сижу у окошечка,
 —Проливаю свои слезы горючія!—
90. Мать дала ей нянчикъ—служаночекъ
 [Няничекъ—служаночекъ] въ сады гулять,
 И дала напитоковъ всякихъ разныхъ,
 И дала козла любимова Моналимова **).
 Она напоила нянекъ до пьяна,
95. Что няньки лежатъ сами бѣзъ себя;
 Вотъ она взяла козла—зарѣзала,
 Пришла Марья на гору высокую,
 Скидала свое платье цвѣтное,
 Надѣвала на лѣсиночку.
100. И пошла съ горы,
 Ей на встрѣчу быстра рѣка:
 И быстра рѣка идетъ,
 Что громъ гремитъ.
 И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
105. —Ой же ты, мать Дарья рѣка!
 —Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ **),
 —Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
 —Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
 И рѣка Марью послушалась:
110. Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
 Перебрела она черезъ быстру рѣку,
 Пошла она впередъ попадать ****):
 И пришла ей больше того рѣка,
 Она видитъ, что перейти нельзя;
115. Смотритъ—плаваетъ на другой сторонѣ

* Крестьянскія, хотя иже онѣ и поминиваются особо.—О.

** Мануилинова, мужняго; ср. „Замѣтку.“—О.

***) Перебродищемъ по всякому, какъ бы можно было перебраться женщинѣ.—О.

****) Начала идти дальше.—О.

- [Плаваеть] колода бѣлодубова;
 И взмолился Марья той колодѣ бѣлодубовой:
 —Ой же ты, колода бѣлодубова!
 —Перевези меня черезъ быстру рѣку:
 120. —А выйду на Святую Русь,—
 —Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 —[На мелки кресты] на чудны образы,
 —И вызолочу червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 И колода ее послушалась:
 125. Перевезла ее черезъ быстру рѣку.

- И пришла Марья Юрьевна
 Къ Роману Митріевичу,
 Сама взговорить таковы рѣчи:
 —Ой еси ты, Романъ Князь Митріевичь!
 130. —Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
 —На Святую Русь:
 —Вырѣжемъ на мелки кресты
 —И на чудны образы,
 —И вызолотимъ червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 135. И вывели ту колоду бѣлодубову
 На святую Русь,
 И вырѣзали на мелки кресты
 И на чудны образы,
 И вызолотили червоннымъ—краснымъ золотомъ,
 140. И разослали по церквамъ.

(Запис. г. Максимовымъ, ср. Сборникъ П. И. Якушина, Отеч. Зап.
 1860, Апрель).

*

2.

(Калгалакша; на Бѣломъ морѣ).

Романъ Князь Митріевичъ младъ,
 Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

- Сбирать дани за тѣ годы за старые;
И понимаетъ его Княгиня Марья Юрьевна:
5. «Душенька, Романъ Князь сударь Митриѣвичь!
«Ни *) уѣдь ты въ далеко-чисто поле,
«Сбирать тѣ дани, сударь, пошпины;
«Какъ ночесъ мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
10. «Много видѣлось, во снѣ грезилось:
«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Съ меньшова перста, съ мизѣночка,
«И разсыпался на мелкія зѣрнотка **), на мушенки;
«Тутъ изъ далѣча-далѣча, изъ чиста поля
15. «Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь рѣсудить?»
Говоритъ Князь Романъ сударь Митриѣвичь:
—Ты не плачь, Княгиня Марья Юрьевна,
20. —Юрьевна ты, Лебедь Бѣлая!
—Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
—Такъ сыщу тамъ много знахарей,
—Что могутъ тебѣ рѣсудить твой сонъ.—
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
25. «Ты душемъка, Романъ Князь сударь Митревичь!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахорей ***),
«Я могу этотъ сонъ сама весь рѣсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
30. «Наѣдутъ многи поганы Татарове,
«На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ,
«Увезутъ меня, Княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего Князь Романъ не побароваль ****)
И уѣзжалъ въ далече-чисто поле.

*) Не?—О.

**) Зерпочка?—О.

***) Знахарей?—О.

****) Не вопротоявлясь, не поспорилъ; не обратилъ вниманія, не внялъ. О.

35. Въ ту пору въ то время
 Прїѣзжали поганы Татарове
 На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
 Тутъ Княгиня въ побѣгъ пошла:
 Выходила изъ высока-нова терема
40. На новыя сѣни,
 Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора въ зеленый садъ,
 Тамъ призынула *) яблонь кудреватую,
 И садилась подъ яблонь кудреватую.
45. А тѣ поганы Татарове
 Выѣзжали на крутой-красенъ бережокъ,
 Приходили въ высокъ теремъ:
 Тутъ ходитъ Марына протомойница:
 Они тутъ взяли плеточки шелковыя,
50. Стали тутъ битъ Марыну протомойницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марына протомойница:
 —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
55. —Я есть Марына протомойница.—
 Они стали тутъ битъ Марыну клюшницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марына клюшница:
60. —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
 —Я есть Марына клюшница.—
 И стали они Марью отыскивать:
 Выходили они изъ высока-нова терема
 На новы сѣни,
65. Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора во зеленый садъ,
 Призынули тутъ яблонь кудреватую,

*) Приподняла.—О.

- И нашли Княгиню Марью Юрьевну.
 Стали Марьюшку допрашивать:
70. «Скажи: ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»
 «Нѣтъ, я не Княгиня есть Марья Юрьевна,
 «Я есть Марьяина постельница.»
 Тутъ они брали плѣточки шелковыя,
 Стали ее бить не жалѣючись
75. И стали ее снова допрашивать:
 «Скажи, скажи, не утай—скажи:
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 Тутъ она и сказалась имъ:
 «Я есть Княгиня Марья Юрьевна.»
80. Взяли они Княгиню за бѣлы руки
 И вели на пристань корабельную.

- И привезили *) къ Батышу на червленъ корабль;
 Береть ее Батыша за бѣлы руки
 И цалуетъ Княгиню въ сахарны уста;
85. Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
 «Ой же ты, Батышъ царь Батуревичъ!
 «Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
 «Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ:
 «Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

(1-го августа 1856 г. записано тѣмъ же. Дальше пѣвецъ не знаетъ, а смысляетъ на второй вариантъ. Ср. Отеч. Зап.).

* *

*) „Привозили“ или „привели?“—О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ: ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

Ц.

17.

(Москва).

Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тоё ль рѣку во Смородинку.
5. Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орѣлъ:
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.

*) Начало этой пѣсни такъ записано *М. П. Лисицынымъ* въ *Болховѣ*, Орловской губ.:

Во чистомъ полѣ подь явкою,
Подь явкою, подь ракилкою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ **).
Пускалъ руду ***)) во сыру землю.
Металъ тѣло по чисту полю.
Летѣлъ-пролетѣлъ тутъ ясной соколъ,
Онъ взялъ-поднялъ праву руку,
Праву руку съ золотымъ перстнемъ...—О.

**)) Губиль.—О.

***)) Кровь.—О.

Что пошла Марья дочь Романовна

10. Къ своему къ отцу къ родимому:
 «Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
 —Что твоя матушка во високомъ терему,
 —Она бѣлится и румянится,
 15. —Она въ гости снаряжается
 —Ко своему къ отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романова
 Во высокъ терѣмъ,
 Она смотрѣть-глядѣть свою матушку:
 20. Ужь и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки.

Какъ пошла Марья дочь Романовна

- Ко своему къ отцу къ родимому:
 «Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да ужь гдѣ жь моя родна матушка?»
 25. —Твоя матушка поѣхала къ батюшки,
 —Къ своему отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романовна
 На [царатно] крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку:
 Ужь и нѣтъ ея матушки.

30. Что летить-летить птица грозная,
 Птица грозная, младъ-сизой орѣль:
 Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
 Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
 Увидѣла Марья дочь Романовна,
 35. Закричала она грожкіимъ голосомъ:
 «Ой же ты, птица грозная,
 «Птица грозная, младъ-сизой орѣль!
 «И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
 «Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
 40. ««Ой же ты, Марья дочь Романовна!
 ««Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ,
 ««Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзаль,
 ««Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
 ««Во тоё ль во рѣку во Смородинку.»»

45. Залилася Марья горючьми слезми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка,
«Потеряль-погубилъ мою матушку!»
50. — Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
— Я сострою тебѣ новъ-высокъ терёмъ,
— Я складу тебѣ печь муравленую,
— Я солью тебѣ золотъ перстень,
— Я сошью тебѣ кунью шубу;
55. — Приведу я къ тебѣ молодую мать,
— Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты сгори, сгори, новъ-высокъ терёмъ,
«Провалися ты, печь муравленая,
«Растопися, мой золотъ перстень,
60. «Ты соглѣй, моя шуба кунья,
«Ты умри, моя молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснись, родная матушка!»

(Отъ 70-тигѣтней старухи мѣщанки).

*

2.

(Тулск. губ., Чернского уѣзда).

Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Во Смородину бросаль, во калинникъ.

Какъ встревожится и вспахнется

5. Любезная дочка Аннушка:
«Родимый мой батюшка!
«Куда дѣваль мою матушку?»

- Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
 10. —Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 —Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 15. —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
 —Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 20. «Цвѣточки растутъ нерватые,
 «Вѣночки лежатъ невитые!»
 —Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
 —Бѣлится—румянится, въ цвѣтно платьѣ одѣвается.—
 Вскидается—взбрасается любезная Аннушка:
 25. «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 «Бѣлилы стоятъ небѣленые,
 «Румяны стоятъ нерумянные!»

- Какъ летитъ тутъ орелъ—птица,
 30. Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
 Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
 ««Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
 ««Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
 ««Во Смородину бросать, во каливникъ.»»
 35. Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 —Не плачь, не тужи, дочка Аннушка:
 —Сострою тебѣ высокой теремъ,
 40. —Складу тебѣ хрущатую *) печь,

* Хрящеватую.—Подозрительно, не «бито ли это вмѣсто „сошью платье—хрущатую камку?“—().

- Солью тебѣ золотую цѣпь,
 —Приведу тебѣ молодую мать—
 «Сгори, сгори, мой высокой теремъ,
 «Упади, упади, хрушатая печь,
 45. «Растопись, растопись, золотая цѣпь,
 «Ты умри, умри, молодая мать,
 «А ты встань—проснись, моя матушка!»

*

3.

Жилъ Князь Романъ: жену терялъ,
 Терялъ—терзалъ, во Двину бросалъ.

У него дочка была Марьюшка,
 Она слезно заплакала:

5. «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Ты не плачь—ка, дочка Марьюшка:
 —Я куплю тебѣ золотъ перстень,
 —Золотъ перстень со алмазами.—
 10. «Мнѣ не надо золота перстня,
 «Золота перстня со алмазами:
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Твоя мать въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и румянится,
 15. —Во цвѣтно платье наряживатся.—

- Пошла дочь въ нову горницу:
 Въ новой горницѣ нѣту матушки,
 Бѣлильнички стоятъ на окошечкѣ,
 Румянички стоятъ на столикѣ,
 20. Цвѣтно платье въ золотой казнѣ.
 «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Въ новой горницѣ нѣту матушки:
 «Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

- Ты не плачи, дочь Марьюшка:
 25. —Я куплю тебѣ село крестьянъ.—
 «Миѣ не надо села крестьянъ:
 «Ты куды дѣвалъ мою матушку?»
 —Твоя мать въ зеленомъ саду,
 —Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
30. Пошла дочь во зеленый садъ:
 Въ зеленомъ саду нѣту матушки,
 Всѣ цвѣточки на стебелечкахъ.
 Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:
 «Э, ты, сударь, ты мой батюшко!
35. «Ты куды дѣвалъ мою матушку?
 «Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»
 —Ты не плачи, дочи Марьюшка:
 —Твоя мати во темнымъ лѣсу,
 —Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,
40. —Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревуть.—

- Пошла дочь во темный лѣсъ;
 На встрѣчу ей волки сѣрые,
 Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
 Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ:
45. «Вы постоитъ же, волки сѣрые!
 «Ужь вы гдѣ взяли руку бѣлую,
 «Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»
 ««Быль Князь Романъ: жену терялъ,
 ««Терялъ-терзаль, во Двину бросаль.»»
50. «Вы подайте жь руку бѣлую,
 «Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

- Пришла дочка съ своему батюшкѣ:
 «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Въ темнымъ лѣсу [подъ зеленой сосною],
55. «Подъ зеленой сосною нѣту матушки.»
 —Охъ ты, дочка моя Марьюшка!
 —Твоя мать во быстрой рѣкѣ,
 —Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!—

*

4.

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину.

- Приѣхалъ къ своему широку двору,
5. Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ [изъ кареты] за бѣлы руки,
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой, родной батюшко!
«Куда ты дѣвалъ мою матушку?»
10. — Не плачь, не плачь, дочь любезная:
— Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
— Бѣлится и румянится,
— Во цвѣтное платье наряжати.—

- Пошла Княжна во высокъ теремъ,
15. Искать своей матушки родимья:
Бѣлилки *) стоятъ не бѣлены.
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно **) платье на грядочкѣ.
Идетъ Княжна—какъ рѣка льется:
20. «Государь ты мой, родной батюшко!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
— Не плачь, не плачь, дочь любимая:
— Поѣхала матушка въ чисто поле ***),
— Цвѣточки рвать, вѣночки вить.—

25. Выходила Княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:

*) Разнорѣчіе пѣсенника Чулковскаго: „бѣлилки.“— О.

**) Чулк. „цвѣтное.“— О.

***) Чулк. „поѣхала твоя матушка въ чистое поле.“— О.

- «Ахъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Запрягайте скорѣ колясочку,
 «Повезите меня къ матушкѣ родимой,
 30. «Ахъ далече-далече, во чисто *) поле,
 «Цвѣточки рвать, вѣночки вить.»
 Приѣхала далече во чисто поле:
 Цвѣточки стоятъ не сорваны,
 А вѣночки и не свиваны,
 35. «Ахъ нѣтъ моей матушки родимыя!»
 Какъ билася Княжна объ сыру землю,
 Она плакала громкимъ голосомъ.
 Надъ ней леталъ младъ орелъ-птица,
 Орелъ-птица, птица царская,
 40. Спущался къ ней на бѣлы руки,
 Въ когтяхъ держалъ руку бѣлую,
 Со перстениями со алмазными;
 Что возговорить **) орелъ-птица:
 ««Не плачь ***), молода Княжна,
 45. ««Не ищи ты своей родной матери:
 ««Какъ Князь Романъ жену терялъ,
 ««Терялъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
 ««Во ту рѣку во Смородину.
 ««Вотъ твоей матушки права рука
 50. ««Со перстениями со алмазными!»»

Приѣхала Княжна къ широкому ***) двору,
 Воследила она во высокъ теремъ,
 Она била руки о дубовой столъ.
 Услышала ея ****) батюшка родимой,
 55. Бѣжитъ къ Княжнѣ во высокъ теремъ:
 —Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?—
 «Государь ты мой, родной батюшко!

*) Чулк. «въ чистомъ.»—*О.*

**) Чулк. «возговорить.»—*О.*

***) Чулк.: «не плачь, не плачь.»—*О.*

****) Должно быть: «къ широку.»—Чулк. «къ широку.»—*О.*

*****) Чулк. «еѣ.»—*О.*

- «За что погубилъ мою матушку?»
 —Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
 60. — Не я терялъ, не мои руки:
 — Потеряло ея *) слово противное.
 — Приведу я тебѣ матушку любезную.—
 Что возговорить молода Княжна:
 «Не желаю матушки любезныя,
 65. «Желала бѣ свою матушку родимую!»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. II, 1780 г., № 128, стр. 143—145: то же въ Чулковскомъ, откуда приведены разнорѣчія, 1770, ч. II, № 128, стр. 177—179).

*

5.

(Кирша Даниловъ).

- А Князь Романъ жену терялъ,
 Жену терялъ—онъ тѣло терзалъ,
 Тѣло терзалъ—во рѣку бросалъ,
 Во ту ли рѣку во Смородину.
 5. Слетались птицы разныя,
 Сбѣгались звѣри дубравые **);
 Откуль взялся младъ-сизой орелъ,
 Унесъ онъ рученьку бѣлую,
 А праву руку съ золотымъ перстнемъ.
 10. Схватилася молода Княжна,
 Молода Княжна Анна Романовна:
 «Ты гой еси, сударь мой батюшка,
 «А Князь Романъ Васильевичь!
 «Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
 15. Отвѣтъ держитъ ей Князь Романъ,

* Погубило ее. Чулк. „ее.“—0.

**) Вѣроятно: „дубравныя.“—0.

А Князь Романъ Васильевичъ:

—Ты гой еси, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна!
—Ушла твоя матушка мыться,

20. —А мыться и бѣлиться,
—А въ цвѣтно платьѣ наряжатися.—

Кидалась молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна:

«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
25. «А сѣнныя красны дѣвушки!
«Пойдемъ-то *) со мной на высокіе теремы,
«Смотрѣть мою сударыню матушку,
«Каково она моется-бѣлится,
«А въ цвѣтно платьѣ наряжается.»

30. Пошла она, молода Княжна,
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки.

Опять приступила къ батюшкѣ:

35. «Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичъ!
«А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
«Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ.»
Проговорить ей Князь Романъ,

40. А Князь Романъ Васильевичъ:
—А и гой еси ты, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна
—Со своими няньками-мамками,
—Со сѣнными красными дѣвицами!

45. —Ушла твоя матушка родимая,
—Ушла гулять во зеленой садъ,
—Во вишенье, въ орѣшенье.—
Пошла вѣдь тутъ молода Княжна

*) „Пойдемъ-ко?—О.

- Со нянками-мамками во зеленой садъ:
 50. Весь повигуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду *)
 Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
 Увидѣли новую диковинку:
 Ниотколь взялся младъ-сизой орелъ,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
 55. А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ:
 Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
 Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Во тотъ ли зеленой садъ:
 А втапоры нянюшки-мамушки,
 60. Подхватили они рученьку бѣлую,
 Подавали они молодой Княжнѣ,
 Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ;
 А втапоры Анна Романовна,
 Увидѣла она бѣлу руку,
 65. Опознавала она хорошь-золотъ перстень
 Ея родимыя матушки;
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
 Закричала тутъ молода Княжна:
 70. «А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
 «А сѣнныя красныя дѣвушки!
 «Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
 «На быстру рѣку Смородину:
 «А что тамо птицы слетаются,
 75. «Дубравные звѣри сбѣгаются?»
 Бросались нянюшки-мамушки,
 А сѣнныя красныя дѣвушки:
 По край рѣки Смородины
 Дубравные звѣри кости дѣлятъ,
 80. Сороки-вороны кишки тащатъ.

*) Стихи должны быть:

Зеленой садъ весь повигуляли,
 Никого не нашли въ зеленомъ саду.—0.

- А ходить тутъ въ зеленомъ саду
 Молода душа Анна Романовна,
 А носить она руку бѣлую,
 А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
 85. А только вѣдь нянюшки,
 Нашли они пугу голову,
 Сбирали они съ пустою головой
 А всѣ тутъ кости и ребрушки:
 Хоронили они и пугу голову
 90. Со тѣми костями, со ребрушки,
 И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

*

6.

(Саратовск. губ.).

- Князь Демьянъ *) жену терялъ:
 Отрубилъ у нея руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
 Кидалъ—бросалъ во Неву рѣку,
 5. Во Неву вѣку самородную **).
 Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
 Унесъ—укралъ руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
- Хватилася молода Княжна:
 10. «А папонька! Гдѣ же мамонька?»
 —Твоя мамонька въ новой горницѣ,
 —Въ новой горницѣ убирается,
 —Во цвѣтно платьице наряжается.—
 Пошла Княжна въ нову горницу:
 15. Цвѣтно платье [въ шкапу] висить.

*) Испорчено вмѣсто „Романъ“—О.

**) Ошибка вмѣсто „Смородину.“—О.

Пошла Княжна—заплакала:

«Папонька, нѣту мамоньки!»

—Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Твоя мамонька въ Божьей церкви,

20. —Въ Божьей церкви Богу молится.—

Пошла Княжна въ Божью церковь:

Божья церковь пустымъ пуста.

Пошла Княжна—заплакала:

«А папонька, нѣту мамоньки!»

25. —Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Твоя мамонька во чистомъ полѣ,

—Во чистомъ полѣ *)—гулять пошла.—

«Заложите мнѣ легки дрожечки,

«Поѣду я во чисто поле,

30. «Погляжу—посмотрю свою мамоньку!»

Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,

Подаетъ Княжиѣ руку правую,

Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

«А папонька, все обманывалъ!»

35. —Не плачь, не плачь, молода Княжна:

—Я сострою тебѣ новъ-высокъ теремъ,

—Я со красными со оконцами,

—Со хрустальными со стекольцами;

—Я возьму тебѣ молодую мать.—

40. «Возстань, возстань, моя мамонька!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордв-
цевой).

* *

*) Во чисто поле?—О.

ДОНСКОЙ КОЗАКЪ *).

III.

I.

Охъ ты матушка, раздкая степь Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

- У ключа было у гремячаго
5. Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
Жена мужу возмоллася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужъ мой, батюшко, Донской Козакъ!»
10. «Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полночь,
«Какъ добры люди спать полягутся,
«Наши дѣтушки угомонятся.»

- Большая дочка Аннушка,
15. Дочка Аннушка догадалася:
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ.
—Она бѣлится и румянится.

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Вилевыя Безъимянныя, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтку.“—О.

20. — Во цвѣтно платьѣ наряжается,
 — Ко заутрени собирается.—
 «Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
 «Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
 «Невеселъ ходишь и нерадошень?»»
25. — Чѣму же мнѣ веселитися
 — И на что глядя радоватися?
 — Ваша матушка распутная:
 — Пошла гулять съ полюбовникомъ.—

»

2.

(Новгородъ).

- У колодезя у глыбокаго
 Не Донской Козакъ коня поилъ,
 Не коня поилъ *), онъ жену губилъ.
 Что жена мужу возмолилася,
 5. Во скорыѣ ноги поклонилася:
 «Ахъ ты мужъ ты, мужъ мой, Донской Козакъ!
 «Не губи меня съ вечера рано,
 «Погуби меня со полуночи:
 «Всѣ добрыѣ люди спать уляжутся,
 10. «Малы дѣтушки поразбѣсятся,
 «Поутру пробснутя, матушки схватятся **).»
- ««Родный батюшко, гдѣ наша матушка?»»
 — Ваша матушка
 — Во высококъ-новомъ теремъ,
 15. — Она бѣлится и румянится,

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ „Донской Козакъ“ и „коня поилъ.“ — О.

**) Пѣсня постепенно забываетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ рассказъ, послѣ коего выводится дѣти.— О.

—Въ цвѣтно платьице надѣвается.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

«Посмотрѣйте вы, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ тѣремѣ.»

20. «Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во темномъ лѣсу,

—Во темномъ лѣсу, во сырѣмъ борѣ,

—Во сырѣмъ борѣ берётъ ягоды.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

25. «Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»

«Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во сырѣй землѣ,

—Во сырѣй землѣ, въ гробовѣй доскѣ,

30. —Въ гробовѣй доскѣ, въ золотѣй парчѣ.—

Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Фѣклы).

*

3.

Москва .

У столба-столба новоточенаго.

У колодезя у студенаго,

Молодая-тъ Казакъ онъ коня пойлъ,

Не коня-то пойлъ, онъ жену губилъ.

5. Какъ жена-то мужу возмолилася,

Во рѣзвыя ноги поклонилася:

«Не губя же ты меня, мужъ, со вечера:

8*

«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

40. Просыпалися малы дѣтушки.
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
15. —Въ новой горницѣ Богу молится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокѣмъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
20. —Ваша матушка въ зеленѣмъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
—Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами по воду.—
25. Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горъ-горъ высокѣихъ
Вылеталъ-то младъ-сизой орелъ,
Во когтяхъ-то несеть правую рученьку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
30. ««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несеть-то орелъ рученьку,
««Несеть рученьку нашей матушки
««И со перетнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
35. ««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

(Саратовск. губ.).

- На стени-то стени на Саратовской,
 На другой-то стени на Камышинской,
 У лѣсика было у дремучаго,
 У ключа-то было у текучаго.
5. У колодезя у студенаго,
 Младъ Донской Казакъ коня поилъ.
 Коня чорнаго, возбочѣнаго *).
- Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
 Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ.
10. Какъ жена-то мужу возмолилася,
 Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
 «Ужь ты мужъ мой, младъ Донской Казакъ!
 «Не губи ты меня рано съ вечера:
 «Погуби ты меня со полуночи.
15. «Когда дѣтушки спать полягутся.
 «Шабры **) ближніе припокоются.»

- Просыпáлися малы дѣтушки.
 Хватилися они родной матушки:
 «Ты скажи, скажи, родной батюшка,
20. «Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и румянится.
 —Во цвѣтно платье наряжается.
 —Въ Божью церковь собирается.—
25. Пошли дѣтушки во Божью церковь:
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Ихней матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

*) Крутобокаго.—О.

**) Сосѣди. О.

- «Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
 «Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
30. —Ваша матушка во сыромъ бору,
 —Во сыромъ бору беретъ ягоды.—
 Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
 А и всѣхъ людей они видѣли,
 Берутъ ягоды, берутъ красныя,
35. Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.
- Какъ расплакались малы дѣтушки,
 Какъ ударились объ сыру землю,
 Завопили громкимъ голосомъ:
 «Не обманывай насъ, родной батюшка:
40. «Наша матушка во темномъ лѣсу,
 «Во темномъ лѣсу подъ колодою,
 «Подъ колодою подъ дубовою.
 «Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
 «Ты убилъ—убилъ нашу матушку!»»
45. —Вы не плачьте, малые дѣтушки:
 —Я сострою вамъ нову горницу,
 —Я складу вамъ муравлену печь,
 —Я собью вамъ дубовую дверь,
 —Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
50. —Я возьму вамъ молодую мать.—
 «Загорись, загорись, нова горница,
 «Развались, развались, муравлена печь,
 «Расколись, расколись, дубовая дверь,
 «Растопись, растопись, золотая цѣпь,
55. «Ты умри, умри, злая мачиха,
 «Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.» т. IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордочевой).

*

*) Солью.—О.

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Широкà-долгà протянулася,
Дальше города Саратова,
До того ключа до гремачаго,
5. До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремачаго,
Тутъ Донской Козакъ коня поилъ,
Поилъ коня—выглаживалъ
И самъ коню наказывалъ:
10. «Ужь ты стой-постой, мой добрый конь.
«И до той поры, до бѣлой зари,
«Какъ красная дѣвка за водой поидеть.»

У того у ключа у гремачаго,
Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
15. Какъ жена-то мужу возмолилася,
Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6. ●

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Далеко ты, степь, протянулася,
Далѣ города—далѣ Питера,
Далѣ матушки каменной Москвы!
5. Ничего въ степи не уродилося:
Уродилося тутъ часть-ракитовъ кусть,
Изъ подъ кустика тутъ колодець бьетъ.

У ключа, у ключа у гремачаго,

У колодезя у студеного.

10. **Добрый Молодец тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):**
«Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

Во кусту, во кусту во ракивовомъ,

15. **Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:**
«Охъ ты гой еси, мужь, Донской Козакъ!
«Не теряй меня поздо вечеромъ:
20. «Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

Дочка Аннушка догадалася.

На шеюшку она кидалася:

- «Охъ ты гой еси, родной батюшка!
«Нетеряй-ка ты родиму матушку:
25. «Возкують тебя во желѣзюшки,
«Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,

Далѣ города—далѣ Питеру.

Далѣ матушки каменной Москвы.

У ключа-то было у гремучаго.

5. **У колодезя было у студеного,
Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:**

*) Долженъ быть еще стихъ:

Выхорашивалъ, выговаривалъ.—О.

- «Охъ ты конь мой, конь,
«Ты добра лошадь!
10. «Что же ты, конь, спотыкаешься,
«За ковыль-траву запинаешься?»
—То-то я, конь, спотыкаюся:
—Какъ со вечера мужъ жену терялъ,
—Какъ жена мужу возмолилася,
15. —Ниже пояса поклонилася:
—«Охъ ты мужъ мой, Донской Козакъ!
—«Не теряй меня, мужъ, со вечера,
—«Теряй меня, мужъ, близъ полуночи:
—«Чтобы дѣти наши приуснули,
20. —«А чужи люди не слыхали бы!»
—Потерялъ мужъ жену близъ полуночи *)».

- Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
«Ты сударь ты, нашъ батюшко!
25. «Ты куда дѣваль нашу матушку?»»
—Охъ вы дѣти мои малыя, глупые!
—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—
«Ты сударь ты, нашъ батюшко!
«Все неправда ваша:
30. «Наша матушка во гробу лежитъ,
«Во сырой землѣ **)»»

*

8.

(Тульской губ., Чернского уѣзда).

Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутова,
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ рѣчи лица дѣйствующаго переходитъ въ разсказъ о событїи также, какъ выше.—О.

**) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. О.

- Течеть рѣчка быстрая.
 Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
 5. Во цвѣтно платьѣ одѣвалася,
 Она бѣлилася и румянилася,
 Набѣлѣвши она, нарумянивши, на гору взошла,
 Диво видѣла—дивовалася:
 Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
 10. Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
 Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
 «Не губи жену рано съ вечера,
 «Погуби жену ко полуночи:
 «Малы дѣтушки спать поляжуются.»
 15. Малы дѣтушки расплачутся:
 ««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася *)».—

* *

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, безпрерывно рассказъ переходитъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ и обратно.—О.

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

- На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремячаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ—кормилъ, выглаживалъ,
5. Выглаживалъ, охорашивалъ:
«Охъ ты батюшка, конь, добра лошадь!
«Увези ты меня отъ побѣдушки *):
«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

- Онъ не коня поилъ,
10. Тутъ поилъ мужъ—жену терялъ **).
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужь, на дикой степи:
«Потеряй ты меня на большой дороженьки,
15. «Близъ кустика ракитова,
«Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»

- Подѣзжаетъ мужъ ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки, голубятушки:
20. «Государь ты нашъ, родной батюшка!

*) Отъ бѣды.— О.

***) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ.“—О.

«Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»

—Охъ вы мои малые дѣти!

—Ваша матушка ушла во чисто поле,

—Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—

25. Побѣжали же малы дѣтушки,

Искать свою матушку:

«Государь ты нашъ, родной батюшка!

«Не нашли мы свою матушку!»»

—Подите-ка вы во чисто поле:

30. —Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,

—Подъ мостикомъ подъ калиновымъ.—

Побѣжали малые дѣти:

Нашли они свою мать убитую.

*

2.

Изъ подъ камушка-камня бѣлова,

Протекала тутъ рѣка быстрая.

Какъ по той ли по рѣченьки

Плыла легка лодочка, 2.

5. За той ли за лодочкой

Плылъ тамъ корабличекъ,

Въ томъ ли корабличкѣ

Душа красна дѣвица.

Она мылася и бѣлилася, 2.

10. И бѣлилася, и румянилася, 2.

Нарумянившись на гору взшла. 2.

Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.

У колодезя у студенаго:

Онъ стоялъ тутъ и коня пойлъ, 2.

15. Не коня пойлъ—онъ жену терялъ *). 2.

*) Должно быть: „губиль.“—0.

- Какъ женѣ мужу возмолилася: 2.
 « Не губи ты меня со вечеру, 2.
 « Потеряй меня ко бѣлу свѣту: 2.
 « Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ
 20. « [Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1803 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

- Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
 Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
 Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
 Въ этой грамоткѣ есть написано,
 5. [Есть написано,] написано:
 «Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,
 «Родному багюшкѣ на заботище,
 «На заботище—на работище,
 «Молодой женѣ на загульбище.»
10. Добрый Молодецъ коня поилъ,
 Напоевши коня во дуга пустилъ,
 Во дуга пустилъ, за ворота сталъ,
 За ворота сталъ, думу думаетъ,
 Думу думаетъ, думу крѣпкую:
 15. —Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
 —Я убью жену не со вечера,
 —Я убью жену со полуночи.
 —Когда дѣтушки спать полягутся,
 —Всѣ народушки приугомонятся.—

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ т. IV. записанное гг. Костомар. и Морлов.).

* *

Молодой Маіоръ.

V.

1.

Вы луга мои зелёные, вы колодези ключёвые!
Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую, съ красною дѣвкою:

5. «Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жену сгубить?
«Я со вечера со полуночи
«Малыхъ дѣтушекъ прилююкавши.
«Прилююкавши, прибаюкавши!»

10. Большая дочь просыпалася.

Родной матушки взыскалася:

«Сударь батюшка, гдѣ наша родная матушка?»»

— Ваша матушка въ зеленѣмъ саду.

— Въ зеленѣмъ саду, въ новой горенки,

15. — Въ новой горенки, подъ краснымъ окномъ,

— Подъ краснымъ окномъ умывается *),

— Шелковымъ платкомъ утирается. —

Пѣсня тѣмъ льнян).

*

* Умывается?— О.

(Москва).

У колодца у студеного
Молодой Маіоръ коня поягъ,
Красная дѣвица воду черпала.

- Добрый Молодецъ у воротъ стоитъ,
5. У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
«Погуби ты меня со полуночи:
10. «И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ.»

- Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый—родной батюшка!
«Да и гдѣ же наша родна матушка?»»
15. —Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
—Я сострою вамъ новъ-высокъ терѣмъ,
—Я складу вамъ печь муравую,
—Я солью вамъ цѣпь серебряную,
—Приведу я къ вамъ молодую мать,
20. —Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
«Ужъ сгори, новъ-высокъ терѣмъ,
«Провалися, печь муравая,
25. «Растопись ты, цѣпь серебряная,
«Ты умри, наша молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
«Ужъ мы безъ тебя холоднѣхоньки,
30. «Холоднѣхоньки, голоднѣхоньки!»»

Отъ мѣщанки, 70-тилѣтней старухи!

* *
*

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ
и
ВАНЯ КЛЮШНИЧЕКЪ.

I.

1.

Какъ у Князя было, Князя,
У Князя Волоконскаго,
Собиралася бесѣда,
Бесѣда веселая.

5. Они шли и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князя похвалялися.
Выхвалялся Князь Волконскій,

10. Молодой Княгинейю:
«Не хвалися, Князь Волконской,
«Ты своей Княгиней:
«Какъ твоя ли Княгиня
«Живеть съ Ваней Ключничкомъ,

15. «Живеть—поживаетъ
«Ровно три годочка *).»»

На четвертый на годочикъ
Князечикъ довѣдался.
Какъ вышелъ Волконской Князь

*) Известный изъ предыдущихъ примѣровъ переходъ отъ рѣчи къ со-
бытію.— 6

20. На свой на высокъ [балконъ],
 Да кричалъ Волконской Князь
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
25. «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
 «Вы пойдите—приведите
 «Ко мнѣ Ваню Ключничка;
 «Ужь какъ стану я Ваню—
30. «Ванюшку допрашивать *):
 «Ты скажи, скажи, Ванюша,
 «Скажи, варваръ мой!
 «Со которой поры-времени
 «Ты живешь съ Княгинею?»
35. —Ужь я знать тово не знаю,
 —Вѣдать, Князь, не вѣдаю,
 —Со которой поры-времени
 —Живу я съ Княгинею.—
 Закричалъ Волконской Князь
40. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
 «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
45. «Вы берите лопатки,
 «Лопатки желѣзные,
 «Вы берите веревки,
 «Веревки куровыя **),
 «Ужь вы ройте-копайте
50. «Ямочки глубокія,
 «Становите столбики,
 «Столбики точёные,
 «Вы кладите переклады,

*) То же.—О.

***) То же, что «суровыя», коравыя, жесткія.—О.

- «Перекладины дубовыя,
 55. «Вяжите петельку,
 «Петельку куровую,
 «Въшайте—цѣпляйте
 «Ванюшку за ножку.»

Какъ возговорить Ванюша

60. Тихимъ голосомъ:
 —Прикажи жь ты мнѣ, Волконской Князь,
 —При смертной кончинѣ
 —Заиграть въ послѣдній разъ
 —Любимую пѣсню:
 65. —«Во саду ли во садочкѣ,
 —«Въ садику зеленомъ,
 —«Съ молодой Княгиней
 —«Было тамъ погуляно
 —«И во сахарныя уста
 70. —«Было поцѣловано!»—

- Какъ со вечера Ванюшу—
 Ванюшку повѣсили;
 Сы полуночи Ванюша—
 Ванюшка качается:
 75. Молодая же Княгиня
 Въ постели кончается.

*

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

У славнаго Князя у Волхонскаго
 Тутъ живеть да поживаетъ Ваня Ключничёкъ,
 Молодой его Княгини полюбѣвичёкъ.

Ваня годъ живётъ, онъ другой живётъ,—Князь не вѣ-
даетъ.

- 5. На третій годочикъ Князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчѣнку, черезъ чѣрную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ Князь: ведётъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кровати;
- 10. Тутъ слычалъ—скрычалъ Князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню Ключника!»
За бѣлыя руки взяли Ваню—подхватили,
Повели Ваню ко Князю во палатушки.

- Идётъ Ваня широкимъ дворомъ,
- 15. На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ жѣлты кудри рассыпаются,
На нёмъ синенькой кафтанчикъ раздувается,
На нёмъ красенька рубашка словно жаръ горитъ.
Привели Ванюшу во палатушки,
 - 20. Сталъ тутъ Князь Ванюшу допытывати:
Ваня часъ стоялъ—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ—не спокаялся,
На третій часочикъ спокаялся:
—Я живу со твоей Княгиней третій годъ,
 - 25. —Третій годъ живу, каждый часъ хожу.—
Показалось Князю за досадушку:
Онъ ударилъ Ваню по бѣлѣ лицу,—
У Вани съ бѣла лица руда *) пробрызнула,
Изъ ясныхъ очей слѣзы покаталися.
 - 30. Говоритъ Князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, беритѣ у Вани золотыя ключи,
«Беритѣ золотыя ключи, отпирайте окованныя ларцы,
«Подѣтѣ-ко, слуги, на Дунай-рѣку,
«Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»

*) Кровь.—О.

35. Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
 Поставили вереюшки дубовыѣ,
 Заложили грядочки таловыѣ *),
 Повѣсили петелки шелковыѣ,
 Повели Ванюшеньку на висѣльницу
40. Идѣтъ Ванюшенька на висѣльницу,
 Ступилъ Ванюшенька на пѣрву ступень,
 Таковó слово Ванюша проговори́тъ:
 —Вы позволѣтѣ, братцы, нóву пѣсню спѣтъ
 —Про славнаго про Князя про Волхонскаго:
45. —«Какъ досѣлѣва я жилъ со Княгинею,
 —«Какъ я жилъ съ ёю, три годочка жилъ!—»»

Въ эту пору ходила молодá Княгиня по новы́мъ сѣ-
 нямъ:

Она съ горя со кручины упала со новы́хъ сѣней
 И сломила себѣ буйну голову;

50. Въ эту пору въ это времячко
 Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
 Тутъ дался Князь Волхонскій во тоску во кручи-
 нушку.

(Записано г. Кузьмищевымъ).

*

3.

У нашего Князя у Волхонскаго
 Солучилося несчастьицо великое,
 Разбранилась красна дѣвица со Ключничкомъ:
 ««Ты собака, вѣрной Ключничекъ!»

*) Гладкія перекладыны.—О.

5. «Ты живешь, воръ-собака, непорядками,
 «Ты и дѣлашь дѣла незаконныя,
 «И живешь ты, воръ-собака, со Княгинею:
 «Донесу на тебя самому Князю Волхонскому!»»
 Какъ возговорить красна дѣвица:
10. «Охъ ты гой еси, Волхонской Князь!
 «У тебя ли есть вѣрной Ключничекъ,
 «Онъ живетъ, вѣрной Ключничекъ, не порядошно,
 «И дѣлаеть дѣла-та незаконныя,
 «И живетъ онъ со Княгинею.»»
15. Закидался-заметался нашъ Волхонской Князь:
 «Ужь вы гой еси, слуги вѣрныя,
 «Слуги вѣрныя и злыя палачи!
 «Ведите Ключничка скоро-пемедленно!»

Вѣрной Ключничекъ по сѣночкамъ похаживаетъ:

20. Ево личико пермѣняется,
 Миткалинова рубашечка тускнѣть стала;
 Брали палачи за бѣлыя руки,
 За тѣ ли перстни позмачонья,
 Повели ево въ палату бѣлокаменну
25. Къ тому ли Князю Волхонскому:
 — Не прикажи казнить-вѣшать,
 — Прикажите слово говорить:
 — Поставленную хлѣбъ-соль кто не кушаетъ?
 — Налитую чару и дуракъ пьетъ!—

*

4.

На зарѣ было, на зорьки, на зарѣ утренней,
 Ой утренней, ой выходилъ Князь Волхонской
 Со своею со Княгинею;
 Ваня Ключничекъ

5. Молодой Княгини забавничекъ;
 Выходилъ Князь Волхонской на высокъ [балконъ],
 Закричалъ—завопилъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Копайте ямы глубокія,
 10. «Становите столбы точеные,
 «Вѣшайте петельки шелковыя!...»

*

5.

- Долинка—долинушка!
 На этой долинушки
 Стояли палаты,
 У этихъ у палатахъ
 5. Живеть Князь Волхонской;
 У него былъ Ванюша
 Вѣрной Ключничикъ,
 Молодой Книгини
 Полюбовникъ её.
 10. Жилъ Ванюша
 Съ Княгиней три года;
 У четвертомъ году вѣрной Князь
 Довѣдалси
 Черезъ тое черезъ шельму
 15. Черезъ Ванюшину первую любовницу.
 Посылаитъ къ Ванюши
 Свово молодова хлопчика:
 «Ты поди—сходи, молодой хлопчикъ,
 «За Ванюшою,
 20. «Ты скажи Ванюши:
 «Тобе, Ваня, Князь зоветъ,
 «Онъ хочить тебе, Ванюша,
 «Подарить и пожаловать,

«По большимъ чинамъ Ванюшу—
25. «Сёлами-дерёвнями!»

- Надѣвалъ Ванюша зеленъ кафтанъ
На распашачку,
Надѣвалъ сафьянъ сапогъ
На босу ножку,
30. Надѣвалъ красну шапычку
На одно ушечко:
Идетъ Ванюша вдоль по улицы—
Словно маковъ цвѣтъ твѣтеть.
Входитъ Ванюша къ Князю Волхонскому;
35. Сталъ Князь Волхонской
У Вани допрашивать:
«Ты скажи, Ванюша,
«Скажи, злодѣй-варваръ мой:
«Много ли лѣтъ, Ванюша,
40. «Сы Княгиней жилъ?»
—Вольно, сударь, Князь Волхонской,
—Людямъ сказать,
—Вольно жа имъ
—Понапраслину!—
45. Взялъ жа Князь Волхонской
Ваню за русы кудри,
Ударилъ объ дубовый полъ:
Прошибъ онъ Ванюши
Буйную голову;
50. Русы кудри по полу валяются,
Миткаливая рубашичка кровью заливаются:
Молодая Княгиня слезьми обливается.
Закричалъ Князь Волхонской
Своимъ горделимъ *) голосомъ:
35. «Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги вѣрныи мои!
«Вы берите-ка заступы востры,

*) Высокимъ, громкимъ.—0.

- «Вы ройте двѣ ямы глубоки,
 «Становьте два столба дубовые,
 60. «Вы вейте два мотка шалкѣвые,
 «Вы ведите Ванюшу во чисто поле,
 «Вы стравите Ванюшу злыми собаками,
 «Вы повѣсьте Ванюшу на релицы *)!»

- Позвольте, сударь, Князь Волхонской,
 65. —При послѣднемъ концу мнѣ гдѣсню снѣтъ:
 —«Что попито было и поѣдино,
 —«На кроватишкахъ съ Княгиней
 —«Много посышано,
 —«Въ садахъ съ нею много погулено!»—
 70. Повѣсили жь Ванюшу на релицы.

Виситъ Ванюша—качаитца:
 Молодая Княгиня на ножу кончаитца.

*

6.

- Воздалече—воздалече, во чистомъ полю,
 Стояли тамъ хоромы высокіе,
 Во тѣхъ ли во хоромахъ жилъ—былъ молодой Князь,
 Сы младую свою сы Княгинею.
 5. Улюбился у Княгинею Ваня Ключничикъ;
 Онъ и жилъ годъ сы Княгинею, онъ и два живеть:
 Вотъ на третій ли годочикъ Князь довѣдался,
 Посылаетъ онъ хлоща сы новыхъ сѣней:
 «Ты поди—ка ты, хлонецъ, пошли Ключничка,
 10. «Ты скажи же ему, что я жаловать хочу.»

*) Качели, всячія петли.—0.

- Приходилъ же ли хлопецъ сы повыхъ сѣней,
 Говорилъ ли онъ Вапошѣ громкимъ голосомъ:
 ««Ты поди-ка ты, Ключникъ, тебе Князь зоветъ,
 ««Вотъ и хочеть тебя ли Князь жаловать,
 15. ««Онъ такой тебе казною—все несмѣтною.»»
 Вотъ идетъ же ли Ключникъ—убирается,
 Двумя мылами Ключникъ умывается,
 У сафьянные сапожки обувается,
 Онъ зеленый свой кафтанъ на распашичку,
 20. Соболю онъ шапку на бекрень держить.
 Приходилъ же ли Ключникъ на новы сѣни;
 Вотъ какъ сталъ-та ево ли Князь жаловать,
 Онъ во три во кнута во ременные,
 Во четвертую плетку Калмыцкую;
 25. Закричалъ ли вѣдь Князь-та громкимъ голосомъ:
 «Отведите вы его, шельму, на конюшій дворъ!»

- Вотъ идетъ оттыль Ключникъ—утирается,
 Свой зеленый кафтанъ за рукавъ тащить,
 Сафьянные сапожки полны крови,
 30. Онъ собою онъ шапку подъ мышкой несетъ.
 Закрычалъ же ли Ключникъ громкимъ голосомъ:
 —Не водите вы меня, братцы, на конюшій дворъ,
 —Вы сведите вы меня, братцы, въ приворотную избу,
 —Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
 35. —Заиграю я пѣсню заунывную:
 —«Што и то-то и попито, и погуляно,
 —«Сы младою-та Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано!»—

*

7.

(Псковск. губ.).

Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
 У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.

Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался;

5. Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка!»

- Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
10. Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ
голосомъ:
«Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыхъ,
15. «Положите переключецъ сосновый,
«Повѣсьте двѣ петли шелковыя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

(Записано А. С. Пушкинымъ).

*

8.

- Какъ на горкѣ на гóрушкѣ
Стоитъ новъ-высокъ теремъ, 2.
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ Бояринъ-Князь;
5. Не одинъ-то онъ живетъ, Князь-Бояринъ,—
Съ молодой съ Княгиною.
Какъ у этого ли Князя
Жилъ-былъ Ванька Ключничекъ,
Молодой его Княгини вѣрный любовничекъ;
10. Молодая его душа Княгиня

- Полюбила Ванюшку;
 Она его не годъ любила,
 Ой да и не два года;
 Какъ на третій годъ, Князь-Бояринъ,
 15. Онъ только довѣдался,
 Онъ дознался только, догадался
 Черезъ красную дѣвушку.
 Какъ и выходилъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 20. Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—ко мнѣ приведите
 «Охъ да ворона коня,
 «Охъ приведите ко мнѣ воронова
 25. «Съ Черкасскими новыми сѣдлами,
 «Да подите—ко мнѣ приведите
 «Ивана Ключничка:
 «Ужь я его подарю ли
 «Охъ да воронымъ конемъ,
 30. «Воронымъ его конемъ ли
 «Съ Черкасскими сѣдлами!»

- Какъ идетъ-идетъ Ванюша,
 Ваня усмѣхается:
 Молодая его душа Княгиня
 35. Слезьми обливается.
 Какъ и сталъ онъ, Князь-Бояринъ,
 Ванюшку допрашивать:
 «Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
 «Съ какихъ поръ съ Княгинею живешь?»
 40. —Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
 —Охъ да не два года.—
 Какъ и вышелъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 45. «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите, мои слуги,

- «Во кузницу новую,
 «Вы возьмите, мои слуги,
 «Лопатки острые,
 50. «Вы поройте, мои слуги,
 «Двѣ ямы глубокіе,
 «А во ямы—то поставьте
 «Столбики точеныя,
 «На столбахъ на тѣхъ положите
 55. «Матицу кленовую,
 «На матицу повѣсьте
 «Мотки шолковыя,
 «А на этихъ на моткахъ повѣсьте
 «Иванушку Ключничка!»
60. Какъ идетъ—идетъ Ванюша—
 Ваня спотыкается:
 Молодая его Княгиня
 Слезьми обливается;
 Охъ виситъ—виситъ Ванюша—
65. Ванюшка качается.

(Ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г., Апрель).

* *

II.

1.

Въ томъ ли во городѣ живетъ Ванька Ключничкомъ,
 Во того ли живетъ во Князя, во Князя Волхонскаго;
 Онъ не годъ живетъ Ванюша, Ванюшка другой жи-
 веть,
 Да на третій годъ—годочикъ самъ Князь довѣдался

5. Черезъ тую дѣвку—дѣвчонку Аннушку,
 Черезъ такую подлюсть—самаго послѣдняго *);
 Какъ воскликнулъ Князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
10. «Вы подите-ка, вы слуги, во чистое поле,
 «Вы роите, вы копайте, вы, ямы глубокия,
 «Вы становъте столбочки дубовые,
 «Вы кладите перекладины—кладите кленовыя,
 «Да вы вѣшайте—цѣпляйте вы петельку шелковую,
15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
 «Да вы вѣшайте—цѣпляйте въ петельку шелковую!»

Какъ Ванюшкина головка качается:
 Молода его Княгинья—Княгинья кончается.

* *

Ш.

1.

Какъ во славной во Москвѣ было, на Большой на
 Дмитровкѣ,
 Вотъ живеть ли—поживантъ, тамъ живеть Волхонскій
 Князь.
 У того ли было вѣдь у Князя—былъ Ванька Ключни-
 чикъ,
 Молодой его жены—Княгини Ваня полюбовничикъ.
 5. Онъ и жилъ—былъ со Княгиней—онъ ровно й три года;
 На четвертый ли годочикъ—Князь—то довѣдался,

*) Самую послѣднюю.—О.

Онъ черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ подлюю паскуду, паскуду послѣднюю.

Приходила же та сѣнная дѣвка къ самому Князю,

10. Закричала же та дѣвка своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, покровитель мой!
«Ты отслушай отъ меня, дѣвки, усю правду сущую:
«Што живеть твоя Княгиня со Ванюшей Ключничкомъ.»»

«Ты послушай, ты разшельма, слушай, разканалья!

15. «Если правду ты сказала, буду жаловать тебя,
«Если правды не сказала мнѣ, повѣшаю.»
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, ты отецъ ли мой!
«Когда хочешь ты, Князь,—жалуешь, хочешь,—вѣшаешь меня!»»

Закричалъ ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

20. «Вы подите, вы пошлите Ваньку Ключничка мово,
«Вы поставьте его, шельму, супротивъ мово лица!»

Вотъ только и сталъ Князь Волхонскій Ваню допрашивать:

«Ты скажи же мнѣ, Ванюшка, Ванька Ключничикъ,
«Ты скажи же, варваръ-воръ, со которыхъ любишь поръ?»

25. Отвѣчать же Ванюша, Ваня Ключничикъ:
—Што и знать-то я не знаю и вѣдать не вѣдаю!—
Закричалъ тутъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

«Ужь вы люди, мои слуги, слуги вѣрные мои!
«Ужь вы ройте, мои слуги, канавы глубокия,

30. «Вы становьте, мои слуги, вы столбы дубовые,
«Перекладинки кладите все ильмовыя,
«Вы идите—приведите Ваньку Ключничка мово,
«Ну повѣсьте вы Ванюшку, Ваньку Ключничка!»

Закричалъ же Ваня Ключничикъ громкимъ голосомъ своимъ:

- 35.—Прикажите вы Ванюшѣ съ горя пѣсню спѣть:

- «Што ужь то-то и попито, и погуляно,
 —«Ужь со младою Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано,
 —«На пуховыхъ перинахъ со Княгинею полежано!»—

*

2.

- Какъ въ Москвѣ-то было въ городѣ,
 На Большой-то было—было на Дмитровкѣ,
 Тамъ живетъ ли—споживантъ да тамъ Волхонскій Князь.
 Во сво-то живетъ, живетъ Ванька Ключничикъ;
 5. Онъ и годъ Ванька живетъ, и другой идетъ,
 Какъ на третій-то годочекъ Князь доведомъ сталъ
 Черезъ самую разшельму да послѣднюю:
 Дарить дѣвку, дѣвку, да вотъ дѣвку...
 Выходилъ-ли Князь Волхонскій да Князь на высокъ
 [балконъ],
 10. Закричалъ-ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:
 «Да вы слуги мои, слуги, да вы слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваньку Ключничка,
 «Молодой шельмы этой полюбовничка!»
- ««Ты поди, поди, Ванюша, да ко Князю Волхон-
 скому:
 15. ««Какъ тебе, тебе, Ванюша, хочеть Князь пожаловать
 ««Воронимъ тебе конемъ, золотымъ сѣдломъ!»»
 Приходилъ-то Ванюша да ко Князю Волхонскому,
 Какъ и сталъ-то Князь у Ваньки спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ мой:
 20. «Со которой поры-время, Ваня, въ полюбвь пришолъ?»
 —Я ни знаю, я ни вѣдаю за собою ничево.—
 Закричалъ-то Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

- «Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы берите-тка лопаты, лопаты желѣзные,
 25. «Ужь вы ройте-тка—копайте вы ямы глубокия,
 «Становите-тка столбочки, столбочки точоные,
 «Перекладочку кладите вы тонку-дубовую,
 «Ужь вы вѣшайте моточикъ да шелковинькой,
 «Ужь вы вѣшайте Ваньку за бѣлу шею!»
30. —Ты позволъ-ка, Князь Волхонскій, позволъ Ванькѣ
 пѣсню спѣть:
 —«Тутъ было понито, погуляно,
 —«Не одново ли съ тобой платья было поношено,
 —«Молодую-то Княгиню за груди да подержано!»—

- Какъ въ вечеру Ванюшу да Ваню повѣсили,
 35. Со полуночи Ванюша-Ванюшка да кончантца:
 Молодая-то Княгиня слезьми заливантца;
 Какъ у Ванюшки рубашечка кровью наливалася:
 Молодая ли Княгиня въ теремѣ кончалася.

«Если-бъ я зналъ Князь то, вѣдалъ, Ваньку-бъ я не
 вѣшалъ!»

*

3.

- Какъ во славномъ было въ Москвѣ-городѣ,
 Какъ по Дмитровской было по улицѣ,
 Стояли палаты бѣлокаменные,
 Жилъ въ нихъ Князь Волхонскій со Княжною.
 5. У нихъ былъ вѣрный слуга Ваня Ключничекъ,
 Его женѣ, шельмѣ, полюбовничекъ.
 Любилъ ее годъ, и любилъ ее и два,
 Но на третьемъ году Князь довѣдался
 Отъ еѣ ли отъ дѣвки отъ сѣнной.

10. Выходилъ Князь Волхонскій на крыльцы высокія,
Вскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе слуги вѣрные!
«Пошлите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Княгини шельмы полюбовничка!»
15. «Ты про то ли, Вамя, знаешь ли, вѣдаешь ли,
«Кто моей жены, шельмы, полюбовничекъ?»
—Я про то не знаю и не вѣдаю,
—Кто молодой Княгини, шельмы, полюбовничекъ!—
Выходилъ Князь на крыльцы высокія,
20. Воскрячалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе мастеры!
«Дѣлали-бъ заступы желѣзные,
«Рыли бы ямы глубокія,
«Ставили бы столбы дубовые,
25. «Переклады клали бы кленовые,
«Повѣсили бы Ваню Ключничка!
«Позовите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

—Прикажете мнѣ спѣть пѣсеньку:

—«Попито было, погулено,

30. —«Во золотой-то колясочкѣ виѣстѣ поѣзжано,
—«На пуховыя перины было виѣстѣ полежано,
—«Во сахарныя уста было поцѣловано,
—«На бѣлой-то рукѣ на еѣ было полежано!»—

Повѣсили Ваню Ключничка.

35. Виситъ Ваня и качается:
А подъ окошечкомъ Княгиня рвется и метается;
Къ вечеру Княгиня переставилась.

Ну а послѣ Князь Волхонскій спокаялся.

*

4.

Не далеча, не далеча, близко каменной Москвы,
 Какъ на славной улицѣ, улицѣ на Дмитровкѣ,
 Здѣсь живеть-поживаетъ, живеть Волхонскій Князь.
 У Волхонскаго у Князя былъ Ваня Ключничекъ,
 5. Молодой моей *) Княгини вѣрный полюбовничекъ.
 Онъ ни годъ живеть, и другой Ваня годъ живеть,
 Какъ на третій годочикъ вѣрно Князь довѣдался,
 Черезъ этаку дѣвчоночку, дѣвку сѣнную;
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

10. «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите вора Ваню Ключничка,
 «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!»

Што ведутъ, ведутъ Ванюшу,—Ваня спотыкается,
 Надъ Ванюшиной головкой надругаются,
 15. Што Ванюшина головка вся проломана,
 Коленкорова рубашка вся на немъ изорвана,
 Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

- «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 20. «Вы подите—ка—возмите лопаты желѣзнаи,
 «Вотъ вы ройтя—вы копайте двѣ ямы глубокия,
 «Вы ставтя—постановтя два столба, два дубовые,
 «Ужь вы вейтя—повивайтя двѣ петли шелковыя,
 «Ужь вѣсьтя—ка—повѣсьтя вора Ключника,
 25. «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!
 «Вотъ пушай, пушай Ванюша—Ваня покачатся,
 «Молодая—то Княгиня пушай попечалится!»

Вотъ Ванюша—то качаются, Княгиня кончатся.

*

*) Замѣченный выше переходъ отъ событія къ рѣчи лица дѣйствующаго.—О.

5.

(Новгородск. губ., Валдайск. уѣзда, деревня Сосница).

- Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
 Какъ во ѹлочкѣ было во Дмитровской,
 Жилъ тутъ—поживаль тутъ батюшка Волконскій Князь
 Со своей ли то вѣрною со Княгинею.
5. Жилъ тутъ—поживаль тутъ Ванюшка Ключничикъ;
 Онъ не годъ живё со Княгинею,
 Онъ не годъ живё,—ровно два года;
 Какъ на третій на годочикъ Князь—то все довѣдался
 Черезъ сѣннiую дѣвчонку, черезъ сѣннiую послѣднюю.
10. Какъ вышелъ—то Князь на крыльцѣ на (парадное),
 Опъ вскричалъ—то громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 «Вы поскуйте ему скорые ножѣньки,
15. «Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

- Посковали Ванюшкѣ скорыя ножѣньки,
 Какъ связали ему назадъ—то бѣлыя ручушки,
 Какъ ведутъ ли то Ванюшку подъ бѣлы—то руки:
 На Ванюшкѣ коленорова рубашка вся изорвана,
20. Какъ буйная—то головушка въ трехъ мѣстахъ пролом-
 лена,
 Какъ у Ванюшки скорыя—то ножѣньки поскѣваны,
 Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены.
 Вотъ стоитъ—ли то Князь на крыльцѣ—то (порѣтномъ),
 Увидѣлъ же то Ванюшка Князя—то Волхонскаго:
25. —Ахъ ты батюшка, Князь ты Волхонскій!
 —Ты прости меня большой—то виной,
 —Я не буду, я не стану никакихъ я дѣль—то дѣ-
 лать!—
 Какъ вскричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

30. «Вы подите—вы возьмите заступы желѣзные,
 «Вы роите—тко—копайте двѣ ямы глыбокiя,
 «Вы поставьте два столба высокiе,
 «Положите переводы—то дубовыя,
 «Вы повѣсьте—тко двѣ петли шелковыя,
 35. «Вы сдѣлайте крючья—то золочёные,
 «Три ступени тесовыя,
 «Вы покройте—тко ступени черныиъ сукномъ,
 «Вы ведите—тко Ванюшу на крутой—то крылецъ,
 «На крутой крылецъ на тесовый!»
40. Идетъ ли Ванюшенька—поклоняется,
 Со всимъ добрымъ людямъ прощается:
 —Прости батюшка, прости матушка,
 —Прости ты меня, мать сыра земля!—
 Какъ вошёлъ да то Ванюшко на крутой крылецъ на
 тесовый,
45. Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
 —Ахъ ты батюшка, Волхонскiй Князь!
 —Ты позволь—ко—ся мнѣ надъ послѣднимъ краюшкомъ
 —Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть?—
 «Вѣшайте вы Ванюшеньку:
 50. «Пускай Ванюшка качается,
 «Моя молодая—то Княгиня пушай не печалится!
 «Какъ дознается моя—то вѣрная Княгиня,
 «То—то она попечалится!»

Со печали—то тоски на третiй денекъ,
 55. Какъ на третiй на денѣчикъ вѣрная Княгиня по-
 мѣрла.

(Записано 6 Сент. 1834 г., отъ Новгородца Савелья).

*

(Саратовск. губ.).

- Далеко было, далече,
 Въ бѣлокаменной Москвѣ,
 Во второй было во улицѣ *)
 Во славной Митревской,
 5. Что у Князя было у Волконскаго
 Солучилася ширь-бесѣдушка,
 Тиха и смиренна, зѣло радошна.
 Соѣзжались къ нему князья-бояре,
 Пили-ѣли, прохлаждалися,
 10. Разговорами они занимались.
 Богатый хвалится богачествомъ,
 Бѣдный хвалится своей бѣдностью **),
 Сильный хвалится своей силою,
 А Волконскій Князь своей Княгинейо:
 15. «У меня Княгиня умная,
 «Она умная-разумная,
 «Она тихая-смиренная,
 «До рабовъ она милостлива,
 «Передо мной она очестлива.»
 20. У дверей стоитъ слуга вѣрная,
 Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная;
 Какъ возговорить сѣнна дѣвушка:
 ««Ужъ ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 ««Не приказывай меня казнить-вѣшати,
 25. ««Прикажи ты мнѣ слово молвити?»»
 «Говори ты мнѣ, слуга вѣрная,
 «Ты скажи мнѣ правду-истину.»
 ««Похвалился ты своей Княгинейо:
 ««Твоя ли Княгинюшка нечестная,

*) Т. е. во первыхъ въ Москвѣ, во вторыхъ—далѣе—на Дмитровкѣ,—О.

**) Весьма странно и необычно.—О.

30. «Твоя ли Княгинюшка невѣрная!
 «Что живетъ она съ младымъ Ключникомъ,
 «Со твоимъ ли со харечникомъ,
 «Со моимъ ли братцемъ роднымъ:
 «Что живетъ она не теперича,
 35. «А не много, не мало—ровно девять лѣтъ.»
 На десятомъ-то году Князь довѣдался.
 Посылаетъ онъ за Ключникомъ
 Своего ли слугу вѣрнаго:
 «Ты скажи: батюшка-Князь требуетъ,
 40. «Ты скажи: хочеть тебя дарить-жаловать.»

- Какъ встаетъ Ключникъ съ постелюшки,
 Собирается онъ, снаряжается,
 Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
 Надѣваетъ онъ лисью шубу до дому *),
 45. Шуба лисья словно лѣсъ шумить
 И золотъ перстень ровно жаръ горить,
 На немъ шапочка рытаго бархата,
 Во правой рукѣ тонка тросточка,
 А во тросточкѣ ала ленточка;
 50. Идетъ Ключникъ—что соколъ летить.
 Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
 Отдаетъ Князю низкой поклонъ:
 —Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка-Князь!
 —Ты почто меня скоро требовагь,
 55. —Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?—
 «Подарю я тебя хоромами высокими,
 «Не мошечными, не свершенными **),
 «Ты скажи мнѣ только правду-истину:
 «Ты который годъ живешь со Княгиню?»
 60. —Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 —Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
 —Много было попито, поѣдено,

*) Конечно: „до полу.“—О.

**) Безъ верху, безъ крыши.—О.

—На пуховыхъ перинахъ полежано!—

Князь Волконскій *) прогнѣвался,

65. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!

«Вы берите лопатки желѣзныя,

«Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокиа,

«Вы постройте рельюшки **) высокиа,

70. «Вы столбы-то дѣлайте точеныя,

«Перекладины положите вы кленовыя,

«Вы колечки сверните позлащенныя,

«А петелки повѣсьте вы шелковыя,

«Вы возьмите моего млада Ключника,

75. «Вы повѣсьте на рельи высокиа:

«Да пускай же онъ, воръ, покачается,

«Молодая-то Княгиня на него показнтся!»

Подхватили Ключника за бѣлы руки,

Повели его на рельюшки высокиа,

80. Повѣсили на петельки шелковыя.

На петелькахъ висить Ключникъ—мотается:

А впереди-то лежитъ Княгинюшка—кончается.

Какъ ударится батюшка Волконскій Князь

Объ дубовый столъ:

85. «Ужь ты гой еси, дѣвушка сѣнная,

«Ты моя ли слуга вѣрная!

«Погубила ты младаго Ключника,

«Умертвила ты молоду мою Княгинюшку!»

(Ср. „Лэтон. Р. Антер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордѣе-
цевой).

*

*) Волконскій?—О.

**) См. пѣсни выше.—О.

(Орловск. губ.).

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
 Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
 Что и того ли то Князя, Князя-Боярина.
 Что и жилъ-то тамъ Князь со своей Княгинею,
 5. Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, Князю Ключни-
 чикъ,
 Молодой его Княгини вѣрной полюбовничикъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ Княжней *), другой
 живетъ,
 Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ Князь да довѣдался
 Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной-горьнишной.
 10. Вотъ выходитъ Князь-Бояринъ на свой красенъ крылецъ,
 Какъ возгаркнетъ Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ
 голосомъ:
 «Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
 «Вы идите—приведите вора Ваньку Ключника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ Княжій дворъ,
 15. Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
 Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются....
 Какъ возговорить **) Князь—воскликнетъ своимъ гром-
 кимъ голосомъ:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ,сынъ:
 «Ты съ которой поры-время живешь со Княжнею?»
 20. —Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
 Какъ и сталь-то Князь Ванюшу пытать—крѣпко спра-
 шивать:
 Не добился Князь-Бояринъ тасей правды-истины.

*) Княгиней? И нѣме то же.—О.

**) Возгаркнетъ?—О.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!

25. «Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
«Ужь вы ройте-тко—копайте двѣ ямы глубокия,
«Ужь вы ставьте-тко—ставьте два столба точонья,
«Перекладину кладите, слуги, вы кленоваю,
«Вы идите—приведите вора Ваньку Клоушника!»

30. Вотъ ведутъ-ведутъ Ванюшу-Ваню черезъ Княжій
дворъ,

Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны *).

Вотъ идетъ-идетъ Ванюша-Ванюшка—шатается:

А и Князь-то стоитъ—ухмыляется,

35. Молодая-то Княгиня въ теремѣ слезами заливается.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-истину?»

—Ужь позволь ты, Князь-Бояринъ, позволь Вамъ пѣсню
спѣть,

—Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднюю:

40. —«Что и было, Князь-Бояринъ, понито-поѣдено,

—«Въ краснѣ было, Бояринъ, въ хоронѣ похоронено,

—«На кроватушкѣ тесовой въ насъ **) было полежено,

—«Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похвачано,

—«Во уста-то во сахарны было поцаловано,

45. —«Съ одного плеча было въ насъ поношено ***)!»—

*) Прибавка въ разпорѣчїи:

А сабянныя сапожки кровью понаполнены.—*Примѣчаніе записавшаго.*

**) У насъ.—*О.*

***) Въ разпорѣчїи прибавка:

Про твою ли, сударь, мнлость много было ругано.—*Примѣч. записавшаго.*

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!

«Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку Ключника!»

Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается:

50. Молодая—то Княгиня въ теремѣ кончается.

(Ср. сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г. Апрель).

* *

IV.

1.

Было въ городѣ, было на Митровкѣ,
Тутъ жилъ—проживалъ Волхонскій Князь.
Какъ во Князя во Волхонскаго былъ Ваня Ключничкомъ,
Молодой его Княгини полюбвничкомъ.

5. Онъ и годъ живетъ Ванюша, онъ и два года,
Какъ на третій годочикъ Князь довѣдался
Черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, черезъ п...ю *).
Закричалъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
10. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрныя!
«Вы подите—приведите Ваню Ключника,
«Молодой моей Княгини полюбвничка!»

Все ведутъ—ведутъ Ванюшу къ самому Князю:
У него шубенка вся изорвана,

*) Последнюю, последнюю.—О.

15. Его буйная голова вся проломана,
 А миткалева рубашка вся съ кровью помѣшана.
 Приведутъ все Ванюшу къ самому Князю:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, Ванюша:
 «Со которыхъ поръ живешь со Княгиньею?»»
20. —Ужь я знать того не знаю, сударь, не вѣдаю.—
 Какъ простилъ всё Ванюшѣ Князь Волхонскій.

Какъ пошелъ Ванюша прочь отъ Князя,
 Онъ пошелъ ли Ванюша вдоль и по двору,
 Все запѣлъ Ванюша пѣсню новую;

25. Какъ услышала Княгиня Ванюшинъ голосокъ,
 Выходила Княгиня, выходила на [балконъ]:
 ««Ты не вѣшай—ка, Ванюша, своей буйной головы!»»
 Услышалъ ли Князь Волхонскій голосокъ Княгини той,
 Закричалъ ли Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
30. «Ужь вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 «Вы берите—ка топоры желѣзные,
 «Ужь вы ройте—ка, копайте ямы всё глубокія,
 «Становите—ка столбы всё дубовые,
 «Перекладыны кладите всё кленовыя,
35. «Ужь вы вѣшайте ремни *) всё шелковые,
 «Ужь вы вѣшайте Ванюшу вора Ключничка!»»

Все ведутъ Ванюшу—Ваню вѣшати;
 Какъ со всѣми—то Ваня кланяется,
 Онъ со всѣми Ваня распрощается,

40. Распрощавшись Ваня, слово вымолвилъ:
 —Вы позвольте вы, братцы, пѣсню нову снѣтъ:
 —«То—то, братцы, было попито,
 —«Было попито—поѣдено,
 —«На тесовой на кроваткѣ было полежено,
45. —«У сахарны усточки было поцѣловано!»—

Какъ повѣсили Ванюшку—удавить хотять,

*) Ошибка вмѣсто «рельс», петли. О.

- Всё висить Ванюша, висить,—всё мотается:
 Молодая Королевна *) всё кончается;
 Молодой ли Ванюша давится:
 50. Молодая Королевна по немъ перстается:
 Всё Ванюша давился:
 Молодая Княгиня всё перстались.

- Какъ и Князь Волхонскій по ней сумлѣвается:
 «Скверная дѣвчонка! На что ты донашивала?
 55. «Что и лучше бы тово—самъ Князь перенесъ бы я!»

*

2.

(Звенигородск. уезда. село Ильинское).

- На улицѣ Вѣтровицѣ **)
 Живѣть—проживаетъ Иванъ Ключничикъ,
 Молодой нашей Княгини полюбвничикъ.
 Живѣтъ онъ годочикъ, живѣтъ онъ другой,
 5. Спозналъ Князь, довѣдался.
 Выходилъ же Князь Волхонскій на своё ново крыльцѣ,
 Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 10. «Молодой нашей Княгини полюбвничка!»

- По двору широкому ведутъ Ванюшу,
 У нашего Ванюшеньки ноженьки путляются:
 А стоитъ же Князь Волхонскій—усмѣхается.
 Закричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
 15. «Принесите вы лопаты широкия,

*) Ср. ниже пѣсни.—О.

**) Митровицѣ, Митровѣ.—О.

- «Ужъ вы ройте, вы копайте ямы глубокія,
 «Становите вы столбѣчки точёныя,
 «Вы давайте *) переводы ильмовые **),
 «И вы вѣшайте—цѣпляютъ пѣтельки шелковья,
 20. «И вы вѣшайте—цѣпляютъ Ваню Ключничка!»

Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтается:
 Молодая—то Княгиня слезами обливается;
 Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтается:
 Молодая—то Княгиня въ перинахъ кончается.

25. Понапрасну Князь Волхонскій двѣ души загинулъ ***),
 Черезъ самую такую дѣвочку скверную,
 Черезъ самую такую подлячку послѣдную.
 Приказываетъ Князь Волхонскій сыграть пѣсенку,

 30. Что «Попито было—поѣдено,
 «Съ молодой своей Княгиней въ коляскѣ поѣзжено,
 «На тесовой кровати полѣжано
 «И за бѣлыя за груди подержано!»

(Пѣсня протяжная; записано 5 июля 1831 г.).

*

3.

(Москва).

- Что на славной было улицѣ на Дмитровкѣ,
 Что у славнаго ли у Князя у Боярина,
 Побранилася кухарка съ молодымъ Ключничкомъ:
 ««Ты не лайся, не бранися, молодой Ключничекъ:
 5. ««Я пойду ли—донесу Князю—Боярину!»»

*) Цѣпляютъ?—О.

***) Ср. *Утка*, *Утка*.—О.

***) Загубилъ.—О.

«Ужь ты батюшко ты нашъ, ты Бояринъ—Князь!
 «Ничево же ты не знаешь да не вѣдаешь:
 «Что живеть—то твоя Княгиня съ младымъ Ключни-
 комъ!»»

Что возговорить нашъ батюшка Бояринъ—Князь:

10. «Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите млада Ключничка,
 «Вы поставьте млада Ключника въ среди двора,
 «Что подъ то ли подъ косящато окошечко;
 «Ужь я стану младаго Ключника доспрашивать *)»
 15. «Ты скажи, скажи, младый Ключничекъ, не утай грѣха,
 «Коли да правду ты мнѣ скажешь,—я помилую,
 «А неправду ты мнѣ скажешь,—я подъ кнуть да подъ
 кнуть отдамъ:
 «Что живеть ли моя Княгиня съ твоей милостью?»
 —«Что живеть ли твоя Княгиня со мною да три, ахъ
 да три года.—
 20. Что возговорить нашъ батюшка да Бояринъ, ахъ да Боя-
 ринъ—Князь:
 «Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи!
 «Ужь вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
 «Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
 «Перекладинку вы поставьте **) вы кленовую,
 25. «Ужь вы петельку повѣсьте вы шелковую!»
 Молодой Ключникъ на петелькѣ качается:
 Молодой—то ли Княгини жизнь кончается ***).

(Записано А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап., 1860,
 Апрель).

* *

*) Отселъ переходъ изъ рѣчи къ описанію самого событія, отъ перваго
 лица къ третьему.—О.

**) Положите?—О.

***) Или:

Молодая ли Княгиня на ножѣ кончается.—Примѣч. П. Ш.
 Якушкина.

V.

1.

(Сарат. губ., Сердобск. уѣзда, село Ивановское, Пляш тожь).

Какъ во славномъ—то городѣ Саратовѣ,
 Въ улицѣ во Дмитровской,
 Какъ тутъ живеть—то—поживаетъ
 Батюшка Волхонскій Князь;
 5. Какъ у этого у Князя
 Живеть Ванька Ключничкомъ.

Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій Князь
 На крылечко на новое,
 Закричалъ—то батюшка Волхонскій Князь
 10. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
 «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

Какъ ведутъ—то Ваню Ключничка:
 Бѣлыя куделюшки разчѣсаны,
 15. Бархатный кафтанчикъ раздувается;
 Привели—то Ванюшу ко Князю Волхонскому:
 «Ахъ ты Ванька, сынъ!
 «Ты скажи, сколько лѣтъ со моей Княгиней жилъ?»
 —Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій Князь?—
 20. «Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
 «Отъ самой послѣдней.»
 —Скажу вамъ, батюшка Волхонскій Князь:
 —Ровно только девять лѣтъ.—
 Закричалъ—то Князь Волхонскій
 25. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ахъ слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
 «Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не шѣныя,
 «Совсѣмъ не свершѣныя,

- «Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки *) точеныя,
30. «Релюшки точёныя, петельки шелковыя,
«Вы подите—приведите сюда Ваню Ключничка!»

- Стали Ваню жаловать релюшками точёными,
Релюшками точёными, петельками шелковыми:
—Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
35. —Прикажи мнѣ слово молвити!....—

Какъ и Ванюшка—то на реляхъ качается:
Молодая Княгиня во теремѣ кончается.

*

2.

- Какъ во славныемъ городѣ во Питерѣ,
Тутъ живетъ ли—поживаитъ
Батюшка Волхонскій Князь;
Какъ у этого у Князя есть Ванюшка Ключничекъ,
5. Молодой его Княгинѣ вѣрный полюбовничекъ;
Какъ не годъ живетъ Ванюша и не два живетъ,
А живетъ—поживаитъ съ ней ровно три годочка;
На четвертыемъ на годочкѣ самъ Князёкъ довѣдался,
А не самъ узналъ Князёчикъ, сказала дѣвчѣночка,
10. Дѣвчѣночка сѣнная, самая послѣдняя.

*

3.

(Сибирск. губ., село Усть-Урень).

Какъ у Князя было у Волхонскаго
Солучилося большое несчастье:
Повелась его жена съ Ваней Ключничкомъ.

*) См. выше.—0.

- Во селѣ-то было во Измайловѣ,
 5. Протекала рѣчка быстрая,
 Рѣчка быстрая, Волга матушка;
 Какъ по рѣчушкѣ растетъ часть раkitничекъ:
 Разливалась Волга широкохонько,
 Потопляла всѣ горы-долы и сухіе острова,
 10. Оставлялся *) одинъ часть-раkitовъ кустъ;
 Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
 Пташка вольная, младъ-ясенъ соколъ:
 «Полеги-ко, младъ-ясенъ, на родимую сторону,
 «Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ,
 15. «Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
 «Родной матушкѣ челобитьце **)!»

(Отъ ратника Николая Картавенко, записано П. В. Шейномъ).

*

4.

(Той же губ., Буянского уѣзда. дер. Козловка).

- Во селѣ-то во селѣ было Измайловѣ,
 У Князя было у Волхонскаго,
 Изъ терема было изъ високова,
 Изъ окошечка было изъ косяшева ***)
 5. Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
 Вылеталъ тутъ вылеталъ младъ-ясенъ соколъ,
 Младъ-ясенъ соколъ, пташка вольная.
 За соколомъ бѣжить слуга вѣрная ****),
 Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
 10. «Охъ ты ой еси, младъ-ясенъ соколъ!
 «За тебя ли меня, сокола, казнить хотять *****),

*) Оставляла?—О.

***) Слова Княгини или Ключника?—О.

****) Косяшета?—О.

*****) Ключникъ?—О.

*****) Вѣрнѣе такъ:

«За тебя ли, сокола, меня казнить хотять.—О.

«Казнить—то хотять, хотять вѣшати.»

Онъ кричить—то ему кричить громкимъ голосомъ:

—Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!

15. —Я теперь соколъ на своей волѣ;

—Вечеръ—то вы надо мною надругались:

—Кормили вы меня, сокола, жертвою вороною,

—Понли сокола водою болотною!—

(Записано тѣмъ же отъ Максима Щербакова).

*

5.

(Болговъ).

Во городѣ было во Питерѣ,

Во главной улицѣ Митревской,

Живеть тутъ—поживаетъ Волконскій Князь

Со своею молодою Княгинею.

5. Влюбился въ Княгиню Иванушка Ключничекъ,

Молодой моей *) Княгини, шельма, полюбовничекъ.

Ужъ онъ годъ живеть, Ванюша, и другой живеть,

А на третій годъ Князь довѣдался,

Что на шельму на Ваню—на Ваню прогнѣвался,

10. Черезъ тоё черезъ дѣвку, дѣвчѣнку сѣнную,

Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.

Закричалъ же Князь Волконскій своимъ громкимъ го-

лосомъ:

«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,

«Ужъ вы други мои, други неизмѣнные!

15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,

«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

*) Перенесено со словъ Князя.—О.

- «Ты поди, поди, Ванюша, тебя Князь зоветъ:
 «Ужь онъ хочетъ тебя жаловать
 «Селами-деревнями, третьими кнутами ременными.»»
20. «Слуги мои, слуги! Вы копайте-ка двѣ ямы,
 «Двѣ ямки глубокиа,
 «Становите столбочки все точеные,
 «Вбивайте-ка колечки, кольца золочѣныя,
 «Вѣшайте моточки, моточки шелковыя,
25. «Ужь вы вѣшайте Ванюшку и Ванюшу Ключничка.»
 —Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть:
 —«Что во городъ во Питеръ,
 —«На главной на улицѣ на Митревской,
 —«У того ли Князя—у Князя Волконскаго,
30. —«Было попито, было и погуляно,
 —«На пуховыхъ перинахъ было полежано,
 —«За бѣлыя груди было подержано!—»

Какъ Иванушку повѣсили:

А молодая Княгиня въ хоромахъ зарѣзалась:

35. А Иванушка качается:

А молодая Княгиня во хоромахъ кончается.

(Записано М. П. Лесцкимъ).

* *

Молодецъ у Короля въ службѣ *).

VI.

Сравни выпускъ 3, пѣсни о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ.

1.

(Новгородъ).

Молодецъ у Короля на вѣстяхъ служилъ:
Что Король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.

Еще сталъ Молодецъ упиваться,

5. При хмѣлю удамой похвалятися:

«Много было хожено, погумено,

«И въ крашнѣ въ хорошѣ похожено,

«Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!

«Поцѣлована дочь прекрасная,

10. «Дочь прекрасная Королевская!»

За досаду Королю показался,

За досадушку такъ за великую;

Закричалъ тутъ Король на своихъ вѣрныхъ слугъ:

«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,

15. «Слуги вѣрные и неизмѣнные!

«Вы подите далече въ чистое поле:

*) Значеніе этихъ Пѣсень, тѣсно связанныхъ съ предыдущими, объяснено ниже въ „Замѣткѣ.“—О.

- «Ужь вы ройте ямы глыбокія,
 «Становите столбы дубовые,
 «Перекладнику кладите кленовую,
 20. «Вы повѣсьте петли шелковыя,
 «Вы повѣсьте Добра Молодца!»

Молодѣць палачамъ по рублю сулятъ:

- Не ведите меня позадь горницы,
 — Пovedите меня вдоль по улицѣ,
 25. — Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
 — Дочь прекрасная Королевична!—

Попросилася дочь у батюшки:

- «Ты пусти, пусти родный батюшка,
 «Молодецкой смерти поглядѣти!»»
 30. Молодѣць на петляхъ качается:
 Королевна подь релью кончается.

(Записано 11 Сент. 1834 г. отъ Акулины).

*

2.

(Москва).

Какъ Короля-ть Молодца любилъ-жаловалъ,
 Съ одного плеча платьице нашивалъ.

- Ужь и сталъ Молодѣць пьянь упиватися,
 Во хмѣлю сталъ Молодѣць похвалятися:
 5. «Ужь и то-то попито, братцы, погүлено,
 «Въ хорошत्वѣ-то въ краснѣ много хожено,
 «Что на мягкихъ перинахъ много лѣжано,
 «Королевну за ручку много дѣржано!»
 Донесли-то на Молодца своя братья.

10. Какъ Короля-ть на Молодца прогнѣвался,
 Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги вы, слуги мои вѣрные!
 «Вы подите далѣче во чисто поле,
 «Ужь вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
 15. «Становите вы реляшки высокія,
 «Поведите Молодцѣ казнить-вѣшати!
 «Не водите Молодцѣ впереди мого двorca,
 «Поведите Молодцѣ позади мого двorca.»

Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:

20. —Поведите Молодцѣ впереди меня двorca!—
 Какъ увидѣла Молодца Королевна изъ окна,
 Закричала Королевна громкимъ голосомъ:
 ««Ахъ ты батюшка, сударь мой, пусти меня гулять,
 ««Да двѣ ямушки глыбокія посмотришь!»»
 25. Какъ пошла Королевна въ чисто поле гулять,
 Да двѣ ямушки глыбокія посмотришь;
 Молодѣца-ть на реляшкахъ качается:
 Королевна подъ релями скончалася.

(7 Октября 1834 г. отъ мѣщанинъ Татьянъ Андреевнъ).

*

3.

(Сибирск. губ., село Головино).

Изшелъ я *) всеѣ землю Свято-Русскую,
 Я сине море исплавалъ изъ края въ край,
 Изъ самова изъ устья до вершиночки,
 Я замель-загулялъ къ самому Королю,

*) Извѣстное намъ перенесеніе событія на лицо или 3-го лица въ 1-е.—0.

5. Къ самому Королю ко Латинскому *)
 А за то меня Король любилъ-жаловалъ,
 Посадилъ меня Король во вѣрны Ключники
 Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
 Служилъ Королю вѣрой-правдою **).
10. Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,
 Только знаетъ одинъ маленькой дѣтинунка,
 Одинъ маленькой дѣтинунка, поваренной;
 Онъ дошолъ-донесъ собака самому Королю:
 ««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
 15. ««Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
 ««Твой-то Ключничикъ до пьана называется,
 ««Во хмѣлю Ключникъ негоме похваляется,—
 ««Похваляется ниварной ***) твоей дочерью.»
 За досаду Королю показалось;
 20. Выходилъ тутъ Король на краснѣ крылецъ,
 Восклицалъ онъ—возгаркнулъ громнымъ голосомъ:
 «Ище есть ли у меня такі мастера,
 «А по нашему по русскому грозенъ палачъ!
 «Онъ бы вѣлъ далече во чисто поле,
 25. «Дѣлалъ бы релюшки высокие,
 «Становилъ бы онъ столбики дубовые,
 «Перекладники клалъ бы кленовые,
 «А петельки вязалъ бы желковыя,
 «Онъ бы велъ мово Ключника къ повѣшанью,
 30. «Не водилъ бы онъ кремль-городокъ ****),
 «Провелъ бы онъ позадь города!»

Молодецъ молодцу *****) крѣпко кланялся:
 —Ой ты гой еси, нашъ батюшка, грозенъ палачъ!

*) Лиховинскому.—О.

***) После этого должно было слѣдовать затерянное въ дѣси описе любви.—О.

****) Меньшой.—О.

*****) Разумѣется не Московскій, а всякій кремль, вышгородъ, Вург.—О.

*****) Ключникъ палачу.—О.

- Дай ты мнѣ, Молодцу, звончаты гусли,
 35. —Передъ смертью Молодцу ваигратися!
 —Не води ты меня, добрый молодецъ, позадь города,
 —Проведи ты меня кремль-городомъ,
 —Мимо тѣхъ ли палатъ Королевинныхъ.—
 Онъ повелъ Молодца кремль-городомъ,
 40. Мимо свѣтлицы свѣтлицы Королевинной.
 Онъ и сталъ тутъ ваигрышки ваигрывать:
 —Бывало меня Король любилъ-жаловалъ,
 —А нынче на меня скоро прогнѣвался,—
 —Ведеть-то Молодца ко повѣшенью!—
45. Услыхала ево мила дочь мизная,
 Выходила она на краснѣ крылець,
 Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
 ««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
 ««Ты за что на Ключничка прогнѣвался?
 50. ««Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшанью!»»
 Услыхалъ то ея батюшка, Литонской Король:
 ««Еще Богъ его прощаетъ, Сударь жалуетъ!»»

(Доставлено П. М. Языковымъ).

*

4.

(Тамъ же).

Изшелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
 Изплавалъ я сине море изъ краю въ край,
 Не нашолъ я лучше-краснѣ-краснѣй города *),—
 Ой зашелъ я, Молодецъ, къ Королю въ Литву.

*) Т. е. Литовскаго, Литвы.—О.

5. Он за то меня Король любил—жаловалъ,
Посадилъ же Молодца въ вѣрны Ключнички.

Онъ до пьяна, Молодецъ, напивается,
Во хмѣлю-то онъ негоже похваляется,—
Онъ и хвалится его мизирной дочерью.

10. За досаду Королю показалось;
Онъ выходитъ, Король, на красенъ крылецъ,
Онъ вскричалъ громкимъ своимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня такіе мастера,
«А по вашему по русскому грозенъ палачи!»

15. «Ище скоро бы онъ бѣжалъ во чисто поле,
«И сохи *) ты бы ставилъ дубовыя,
«Переклады бы клалъ кленовыя,
«А петли бы вѣшалъ шелковыя,
«Не водите Молодца кремль-городомъ,

20. «А ведите Молодца позадь гумень!»

Увидала ево Королева дочь;
««Поведите ево кремль-городомъ,
««Кремль-городомъ, славой доброю!»»

(Доставлено тѣмъ же).

*

5.

Вотъ ходилъ ли я, Молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ я побивалъ я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя;
Опоздалъ ли я, Молодчикъ, иттить-бѣхати:
5. Всему городу воротички были заперты,
Караульнички молоденьки—они крѣпко спать.

*) Высокіе козлы, на которые кладутся перекладыны.—О.

- Што одна ли не спала ли—красная дѣвушка,
Она такая Перекраса Королевишна;
Вынимала изъ [комода] золоты ключи,
10. Успущала Добра Молодца, все наказывала:
«Ты дворомъ иди, Молодчикъ,—не закашляйся,
«Къ новымъ стѣнямъ подходи,—не застукайся,
«Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
«Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ;
15. «Ты на утрѣ жь ли, Молодчикъ, не упейся пьянъ,
«Во хмѣлю-та, разудалый, не похвастань!»»

- Какъ на утрѣ-та Молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-та разудалый похваляться сталъ:
—Какъ вечеръ ли я, Молодчикъ, у гостяхъ гостилъ:
20. —Я въ такой ли Перекрасы Королевишни!—
Што по утру про удалова доснался;
Призывалъ Король Молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, Молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
«Я за то тебя удалова пожалую,
25. «Я пожалую Молодчика все палатушками,
«Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
«Я построю тебѣ релюшки точеные,
«Я повѣшу тебѣ петельку шелковую.»

- Ужъ какъ Добрый Молодецъ сталъ качатися:
30. Перекраса во саду стала кончатися.

*

6.

Крапива-крапивушка, крапива стрѣкучая,
Одогола крапивушка поле чистое!

Охочь былъ Молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочь былъ стрѣлять гусей-лебедей;

5. Опоздалъ же Молодецъ дошой ѣхати.
 Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:
 Первая дорога къ отцу къ матери,
 Вторая дорога къ роду къ племени,
 Третья къ своему городу.
10. Въ городѣ ворота были заперты;
 У воротъ караульщики крѣпко спать да не прѣспутея;
 Выходила Королевна на ново крыльце,
 Отпирала Королевна городскіе ворѣтчки,
 Она выпускала удалова-доброва Молодца:
15. «Ты иди со мной полегоничку,
 «Говори со мной потихоничку.»»

- Королева на утро стала спрашивать:
 «Ужь ты дочь моя, дочь любимая!
 «Ужь съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»»
20. ««Ужь ты милая моя мать родимая!
 ««Нынче ночью мало мнѣ спалось,
 ««Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
 ««Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
 ««Предъ тобой стоять попы, дяконы,
25. ««Они поютъ память вѣчную.»»

- У стола, стола государева
 Служилъ Добрый Молодецъ.
 Добрый Молодецъ хмѣлень напивается,
 Во хмѣлю Королевской дочерью похвалится:
30. — Ужь я спалъ-почивалъ съ Королевской дочерью
 — На одной кроватишки! —
 Были люди донощники,
 Доносили самѣну Королю;
 Какъ вскричить Король громкнѣть голосомъ:
35. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите Дѣброва Молодца!»»

Сталъ Король у него спрашивать:
 «Сколько же ты жилъ съ моею дочерью?»
 — Я не мало, не много, — ровно три года. —

40. Какъ вскричалъ Король громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Вы пойдите въ чисто поле,
 «Копайте двѣ ямы глубокія,
 «Становите два столба еловые,
45. «Кладите перекладины дубовыя,
 «Вѣшай петельку шелковую,
 «Вы возьмите—приведите Доброва Молодца,
 «Не ведите Молодца переди дворца,
 «Вы ведите Молодца позади дворца!»
50. Молодецъ въ петелькѣ качается:
 Королевская дочь въ терему кончается.

*

7.

(Тульск. губ. — уезда).

Ты крапиво ли крапиво, зла-стрекучая,
 Одогъла ты, крапиво, поле чистое,
 Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,
 Что ни мнѣ ли, Доброму Молодцу, проѣхать!

5. Проходилъ тутъ—проѣзжалъ удалъ-добрый Молодецъ,
 Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокіе,
 Это въ тѣ ли во морозы въ Крещенскіе.
 Загуляю я, Молодѣцъ, къ Королю въ гости.
 Что Король то меня, Молодца, любилъ-жаловалъ,
10. Королевская дочка во любви жила.

- Что у города были ворѣты крѣпко заперты,
 Караульные вокругъ города все крѣпко снятъ;
 Не спала только Елена дочь Королевская:
 Отпирала у города ворѣточки,
15. Что брала Добраго Молодца за руки,

Повела Добраго Молодца въ новую горницу,
Посадила Добраго Молодца въ новую спаленку...

(Отъ солдата, записано въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

8.

(Сибирск. губ., Сызранск. уѣзда, село Языково).

- Передрогъ-перезябъ Добрый Молодецъ,
За стѣною стоячи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаячи,
Что Прекрасную Елену, дочь Королевскую.
5. Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что Прекрасная Елена, дочь Королевская,
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзные,
10. Принимала Молодца за бѣлые руки,
Вела его во высокъ терѣмъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
«Говори, милъ-сердечный другъ, полегонечку,
15. «Чтобы не слышали наши солдаты
«И всѣ наши караульщики,
«Не пробуди со сна мою матушку!»»

- Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:
«Ты дитѣ ль мое, дитятко,
20. «Ты дитѣ ль мое, чадо милое,
«Ты Прекрасная Елена, дочь Королевская!
«Ты кого называешь милымъ,
«Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
«Ахъ, государыня моя матушка!

25. «Не хорошъ-то мнѣ сонъ видѣлся:
 «Будто ты, моя матушка, переставилася,
 «Надъ тобою горять свѣчи воску яраго,
 «Надъ тобою поуть всё попы, дьяконы:
 «Я тебя называла милымъ,
 30. «Я тебя величала: милъ-сердечный другъ!»»

*

9.

Что гулялъ Молодецъ по Украины,
 Загулялъ Молодецъ Королю въ Литву.
 Онъ служилъ Королю вѣрой-правдою,
 Онъ въ очю за очю неизмѣною.

5. Что Король Молодца любилъ-жаловалъ,
 Королева любила паче Короля:
 Пили-ѣли съ Королевой съ одного блюда,
 Цвѣтно платьице носили одные парчи.

- Загулялъ Молодецъ во трактирной домъ,
 10. Еще пьетъ Молодецъ зелено вино,
 Запиваетъ Молодецъ пивомъ пьянымъ,
 Заѣдаетъ Молодецъ бѣлымъ сахаремъ,
 Во хмѣлю онъ, Доброй Молодецъ, похваляется:
 —Я живу съ Королевой, красной дѣвицей,
 15. —Пили-ѣли съ Королевой съ одного блюда,
 —Цвѣтное платьице носили одные парчи!—

Еще лихи на Молодца дѣвичьи братья,
 Они скоро доносили самому Королю.
 Что Король на Добра Молодца прогнѣвался,

20. Посадилъ Добра Молодца во темницу,
 Еще призвалъ два плотничныхъ мастера:
 «Вы подите во далече—чисто поле,
 «Вы поставьте два столбичка дубовые,
 «Перекладинку кладите вы кленовую,

25. «Вы вяжите двѣ петелки шелковыя,
«Вы ведите Добраго Молодца во чисто поле!»

Добрыи Молодецъ во петелки качается:
Королевна скорой смертію кончается.

(Изъ рукописнаго сборника пѣсень, П. В. Кир.).

*

10.

Гулялъ Молодецъ по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ Молодецъ къ Королю въ Литву.

- Король Молодца любилъ—жаловалъ,
5. Королевна не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ Молодецъ упиваться,
Буйными словесами похваляться:
—Ужь пошто, братцы, поѣдено,
10. —Въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
—Съ одного плеча платья поношено,
—Королевну за ручку повожено,
—Съ Королевой на перинушкѣ полежено!—

- Ужь какъ злы—лихи на Молодца своя братья,
15. Довносили на Молодца самому Королю:
««Ты гой еси, нашъ батюшко, грозной Король!
««Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
««Живеть Королевна съ Добрыми Молодцемъ *)»»
Король на Молодца вдругъ прогнѣвался,
20. Закричалъ—завопилъ громкимъ голосомъ:

*) Чулковскій пѣсенникъ: „молодцомъ.“—О.

- «Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
 «Вы возмите удалова—добра Молодца,
 «Посадите его въ темну темницу,
 «А сами подите во чисто поле.
25. «Вы ройте двѣ ямы глубокиа
 «И вы ставьте два столбичка высокіе,
 «Перекладинку положите кленовую,
 «Вы петельку повѣсьте шелковую,
 «Поведите удалова—добра Молодца,
30. «Не водите вы его вдоль по улицѣ,
 «Поведите вы его позади дворца,
 «Не увидѣла бы Королевишна!»

На первую ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, мой отецъ и мать!—

35. На другу ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, весь родъ-племя!—

На третью ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, мой свѣтъ Королевишна!—

Далеко Королевна голосъ слышала,

40. Бѣжала во свой во высокъ теремъ,

Брала она свои золоты ключи,

Отпирала [шкатулу] серебряну,

Вынимала два ножичка булатные,

Порола свои груди бѣлыя.

45. Молодецъ въ чистомъ полѣ качается:

Королевишна на ноженькахъ *) кончается.

Пришолъ къ ней скоро родной батюшка.

Не успѣлъ Король лице взорити **).

Увидѣлъ убиту Королевишну.

50. И онъ билъ свои руки о дубовой столъ:

*) На ножичкахъ.—Такъ въ „Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ.“— У Сахорова: „на ножечкахъ.“— О.

**) Чулк.: „взорити.— О.

- «Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная!
 «Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
 «Что жила во любви съ Добрымъ Молодцемъ?
 «Ужь я бы Доброва Молодца пожаловалъ,
 55. «Отъ смерти бѣ Добра Молодца помиловалъ!»
 Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь есть ли у меня слуги вѣрныя?
 «Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
 «Рубили бы головы доносчикамъ,
 60. «Кто доносилъ на Королевишну *)!»

(Новиковскій пѣсенникъ, 1780 г., ч. III, № 58, стр. 60—62; то же у Чулкова, ч. II, № 58, стр. 77—79, и въ «Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ», безъ года, стр. 311 № 376, ч. III; изъ обоихъ приведены разнорѣчія).

*

11.

(Сарат. губ.).

Я любилъ—то, любилъ дочь Королевскую,
 Я не годъ ее любилъ и не два года,
 Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.

- На десятомъ году самъ Король довѣдался,
 5. Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки:
 «Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
 «Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
 «На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
 «Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»

*) Въ «Новѣйшемъ избран. пѣсенникѣ»:

«Тѣмъ, которы доносили мнѣ на дочь мою.»—О.

40. Въ первую петельку повѣсили,—петелька оборвалася;
 Въ другу петельку повѣсили,—и эта оборвалася;
 Въ третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка:

- Она плакала—какъ рѣка лилась,
 45. Слезы катятся—какъ ручьи текутъ,
 Возрыдалася—что погоды бьютъ.

(Записано гг. Костомаровымъ и Мордвнцевой, ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.» т. IV).

* *

Князь Румянцовъ.

VII.

1.

(Самбирск. губ.).

У Князя Румянцева былъ слуга вѣрный, нелюбезный:
Похалъ Князь Румянцовъ въ свою [девицію].
Безъ него слуга вѣрный жилъ со Княгинею.

Прѣхалъ Князь Румянцовъ,

5. Узналъ про свою слугу вѣрнова,

Что онъ живетъ со Княгинею;

Призвалъ Князь Румянцовъ свою слугу вѣрнова,

Ужъ и сталъ Князь Румянцовъ его спрашивать:

«Со котораго числа—времени живешь со Княгинею?»

10. —Я живу съ твоей Княгиней съ января перваго.—

Ударилъ Князь слугу вѣрнаго,

По бѣлому лицу, по румяной щекѣ,

И велѣлъ его вестъ въ присутствіе.

Сталъ губернаторъ его спрашивать:

15. «За што тебя Князь Румянцовъ

«Отдаетъ въ солдаты?»»

—За то меня Князь отдаетъ въ солдаты,

—Что я жилъ съ его Княгинею.—

* *

Камеръ-лакей.

VIII.

1.

(Оттуда же.).

Время проходить, время летить,
Время проводить, ничто не льстить.

Любила Княгиня Камеръ-лакея *),

Любила она четыре года;

5. На пятомъ году Князь догадался,

На Княгиню прогнѣвился:

«Слуги мои, слуги вы вѣрныя, неллицемѣрные!»

«Вы поймите Камеръ-лакея,

«Вы поймите молодова,

10. «Руки вы ноги свяжите,

«И вы бросьте въ тоё рѣку,

«Въ тоё рѣку во Смороднику!»

Княгиня догадалась,

Молодая стосковалась;

15. Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,

Свѣжей рыбы, бѣлужины:

«Слуги мои вѣрныя,

«Слуги мои неллицемѣрные!»

*) И ниже, каждый стихъ повторяется дважды.—О

- «Возьмите вы шелковый неводъ,
20. «Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
«Свѣжей рыбы, бѣлужины!»»

- Сколько ловили,—не изловили,
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло Камерь-лакея.
25. Камерь-лакея молодова.
«Не кладите вы на землю,
«Вы положите на скамьцу,
«Вы несите во свѣтлицу,
«Отворьте—откройте двери, окошки!
30. «Подымитесь вы, буйные вѣтры,
«Вывѣйте изъ Князя душу,
«Вы вложите въ Камерь-лакея,
«Вы вложите въ молодова!»»

- Её вѣтры не послушались,
35. Изъ Князя душу не вывѣвали
И въ Камерь-лакея не вдували,
Въ молодова не вдували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
«Знать-то вы ко мнѣ не находились!
40. «Охъ вы, мои бѣлыя руки,
«Знать-то вы меня не наобнимались!
«Охъ вы, мои очи ясныя,
«Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
«Охъ вы, мои уста сахарныя,
45. «Знать-то меня не нацѣловались!
«Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ не носили!
«Охъ вы, мои чѣрныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ надѣвати,
50. «Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
«Надѣвать-то мнѣ платье чѣрное!»»

*

Любила Княгиня Камеръ-лакея,
Любила ровно четыре года.

Увѣдалъ Князь про Княгиню,

Что любить Камеръ-лакея:

5. «Есть ли у меня вѣрные слуги,
«Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
«Берите вы, слуги, тугіе луки,
«Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
«Въ бѣлое тѣло—въ Камеръ-лакея,
10. «Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»

Увѣдала Княгиня *) про Камеръ-лакея:

- «Есть ли у меня вѣрные слуги,
«Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
«Вязите *), вязите шелковы неводы,
15. «Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
«Ловите, ловите бѣлое тѣло,
«Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
«Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
«Несите вы тѣло во свѣтлу свѣтлицу!
20. «Вздуньте вы, вздуньте, буйные вѣтры,
«Выньте вы, выньте душу изъ Князя,
«Душу изъ Князя, изъ моего мужа,
«Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
«Въ бѣлое тѣло въ Камеръ-лакея,
25. «Камеръ-лакея, моего милова!
«Кого я любила, того бѣ оживила,
«Кого не любила, того бѣ погубила!»»

(Новик. сбѣсен., 1780, ч. III, № 168, стр. 168; то же у Чулкова, ч. III, № 168,
стр. 216, 217).

* *
*

*) Подлинникъ: „Княгиня.“—О.

***) Вязите.—О.

КНЯЗЬ ДАНИЛО.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. уезда).

- Князь Данило ходитъ,
По дорожинкѣ онъ бродитъ,
На красныхъ *) поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
5. Сладки рѣчи говорить,
Фаты шелковы сулить:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
«Ой вы, молодежи!
«Спойте вы мнѣ пѣсенку
10. «Про голову горемышненку,
«Про удалаго молодца
«Про Илью Муромца,
«Да про Егора Царевича **),
«Молодца Молодцевича,
15. «Какъ онъ съ Туркомъ воевалъ,
«Какъ Султана въ полонъ взялъ,
«Какъ его онъ засмолилъ,
«Всю Турещину изрубилъ.»
««Нѣтъ не станемъ .
20. ««Мы пѣть пѣсенку
««Про голову горемышненку,
««Про удалаго молодца

*) Дѣвухекъ.—О.

***) Егоръ—Святогоръ (см. вып. 4, объ Аникѣ) или Егорій храбрый.—О.

- ««Про Илью Муромца,
 ««Ни про Егора Царевича,
 25. ««Молодца Молодцевича.
 ««А споемъ мы тебѣ пѣсенку
 ««Про Данилу про каналью,
 ««Про разбойника-бусурмана,
 ««Про мерзавца-нехристіана.»»
30. Тутъ Данило взбѣленился
 И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
 Бѣлы головы рубить.

- Тутъ народъ весь подымался
 И стражей гонять пускался:
 35. Разогнали всѣхъ стражей,
 • До Данилы добралися
 И его колотъ пустилися.

(Записано П. М. Перевальскимъ).

* *
 *

КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛЪБЪ.

СМОТРИ «КАЛЪКИ ПЕРЕХОЖІЕ,» ВЫПУСКЪ 3.

*
* *

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ СИМЕОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

**КНЯЗЬЯ ФЕДОРЪ, ДАВИДЪ И КОНСТАНТИНЪ
ЯРОСЛАВСКІЕ.**

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬЯ ТВЕРСКІЕ.

1.

(Кирша Даниловъ).

- А и дѣляся въ Ордѣ,
Передѣлялось въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
5. На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азьякъ,
Азьякъ Тавруловичъ,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
10. Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ пѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
15. Азьякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу *),
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ.
20. Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина

*) Въ Плесковѣ, Исковѣ.—О.

- Щелкана Дюдентьевича.
 За что не пожаловаль?
 И за то онъ не пожаловаль:
25. Его дома не случилось,
 Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую,
 За моря синія;
 Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
30. Дани-невыходы,
 Царски невыплаты,
 Съ князей бралъ по сту рублей,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
35. У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возметъ;
 У котораго дитя нѣтъ,
 У того жену возметъ;
 У котораго жены-то нѣтъ,
40. Того самого головой возметъ.
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Дани-выходы,
 Царскія невыплаты,
 Вывелъ младъ Щелканъ
45. Коня во сто рублевъ,
 Сѣдло во тысячу,
 Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
 Не тѣмъ узда дорога,
 Что вся узда золота:
50. Она тѣмъ узда дорога,—
 Царское жалованье,
 Государево величество;
 А нельзя, дескать,
 Тое узды ни продать, ни промѣнять,
55. И друга дарить,
 Щелкана Дюдентьевича *).

*) Щелкану Дюдентьевичу—нельзя той уздой и друга дарить?—О.

- Проговорить младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
60. «Азвякъ Тавруловичъ!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
«Любимыхъ шуриновъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
65. «Гордѣя къ Вологдѣ,
«Ахрамея къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ.
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
70. «Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи.»
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
75. —Гой еси, шуринъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичъ!
—Заколи-тко ты сына своего,
—Сына любимаго,
—Крови ты чашу нацѣди,
80. —Выпей ты крови тоя,
—Крови горячія:
—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверью богатою,
85. —Двумя братцами родимыми,
—Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
90. Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

- Тверью старою,
 95. Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.

- И втѣпоры, младъ Щелканъ,
 Онъ судьбою насѣлъ
 100. Въ Тверь—ту старую,
 Въ Тверь—ту богатую.
 А не много онъ судьбою сидѣлъ:
 И вдовы—то безчестити *),
 Красны дѣвицы позорити,
 105. Надо всѣми наругатися,
 Надъ домами насмѣхатися.

- Мужики—то старые,
 Мужики—то богатые,
 Мужики посадскіе,
 110. Они жалобу приносили
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
 Отъ народа они съ поклономъ
 Пошли, съ честными подарками **),
 115. И понесли они честные подарки,
 Злата—серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли ***) его въ домѣ у себя,
 Щелкана Дудентьевича:
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 120. Чести не воздалъ имъ.

*) Только и дѣло его было, что вдовъ безчестить, и проч.—О.

***) Стихи должны быть:

Отъ народа они съ поклономъ пошли,
 Съ поклономъ пошли, съ честными подарками.—О.

***) Нашли, застали.—О.

Втапоры, младъ Щелканъ,
 Зачванялся онъ, загординился,
 И они съ'нимъ раздорили:
 Одинъ ухватилъ за волосы,
 125. А другой за ноги,
 И тутъ ево разорвали.
 Тутъ смерть ему случилася,
 Ни на комъ не сыскалося *).

КОНЕЦЪ ПЯСЕНЬ 5-ГО ВЫПУСКА.

*) Не сыскалася (смерть)?—О.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПЪСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ И. В. КИРЪЛОВСКИМЪ.

I.

СКАЗКИ

ПРО ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.

1.

(Периской губерніи).

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставился; остается его молода жена Ванильеа Тимоеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленькими ребятками поигрывать: у кого руку оторветъ, у кого голову расколетъ. Отдала Ванильеа Тимоеевна своего сына любимаго Старику Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимаго Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повываталъ, со скамеечки повывергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимаго, и сказалъ ему:—Ты не сѣкчи, молодой сѣкунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

*) Иллисримищу.—О.

**), Черленнымъ, червленнымъ.—О.

***) Старицишша, старичище.—О.

II

Пришелъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говорить: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумицей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго напоила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спать да спать, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Что, говорить, Василій Буславичъ, спишь, ничего не знаешь? Я, говорить, по воду ходила,—сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *)).

Старша Угрумица ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичъ! Уходи, говорить, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говорить, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочеть, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичъ пришлылъ на зеленныя луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *)), вокругомъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говорить:—Не пинай меня: и самъ тутъ будешь! — Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакала; онъ скокнулъ напоследѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

•

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV. и ниже.—О.

III

2 *).

Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичъ. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играетъ онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатами: котораго изъ нихъ схватить за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гои еси, честная жена Амелеа Тимоѣевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходить на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже намъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелеа Тимоѣевна прикручинилася, общаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богуслаевича. Призвавъ его, говоритъ такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новгородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудачны: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечъ; а возмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбятъ на тебя посадники и мужики Новгородскіе. Когда они на насъ польмутся, на кого намъ понадѣяться? Въ сиротствѣ мы съ тобой остались. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побьешь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелеѣ Тимоѣевнѣ до сырой земли; поклонивши-

*) О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣ.“ Языкъ изъ народнаго во многомъ переиначенъ на книжный ладъ.— О.

ся онъ отвѣтъ держать: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: но чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ почесть всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичъ выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянова по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: ««Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шель къ Василю Богуслаевичу на широкой дворъ не обсылаючи, но спросясь только съ своей силою, поназдѣявшись на буйну голову!»» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличуть громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичъ смотритъ съ высока терема въ окно косящетое: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Ома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обсылаючи, подходитъ къ чанамъ не спрашиваючи; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, однимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичъ, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшись, безъ чебатовъ, за собою онъ тащить стемляный вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налить Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Ому по уху по правому: на Омѣ головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Ому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое—богатырское, чтобъ были имъ братьями, не щадять другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пити имъ изъ одной чары и ѣсти имъ съ одного блюда, носить платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣствы сахарныя: пили—ѣли, прохлаждалися, межъ собой забавлялися.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетое и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашаючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новгородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выпиваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичъ, вспрыгнувъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Юма Толстой сынъ Ременниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесять пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки ворота, прибѣгаютъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они поцѣловалися и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ были имъ всеѣмъ братьями и были ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичъ выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, что пьютъ—ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновалися, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ большой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда все посадники по скамьямъ

*) Носятъ.—О.

VI

усѣлся, встаетъ тутъ чуденъ старъ—матѣрь челоуѣкъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трожды ударяетъ о полъ носокомъ, и начинаетъ слово мудрое: «Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новгородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землей Рускою. Уповаемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ него земля Славенская, опустѣетъ княжество Руское: Василей Богуслаевичъ дошелъ едваль лѣтъ пятнадцать, а ужъ замыслы его не робякіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такъова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единомушіе, призовите вы свой крѣпкой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой міръ: призовемъ мы на оной Василія Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслить; буде выпьетъ, во хмѣлю онъ промолвится, и что есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ: не одинъ онъ роду княжецкаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жъ нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣсть своихъ поднимались и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, въ тѣхъ теремахъ тайницкихъ становятъ столы дубовые, разстилаютъ скатерти бранныя, готовятъ ѣствы сахарныя, привозятъ бадьи зелена

VI

вина и пива сыченаго, бросаются по гостямъ торговымъ, покупають вина заморскія, что ни пьныя, и всѣ посадники собираются. Приѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворець и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѣ Тимошевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держать честна жена:—Не мое дѣло по цирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуслаевичу: можетъ, онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостію. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новгородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пиръ въ Великой Новгородъ. Василей Богуслаевичъ идетъ къ своей матушкѣ спрощатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пиръ итти, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новгородскіе хитры-лихорадливы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ доидеть, не хвались ничѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пиръ во Новгородъ одинъ однихонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратенниковъ, Оому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новгородъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуслаевичъ имъ за честь поклоняется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его нудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ саживалъ твой батюшко, Богуслай, нашъ князь.» За слово сіе доброе княжичъ ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стопу вина заморскова, онъ цѣть и ѣсть—проклажается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полъяна напивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвить онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвалъбу держать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женой, иной силою и богатствомъ, иной храбростію и мудростію: одинъ

*). Лихорадливы. — О.

VIII

лишь Василей Богуслаевичъ ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встаютъ съ скамьи первые посадники, Чудигъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ вопиеть голосомъ: ««Ты гой еси, нашъ батюшка, Василей Богуслаевичъ! Что ты такъ приунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?»» Имъ отвѣтъ держалъ молодой княжичъ: «Охъ вы люди почетные, посадники Новгородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалитися? Я послѣ государя моего батюшки сиротою остался малешенекъ, государыня моя матушка во вдовствѣ живетъ. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатство: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времени, тогда буду я похвалятися.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивилися, начали между собою перешептывать. Наливаютъ они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: ««Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!»» Подаютъ они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговоритися: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похвалятися и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалитися. Тогда заиграла въ немъ хмѣлянушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, заговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуслаевича: что сидѣть ему надъ землей Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ братъ пошланы датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголинаго; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудитъ всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновалися и кричали вопреки ему: ««Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣть тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣть того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, имъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!»» Имъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуслаевичъ: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новгородскую, я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ, у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ. По-

IX

садники изумилися, даютъ ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвалябѣ его насмѣхаются, посылаютъ они собрати всю силу Новгородскую на улицу на Рогатицу, чтобъ убить имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: «Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!»»

Ужь на вѣчѣ бьютъ въ большой колоколь, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амслѣѣ Тимоеевнѣ, что похвалился ея мило чадо Василей Богуслаевичъ словами неудальми, чтобъ биться ему со всею силою Новгородскою. Отъ того честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, биться одному противу силы Новгородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погребѣ бѣлы-каменные, задвигаетъ двери засовами желѣзными, насыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выпати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него камня самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи умилныя, чтобъ простили они ея мило чадо Василья Богуслаевича за слова, что онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новгородскія, ибо дѣты его младаы, чтобъ, попомня они Богуслая, своего князя, пощадили его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордились, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: ««Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, инъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни камня самоцвѣтнаго, дорога намъ похвальба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючьми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрѣй день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди подымаются съ великаго Ирмера озера, идетъ то сила Новгородская

Х

на улицу на Рогатицу; не вешняя вода тутъ облепѣла, окружили то посадники и мужики Новгородскіе широкой дворъ Василья Богуслаевича: выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчончка, черненька - маленька: она шла изъ избы приспѣшныя въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б . . . вы дѣти неудалые! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкой дворъ не спрашаючи? Почиваетъ еще нашъ батюшко Василей Богуслаевичъ, а вы сюда гремѣтъ пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчонка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватить,—съ переулочками. Побивала дѣвчонка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо изломалося: бѣжить она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ:—Вы гой еси, богатыри могучіе! Чтѣ вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новгородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуслаевичъ.—Ей въ отвѣтъ сказали Юма Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: «Не сила то Новгородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жужжаніемъ, а не честь будетъ богатырская намъ оборонить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.»» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичъ отъ крика - воля народнаго пробуждается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребѣхъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески рассыпаются; становится онъ среди двора. То увидѣвъ сила Новгородская, бросается на него тысячами. У молодого княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своимъ стемлянымъ вазомъ показалось ему далеко итти, пбо тѣ вязы были у

XI

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонить онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ ею людей тысячи. Не успеютъ посадники подковы наготовиться. Уже вся свада дрогнула, но онъ гонить ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернуться, не вымаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, приуныли всѣ, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, камня самоцвѣтнаго на златы блюда; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелѣ Тимоосевнѣ. Они хотятъ на дворъ взойти, анъ широки ворота заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: «Охъ ты мать наша, честна жена Амелѣ Тимоосевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужъ всю силу Новгородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опалу великую, видятъ бѣду неминуемую, посигѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборную дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Отголѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичъ остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедь къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гой еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаемъся: переставъ ша-

ХІІ

лечь при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогнѣвается, набѣгаетъ онъ на Старчища Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжелъ колоколь. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужъ къ сырой землѣ, онъ молить-просить пощады своей: — Охъ ты сильной-могучъ богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадцать, не видалъ я себѣ спорника и поборника: днесь пропала моя слава богатырская, побѣдилъ меня молодой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на успокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичъ не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайниціе, они пишутъ крѣпкіе записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошлинны, какіи онъ захочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту записъ крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Ѡмю Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонилися, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рати братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побоища, кладутъ на голову записъ крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонилися къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ записъ крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всемъ Великимъ Новымъ-градомъ со всеми землями и областями!» Они, сказавъ сіе, со всеми посадники у ногъ его повалилися.

Тутъ Василей Богуслаевичъ укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побоища. Онъ вла-

ХІІІ

дѣлъ надѣ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ Оумѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витазей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирныя. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскими **) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье—бытье великое, все имѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелѣа Тимоеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелѣа Тимоеевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыми со ребятами. Повадился Васька на

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—О.

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—О.

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противное.—О.

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напивати-ся. А и ходить Васька съ ними по улицѣ, а и ходить—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новгородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новгородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: «Ты гой еси, честна вдова Амелѣа Тимошеевна! Уйми ты свое чадо милое, Василія Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новгородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Соизволь, честна вдова Амелѣа Тимошеевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже сталъ.» И чинить отповѣдь честна вдова Амелѣа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинить почестъ честна вдова Амелѣа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходить, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнаго съ мужиками Новгородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шулки богатырскія, вынимать руки изъ могучихъ плечъ, соимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбять на тебя мужики Новгородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будеть ты побьешь тысячу, а за тысячью ихъ смѣты пѣть. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великимъ: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не водитъ дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новгородскіими шулки богатырскія.—Честной вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: «Осударня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же силу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новгородскіихъ: придуть съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду пьянова, потѣшить Новгородъ съ мужики Новгородскіими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, сѣдлся онъ, Васька, на ременчатый стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шель бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадѣвчись на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, кличуть кличь по улицамъ широкимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставлялъ Васька у своихъ бѣлокаменныхъ палатъ, у своихъ широкіихъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду пьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидитъ во своемъ терему, смотреть въ окошко косящатое: чаны стоятъ непочаты, а повольниковъ по улицамъ нѣтъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зеленому вину, къ меду пьяному, идетъ Оомка Ременниковъ къ широкому двору, не обсылаючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжить съ висока терема не одѣваючись, за собой ташить червеной вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червленомъ вязу въ половинѣ было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Оомку опробовать, сталъ его бити червленымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Оомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Оомка Ременниковъ!» говорить Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ названой братъ, пуще брата родимаго!» Ведетъ его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкова, выдумка, вмѣсто народнаго—,Чебурачкаго.“—О.

ной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертятся у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошаючи? Идетъ-плы-ветъ по улицѣ удалъ-добрый молодець Потанюшка, малъ-малехонекъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокъ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за веревочку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталось ни полщепочки. А Васька въ окошечко косячатое на удалъ молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычья богатырскія, кричать громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Ѳомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодець, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Ѳомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоитъ—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловалися, и кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаютъ они братца названого за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрошаючи, идутъ Дѣти Боярскіи, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—О.

***) Моисей.—О.

XVII

дворь, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: «А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, названными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаши, что въ укоръ дался мужикамъ Залѣшанамъ. А и говорятъ Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человекъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохлажайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Залѣшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходилися-собиралися къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единого, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названныхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выхода, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новгороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайниціе, собиралися—по скамьямъ садилися. А и мало время позамѣшавши, встаетъ тутъ чудень старецъ, мать человекъ. Мужики Новгородскіе пріосамились, отъ стараго до малаго всѣ били челомъ. А и сталъ чудень старецъ, мать человекъ посередь терема тайническаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ вязовой спирается и говсрить слово мудрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василий Буслаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы неребяцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названныхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выхода, пьетъ-ѣстъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новгороду. Прежь того шутилъ онъ шутки великія, свиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣетъ нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой мірь для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пирѣ, ударимъ челомъ отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, инъ зло на насъ мыслятъ. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучиныхъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужъ и онъ намъ

ХVIII

остуды не положить. Не одинъ онъ во Новѣгородѣ, промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюдень старецъ, матеръ чловѣкъ на всѣ стороны. Поднимались мужики посацкіе съ жѣсть своихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣто было на утренней, на всходѣ красна солнышка, подымались мужики посацкіе, ставили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайницкѣихъ, разстилали скатерти браныя, ставили ѣства сахарныя, привозили бодья съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ похмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѣа Тимоѣевна! Иди къ намъ на честной пиръ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ матера вдова, честна жена Амелѣа Тимоѣевна: — Не мое дѣло по пирамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостію. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Василій Буслаевичъ! Иди къ намъ на честной пиръ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелѣѣ Тимоѣевнѣ, спрашивать благословеніе на пиръ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Говорить ему честна вдова Амелѣа Тимоѣевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будеть учнутъ хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будеть учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благословеніе матера вдова, честна жена Амелѣа Тимоѣевна, иттить на пиръ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“ — О.

XIX

мужикамъ посацкіимъ, быть къ нимъ на честной пиръ одинъ на одинъ. Спровѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канунъ варентъ—пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкіихъ мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкіимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ. И нудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: «Садись, дѣтище: тутъ сиживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтъевичъ).» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкіимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорадны хитрости, говорили небылы рѣчи: «Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкіими по своей волѣ.» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголь сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись **) ѣсты сахарныя. Пьютъ-ѣятъ, прохладяются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвить словечушка. Стали мужики посацкіе похвалу держать; Садко ***) молвить: «А и нѣтъ нигдѣ такою ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, доли промахиваетъ, горы перелетываетъ.» Чурило *****) молвить: «А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны: ужъ она ли ступитъ не ступитъ—по алу бархату; ѣсть ѣства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколомъ, брови соболямъ, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея

*) Отчество Буслая присочинено.—О.

**) Не народно.—О.

***) Вотъ в Садко, помянутый Чулковымъ.—О.

****) Соколы у Садки были не конь, а корабль.—О.

*****) Для краснаго слова попалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Ивановича.—О.

нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Костя Новоторженинъ молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставрѣ *) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдитъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ поднимаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучъ богатырь Ставрѣ Путятичъ **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горять, на бедрѣ виситъ мечъ кладенець, во правой рукѣ копьё булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставрѣ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листы съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ, бѣжить въ полѣ—земля дрожить, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставрѣ гонитъ силу поганую, конемъ вернетъ—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ, а самъ ни чѣмъ не похваляется. А и тутъ посацкіе догадались, догадались-спохватились, встаютъ со скамьи, а сами молвятъ: ««Ты гои еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что приунылъ сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамьи, встаетъ—всѣмъ поклоняется и держитъ отвѣдъ: ««На что мнѣ, молодцу, радоваться? Чѣмъ передъ вами похваляться? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства не смѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мой лѣта малыя, похвалятися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалятися.»» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кириши, и съ такими рѣчами, какихъ нѣтъ никогда не вложилъ бы народъ!—О.

**) У народа „Годиновичъ.“—О.

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: «Зло держитъ Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: «Кто хочеть дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаючись и ждуть отповѣди отъ Васьки. Встаеъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полъшня. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, брать будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьего и гоголиного, съ затѣжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ монахъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчь спорныя, закричали всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, распалается голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отповѣдь держитъ Васька—«иду съ вами перевѣдаться!» Встаеъ Васька изъ за стола дубоваго, встаеъ—идеть, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро сprovѣдаетъ матера вдова, честная жена Амеѣа Тимоеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудалыми, хочеть битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменя самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ моавитъ рѣчи умилныя:—Пелзья стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменями самоцвѣтными, а кланявшисъ

*) Выходы.—О.

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: «Намъ не надобно злата и серебра, и каменя самоцвѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не поляя вода по лугамъ разлетѣялась, не бѣлы лебеди со водъ чистыхъ подымались: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собиралися ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелѣа Тимоеевна догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погребъ бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучать мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу имъ выходитъ изъ избы прислѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико — вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глупые-неразумные! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрашаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учили мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осержается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонитъ мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралася дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахалися, коромыслицо изломалося, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гой еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новгородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, пристукаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотять соимать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Ѧмка Ременьниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: «Не сила то Новгородская нападетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: налетаютъ то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.» А молвивши таково слово, Ѧмка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуше прежняго.

Отъ того ли крика Васька пробуждается: онъ встаетъ—поднимается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погреба распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскопчилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новгородская. А и не было на Васькѣ сбрун ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалаась ему ось телѣжная: гонить ея Васька мужиковъ Новгородскихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь учалъ побивать Васька третью тысячу. Приуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкіе, насыпаютъ злата и серебра, и каменя самоцвѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ. Клонятъ мужики посацкіе буйны головы предъ окошками косящатыми и молвятъ во едину рѣчь: «Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелеа Тимошеевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозитъ извѣсть весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и каменьями самоцвѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелеа Тимошеевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челою Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвить имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе, а новѣсь обуяли меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моеи старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И прошали мужики посацкіе его пуше прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбрун ратныя, а надѣваетъ на голову колоколь во триста нудъ вмѣсто шапочки. Идетъ Старчище Малолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—О.

Васька третью тысячу, а добывши Васька бѣжить по улицамъ широкимъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держитъ колоколь во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палицы булатныя. Кричитъ тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глаздырь не полетывай: изъ Волхова воды не выпита, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалы!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвить таково слово: «А и гой еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища. Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколь тою осью телѣжною: качается Старець, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька Старцу подъ колоколь: а во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣту. И просить Ваську Старчище Многолѣтище дать животь на успокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію *).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Ѡмка со Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе впознали бѣду неминуемую, идутъ въ терема тайниціе, пишутъ крѣпки записи: ««Быть Новгороду за Ваською Буслаевымъ.»» Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Принмай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платитъ на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнчанное, съ дѣвиць повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дяковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принять Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣтъ.“—О.

Втапоры матера вдова, честна жена Амелеа Тимоеевна опосылаеть дѣвку чернавку привести Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новогородскіихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему рассказывати:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новогородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоеевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ставила. Ведеть дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводить дѣвка Ваську къ зеленоу вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, вышивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричить Ѳомка Ременниковъ со Потанюшкой: «У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не ушто не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уношено, увѣчы на вѣкъ загѣчено *)!» И повелъ Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоеевнѣ. Втапоры мужики посацкіе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посацкіе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки», Сахарова, 1841 г.).

* *
* *

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выражение изъ сборника Кириши; см. въ пѣсняхъ.—О.

II.

СКАЗКА

ПРО НОВГОРОДЦА АКУНДИНА И КНЯЗЯ ГЛЪБА ОЛЬГОВИЧА *).

Созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали раньше раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ радили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодые молодіцы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-радили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былою поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодецъ, а и тотъ ли

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ.“—О.

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волгѣ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и пришло суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище, Перехожій.—Богъ на помощь и добрый путь молодцу завѣзему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрошалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовуть Рязанью, а править тою стороною стольный князь Олегъ; а что городъ-то поселенъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовуть Ростиславъ, а на столѣ княжить Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя.—«Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говорить себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкою сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всеми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не корыстна сторона для Новгорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бь Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду.— А и мало время пошѣшавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлыя руки, ведетъ его, Акундина, поодаль крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши на высокъ курганъ говорилъ таковы рѣчи:—Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

XXVIII

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется во городѣ во Ростиславль?—Какъ глянулъ Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоять посередь торга, хотятъ войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молодому князю по Глѣбу Олеговичу, такъ тутю Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говоритъ Акундинъ, «войной стоять.» А и тутю молвить Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветь чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валять круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Какъ загорѣлося у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говорить: «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, везетъ его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвить таково слово: — Ты гой еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговоритъ Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычъ.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходячи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать.—И тутю Калѣчище скидалъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гой еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятню Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка. Не влюбилъ люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правилъ, вишь, ими не такъ. Какъ не влюбилъ твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племе-

XXIX

немъ, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домоу. Со той поры не взмилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньяцемъ качу, тебя, мое милое дѣтище, дождаючи. А и вотъ тебѣ мечъ кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго. Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гои еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударь челоу ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ! — Какъ переставился Замятня Путятичъ, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молоду дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, стару дань за всѣ годы старыя, а дани-то всей насчитывали стары люди съ три осминыхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со каменьями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молоду княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молоду

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бьетъ ему старый посадникъ большіимъ челобитьемъ, а самъ вымолвляетъ таковы рѣчи: «Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?»» И билъ на томъ челоуъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты ду-мушки, какъ бѣду отбыть? — «Не кручинься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,» молвилъ Юрья Микитичъ. ««Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великія, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла сварядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ челоуъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ.

Идетъ—не идетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ соболиная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то данье старой княгини Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговицы валящаты серебряны во десять рублевъ, а то данье молода князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то данье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молода князя въ казнѣ, а то данье стольнаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молода князя въ казнѣ, а то данье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередъ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвить.

Во ту пору Старчище у княжа двора бьетъ во набать, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третій. Во ту жь пору бирючи кличъ кликали по всему городу

по Ростиславлю. Идетъ міръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичъ народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на всѣ стороны, а кланявшись сталъ слово вѣстное говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашъ столичный градъ Ростиславль пришелъ войной лютый змѣй Тугаринъ за старой данью?» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во одну рѣчь:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Тутъ старый посадникъ Юрья Микитичъ пріосамился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ съѣзъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полонниками? Не хочу болѣе посадничать и печаловать міромъ крещенымъ!» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порадытъ и печаловаться за міръ крещеный. И тутъ молвилъ имъ Юрья Микитичъ: «Ну, инъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снарядитъ казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во одну рѣчь:—Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набать, а бивши растворяетъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не идетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичъ пословъ радить. Бирючи по городу разбѣгались, а сами кличуть кличъ на княжой дворъ. Идетъ міръ крещеный изъ всѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженные съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во високомъ теремѣ сидитъ, думу думаячи, бѣду отбываючи: вишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичъ

послать наряженныиъ сталъ наказъ чинить: «Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ пойти съ хлѣбомъ-солью челомъ бить люту змѣю Тугарину и словомъ ласковымъ миръ урядить. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринныиъ, напишите запися поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте грамоты разбитныя. А иво все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьеть Старчище у княжа двора во набать. Идутъ послы наряженые изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробужается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честью старой дани не дадутъ, такъ ужъ весь городъ затоплю!—Подходятъ послы наряженые ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большииъ челобитьицемъ, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ стольный городъ Ростиславль, а прійми хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ прिवѣтливииъ пословъ наряженыхъ!»» —Давно бы такъ!—возговорить Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьицѣ посламъ наряженыхъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженыхъ хлѣбъ-соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядить, такъ урядимъ перву рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшисъ говорили во едину рѣчь: ««Миръ готовы урядить: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.»»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свель, что долгъ съ Ростиславичей изстари поконченъ, и отъ дани такожде слобождены на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жъ рѣчь опослѣй вымолвляли и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженыхъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашими дѣдами, опричь того старой годдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

XXXIII

Ужь коли миру быть, такъ насыпьте всѣ три мѣшка съ краями полными *) полны. И вы насыпьте во единъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашѣхъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменьевъ самоцвѣтныхъ.—то дань за вашѣхъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашѣхъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженные не знали не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городъ во Ростиславль: да потомужъ ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульные дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани собирать. Скорѣй бы ихъ въ банѣ сжечь, да на вѣтеръ пустить.» И спросали послы наряженные его, змѣя Тугарина: коли не хочетъ безъ дани миръ урядить, ино бы размѣняться и грамотами разметными? А змѣй Тугаринъ молвить имъ:—Кабы вы присланы были не послами уряженными, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за единъ разъ!—И клали послы грамоты разметныя на кругъ бережокъ, а клавши приговаривали: «А будь на порушитель въ записи поручной судъ Божій!» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится еретицествомъ.

Идутъ послы ко городу, ворота растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бѣетъ Старчище во набать. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженныхъ, старый посадникъ Юрья Микитичъ. Ему-то послы наряженные били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старымъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака, дань собираетъ: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полнымъ?—О.

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля дани по-тягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ билъ ему, посаднику, боль-шимъ челобитьемъ. Какъ глянуть старый посадникъ на тѣ три мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: вишь жаль ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ!»» кричитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ. ««А и ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься ере-тичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и берите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка, подъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и по-несли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догад-ливъ былъ: давай мѣшки гладать, свѣту Божьяго искать. Какъ про-ѣдалъ онъ одинъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ вто-рой мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бере-жокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить: «Гой еси ты, дяюшка, змѣй Тугаринъ молодой! А и выслушай мое челобитье не малое: а и злой-то посаднице, старой Юрья Мики-тища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань; ужъ и онъ ли, ста-рой Микитища, насмѣячись надъ тобой, завязалъ меня, дьяка, во всѣ три мѣшка, будто за твои, дяюшка, грѣхи; а и били меня, ко-лотили меня, все, родимый дяюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ Тугаринымъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Ту-гаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвить:—А и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро, ни то каменья самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да за-глянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричитъ змѣй Туга-ринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой каз-ны?—И на то-то дьякъ молвить: «Ай право скажу, ничего не утаю: лишь вынь, дяюшка, изъ мѣшка!» — Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяка, изъ жѣшка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» возговорить дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣтъ, а та золота казна во высокомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитица; а сколько тамъ золотой казны, про то бнѣ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныхъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярья волны!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярья волны. «Каменьевъ самоцвѣтныхъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «смѣты нѣтъ; а тѣ каменья самоцвѣтныя во высокомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежатъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитица; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныхъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекаючи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочестъ, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы ворота стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, пустите скорѣй! Ай, родимые, растворяйте ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочеть онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы ворота растворялися. Входить онъ, дьякъ, на княжой дворъ, а и бьетъ онъ, дьякъ, большіимъ челобитьцемъ: «Ты гои еси, столыный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитица ко змѣю Тугарину: хочеть онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь нежданую выходитъ со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичъ, а самъ грозну рѣчь говорить:

«А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не беретъ!» И молилъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челобитьяца. И тутю воевода присамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрю Микитичу; бьетъ челомъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земля и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныхъ; а и знаю я тебя за добра челоуѣка; а ты ли одинъ славенъ въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юря Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый псадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчьа снасть у дьяка на зубахъ: пулы беретъ, на суды суды ведеть.

Вотъ и пишеть онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издалеца, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хочеть въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юря Микитичъ, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляеть словеса посольскія, не бивши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юря Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину: повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юря Микитичъ придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юря Микитичъ, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничья змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говорить:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамъ; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ! — И тутю его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчица стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

XXXVII

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, родимаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ терезъ дошли, ко молоду князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрешня, стара дьяка Чобота.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набать. Бирючи по городу разсышались, сами кликали кличь на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичъ выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, міромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту цору всѣ князья и бояре и весь міръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молада князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь міръ крещеный били челомъ, а бивши челомъ говорили всѣ во едину рѣчь: «Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!» И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ міромъ молоду князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсышались, кликали кличь на большу войну. Напередъ идетъ ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большіими копьями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныхъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большіими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, одно-

ручочки шелковы, всё узерчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, шапочки боярковы, всё корабликами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, спѣхи ратны словно жаръ горять. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахиваютъ, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: «А и дай же то Боже, супостата поборать, за молода князя постоять! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичъ воеводу большой, наряжался во походъ со тремя полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княженецкой сынъ, молодой боець; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата поборать, за молода князя постоять!» Сходилася-сбиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ грамотки урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Данилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Нежданъ Борисовичъ. И становилъ онъ, старый бояринъ, всё полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старинныхъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыхъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старинныхъ стариковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлкова, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Олельковича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набать. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутопраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше дѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонить голову до земли, а самъ копытомъ въ землю бьетъ. Какъ на молоду ли князю на Глѣбу Оле-

*) Во второмъ?—**) Любопытный эпитетъ, вездѣ у народа не встрѣчающійся.—О.

XXXIX

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленою стрѣлой, дѣдовской, да мечъ кладенецъ его батюшки родимаго. И повелъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыхъ молодцовъ; а третью рать старыхъ стариковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣлцкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега рассыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкихъ поляхъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ догадливъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговорить Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молодую княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова извѣстныя молодой князь Глѣбъ Олеговичъ ни словечушка не молвить, ни отповѣди не чинить. Только молодые молодцы сабельками помахваютъ, его Тугарина на смертну рать зовуть. И тутю стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадливъ былъ: онъ Оку рѣку переималъ, на стрѣлецку рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ мочь.

Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилася: а выходилъ то молодой Акундинъ. И

видитъ онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желаньице постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Соимаетъ онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечъ кладенець, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныхъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слѣшаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымались. И беретъ онъ, Акундинъ, мечъ кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ съ диву дивовался, а самъ со боярами говоритъ: «А и что то за невѣдомъ чловѣкъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольнымъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спрощать: «Ты скажи, невѣдомъ чловѣкъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичъ бьетъ тебѣ, молодцу, большимъ челобитьицемъ,» а справивши большое челобитьице звать его, молодого молодца, во высьокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рушать. Идетъ посоль къ Акундину, а не дошедъ покланяется, а самъ исправляетъ словеса посольскія: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичъ тебя спрощать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отвѣдъ чинить: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковомъ, а и про его спрось я самъ скажу. — И справлялъ посоль ему, Акундину, большое челобитьеце, и звалъ его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рупать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы ворота растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь мѣръ крещеный да со большѣмъ челобитьецемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а тутю ему князья и бояре правятъ большое челобитьеце отъ молодца князя Глѣба Олеговича, и ведуть его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и тутю ему, Акундину, велику славу поють. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодець: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтливое вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новгорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундиничь. — А молвивши, билъ Акундинъ князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьецемъ.» На тѣ-то слова княженецкѣя, отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкѣй съ хлѣбомъ-солью: ««Ты прѣйми, прѣйми, добрый человекъ, большое челобитьеце отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкѣй подносилъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему мѣру крещеному, всѣмъ исконнымъ слугамъ на хлѣбѣ на соли. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьецемъ.» На тѣ-то слова княженецкѣя, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкѣй со шубой соболиною: ««Ты прѣйми, прѣйми, добрый человекъ, большое челобитьеце отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкѣй подносилъ ему, Акундину, шубу соболиную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконнымъ слугамъ, на дарѣ великомъ, на шубѣ соболиной. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои ли услуги великѣя жалую тебя, молодого молодца, цѣпью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкѣя выходитъ тысяцкѣй со цѣпью золотой и со гривною: ««Ты прѣйми,

прійми, добрый человекъ, большое жалованьице отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большимъ чело-
 битыицемъ на великомъ жалованьицѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княженье Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подареньице! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князя и бояре: и то-то подареньице князь-ямъ и боярамъ. — И дивились князя и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Князь-ямъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундиныча, чествую почестью великою за твои ли услуги великія.» И на томъ князь положилъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большимъ чело-
 битыицемъ, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подареньица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жалованьица; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Дмитрій Ивановичъ на великъ день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, попечалуйся о моемъ сѣтованьицѣ, и ты, стольный князь, соизволь принять мое худое нежеланьице. — И сонмалъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньицемъ, а самъ вымолвлялъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужь и видно то, что ты со родимой земли Русскія, и знать то по всему, что въ твоемъ горючемъ сердцѣ кипитъ кровь богатырская, того ли Велика Новгорода посадничья. А и вы—то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новгородскому, Акундину Акундинычу, пѣли славу вѣчную.» А и туто всѣ князя подходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣй вымолвляли всѣ во едину рѣчь: «А и будемъ тебѣ, молодцу Новгородскому, Акундину Акундинычу, пѣть славу вѣчную по всей землѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли славы будемъ пѣть: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычъ, служ-

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ ли онъ, Акундинъ Акундиничь, городъ Ростиславль отъ полону великаго, отъ люта змѣя Тугарина.»» А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я то урядилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса пріятныя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князя и бояре подъ бѣлы руки во гридницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошали хлѣба-соли кушать, бѣлыхъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пиръ-то былъ уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во гридницѣ княженецкой, у молодца князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничьихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣй того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «А и гой еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундиничь! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничьихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованьице княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И былъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолялъ:—Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и далъ я великъ обѣтъ итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотришь. — И молилъ его, молодца князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотришь. И отпускалъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощаньицѣ велѣлъ одарить его, Акундина, князьми и боярами казною княженецкою да хлѣбомъ-солью. И провожали его, Акундина, князя и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенного. Какъ и мѣръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди-то приговаривали: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего мѣра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ мѣру крещеному, пріймалъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвятъ ему: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и камня самоцвѣтнаго сколько хошь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, а только молвить: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовые, кладетъ весельца кленовые во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко кругу бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и чтѣ то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточки не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходитъ на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: напали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскихъ во полонъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аѳимья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а самá въ возрыданьицѣ вымольвляетъ:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аѳимѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменны, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во палатахъ бѣлокаменныхъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусящатый, ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремъ брусящатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинушки позабыла свое вѣжество пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки рядить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ зеленой садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ слово молвить: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты раступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачутъ-возрыдаютъ, а въ возрыданьицѣ слово молвятъ: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полунощи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молодую подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, пріутихли игры дѣвичьи, пріумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія среди двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты възгрянь, възгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменина!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сурмять лишь брови.—О.

унимать свою молодую жену, свѣтъ Аонимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово молвить: «Ты не плачь, не плачь, моя молодая жена, свѣтъ Аонимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсажай своего здоровьица некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику злу тоску со кручиною; какъ и безъ того знать по твоимъ горячимъ слезамъ бѣду наносную. Сваряжу я рать могучую, ошюлю ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ избѣчные дома Божьи *): ты пролей, пролей свои горячи слезы ко Создателю!» Какъ и туту Нежданъ Ивановичъ подкликала сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ приказывалъ: «Ужь и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молодую жену, свѣтъ Аонимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый. Унимайте вы мою молодую жену отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой.» Принимали сѣнныя дѣвушки молодую боярыню Аонимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый, унимали ее, молодую боярыню, отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовымъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: «Гой еси вы, добры Муромцы и весь мѣръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ нападала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ половъ изъ людей посадскихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.» Какъ и туту все добры Муромцы и весь мѣръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великимъ челобитьищемъ, а сами во едину рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужь и ты ли, нашъ могучъ воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашихъ дѣтушекъ? Ужь у насъ ли, людей посадскихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужь у насъ ли, людей посадскихъ, опустились бѣ-

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „избѣчные дома“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—О.

лы руки со кручнущки, да и нѣтъ силы при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сиротствѣ. — Какъ возговорить тутъ Нежданъ Ивановичъ: «Порадѣйте, добры Муромцы, язнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человекъ, — и я того буду чтить во отца; будетъ молодой молодець, — и я награжу того Настасей Ивановной со великимъ приданымъ.»»

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыхъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жаль ему стало добрыхъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣнница возговорить онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мнѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, освободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и туто ли возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««Нагоняй ты, молодой молодець, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великимъ приданымъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, освободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и туто наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятня Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названный. И надѣялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На восходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятня Микитичъ со дружиной Муромской. Подходить онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ёдетъ онъ, Акундинъ, день, ёдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и туто злы Татарове полонъ дѣляютъ: доставалась ле-

XLVIII

бѣдь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменину. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачетъ-возрыдаеть, а сама во слезахъ слово молвить: — Ужь и ты ли, батюшка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣлцо—его, стара бесерменина, поить-кормить; какъ и другое-то дѣлцо—его, стара бесерменина, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣлцо—его, стара бесерменина, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужь и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день меня по три раза бьетъ за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велитъ мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велитъ цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велитъ русу косу носить. Ужь и ты ли, родимая сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день по три раза журить-бранить: какъ и первое-то журить-бранить — не велитъ родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журить-бранить—велитъ отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журить-бранить—не велитъ тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ, Акундинъ, выходилъ на круть бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Дотолѣ онъ злой Татарченокъ и жизнь былъ. Во ту пору злы Татарове осержались, а и хотять его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечъ кладенецъ, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бьетъ онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бьетъ онъ Золоту орду и дру-

*) Бѣлоярая—у народа пшеница, которой кормятъ коня: но „бѣлояраго коня“ не слыхано.—О.

XLIX

гой день, и той орды кабы треть осталась; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручалъ людей посадскіихъ со душой красной дѣвѣй со Настасьей Ивановной изъ полону крѣпкаго и сваривалъ онъ тѣхъ полонянишковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ имъ молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онъ, Акундинъ, садился на свое суденышко ослащенное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ъдетъ онъ, Акундинъ, день, ъдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко ослащенное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилось: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промолвляли: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славному Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынималъ свой мечъ кладенецъ, а самъ промолвлялъ: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталася, и онъ-то, Акундинъ, собираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ годовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астраканской насчитывать велику дань за годовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублей. А и они-то, злы Татарове, хотять его съ душой съ животомъ разлучить. Не долго думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астараканскую. На право мечешъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечешъ махнетъ, — кабы пусты лодочки черѣются. Билъ Акундинъ ту орду Астараканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Нежданю Ивановичу. Пріѣзжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замятню Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

L

вня, а и во тѣхъ палатахъ идетъ пирь княжой, а и туто за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгинею, молодой бояринъ Замятня Никитичъ со своей ли молодой женой съ Настасьей Ивановной. А туто молода боярыня Аонимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичъ приговаривалъ: «Гой еси ты, добрый молодець! Приими чару зелена вина, а выпей ты чару зелена вина за князя со княгинею!» Пріималъ Акундинъ чару зелена вина, выпивалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчь вымолвлялъ. ««Не знали мы и не вѣдали, что съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичъ присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣваю за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.»» И билъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бивши челомъ вымолвлялъ: ««По моимъ счастьямъ бѣда учинилася: напала орда Астараканская. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!»» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаницѣ слово молвилъ: ««Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посуляхъ висить.»» И за то слово изоймаючи, возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ свататься за боярску дочь!»»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту берегу, сядя на свое суденышко оснащенное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко столярному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столяр-

*) Княгиню, новобрачную.—О.

ному городу ко Киеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своему родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовымъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И шли-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варенъ по всемъ роднымъ. А опослѣ тѣхъ поминочкѣ одѣялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всемъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: «Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — жениться на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодець, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодець, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городу, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ ворота красны.» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ ворота красны, гдѣ палатушки бѣлокаменная, да сѣру утицу достать? Справивши во Киевѣ все поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутыцемъ, тою дорогою прямоѣжею, что потягла отъ Киева прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а вгдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныхъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣжею дорогою ровно три года, а на четвертый годъ подходилъ ко круту бережку, ко незнакому городу ко большому. И видитъ Акундинъ туто ворота красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходить онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ насадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалось, бѣлы руки опускалися, рѣзы ноги подкашались. И садился Акундинъ посередъ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаньяца немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежъ

себя говорить: «А и тотъ великъ подарочекъ не посадской: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человека.» И молвить туто старый Калика: — Ой вы, глухие старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новгорода? Не ужь-те у васъ ума-разуша не стало? — И пѣли стары старики про каменну Москву, а даяѣи пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дарилъ Акундинъ старыихъ стариковъ золотой казной. И са то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина: «Жилъ-былъ Акундинъ, удалъ молодець. А и тотъ добрый молодець удалъ изъ Новгорода со посадской стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужь и тамъ ли добрый молодець удалъ змѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожалъ. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодець удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу изымалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: — Слобожай ты, добрый молодець удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою. — Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужь и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой строй утвцей поплыла.» Не успѣли стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восслакала-возрыдала молада боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьице слово вымолвила: — Гой еси вы, стары старики! Пріймите отъ меня, вдовой, мало подаяньице. И вы скажите, стары старики: живъ ли добрый молодець удалъ? — Стары старики пріямали подаяньице, а сами прошежь себя рѣчь говорятъ: «А и то-то подаяньице не посадское: ни то княженецкое, ни то боярское.» И туто Акундинъ скидалъ съ себя платъе Каличье, обликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ЛІІІ

лошъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила такovy рѣчи:—Богъ суди рoдинаго батюшку! Не поставилъ во память твою заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалымъ молодцомъ. А нонѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки рoдинаго, что ни матушки рoдимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И билъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ челобитьемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоминая его заслуги великія, созывала честныхъ людей, старинныхъ стариковъ, на рукобитьяде. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Микитича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Ивановной, сестарѣлся и цереставился.

(Оттуда же).

* *
* *

Ш.

ЗАМѢТКА.

А.

Былево творчество Новгорода глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимірова, и отъ дальнѣйшаго—Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно уже сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче влияніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неувловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже испускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безымяннымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимірово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускает однако всё постепенности и частности этого миро-созиданія, выраженные въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдельнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдельной области, послѣ нѣсколькихъ помннутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлялся съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе поздней, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно вѣ— ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанные вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не попали и въ его творчество Былево. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и въ *большей древности* цѣльнаго склада, а отъ Кіевскаго въ *частности* мѣсть, лицъ и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семь видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полунсторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и посякаетъ его («Степечная,» ср. Замѣтку при 2-мъ вып.). По другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архіепископу, знаменитому Іоакиму Корсуняни-ну: «Сей Іоакимъ архіепископъ разруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣтъ его, связавъ ужи (узами, веревками), влести въ рѣку Волховъ, иныхъ же пристави влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношенія, начать велии жалостно и болѣзненно велимъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохся въ рущѣ сихъ немилостивыхъ человекъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толка ми зла нанесоша! Увы мнѣ, увы мнѣ, что имъ прочее сотворю?» Люди же единаче (однако, все-таки) влечаху его біюще и, пришедше на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погразе во глубину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же нѣкто человекъ верже на него палицею; онъ же, взявъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотю Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди собираются и, раздѣлшися на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густыньская подъ 990-мъ год.)» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достяхся немилостивымъ симъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Соф. Врем.; то же Псковск.)» «Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: «На семъ мя поминають Новгородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи люди убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Врем.)» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горничара, враждебныя рѣчи («до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынча попллови прочъ») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былево творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтописи, зачинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владиміра и его богатырей. Но далѣе, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежаціе Новгороду, въ концѣ замѣтно возникаетъ вновь Былево творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынь Н-мъ и построеніи Варяжской божицы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія, —памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (наночатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.») но аналогіи можно заключать, что сюда же не происхожденію примыкаетъ легенда о посадникѣ Шилѣ, исторически извѣстнаго посадка, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались прамышъ достоиніемъ поэзіи и о концѣ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семь же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгород. I-й) *Сотекій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: но поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынь, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, что мы знаемъ лучшаго и главнаго въ устномъ Былевомъ творествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Булаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежація Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма определенной и намъ нужно только выяснитъ сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *воздвигъ* построившій въ сей же мѣстности

церковь Бориса и Глѣба. Новгород. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь деревянную дубовую Святыя Софія, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ субботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискупли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтинца-града строенія; идѣже послѣди поставилъ *Сотко Богатой* церковь каменную святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ - дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археографической Коммиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *столяшей нѣкогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софія построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семь послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софія; объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другіе лѣтописцы: поелику же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софія стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгород. лѣтописи не въ томъ обстоятельствѣ, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже *каменной* церкви Садка и времени ея построенія, онъ относитъ построеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтіе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ; то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе. Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іоакимъ церковь деревянную Святую Софію. имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялась церковь Святаа Софіа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ субботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископли улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже ины (иногда, въ другое время; издатели ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ Сотко Сотникъ (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «Сотко Сътникъ исытимъ,» т. е. «и Сътинъ») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ю: Иоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ пишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *ины*, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построения Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *ины* поставили *нынѣ*, а за ними и издатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разворѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бѣда не бѣда: лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семь послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого расчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣльствахъ, кои укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Иоакимовская деревянная сгорѣла въ семь году: въ семь же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стоившая, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году: стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянные церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара нтъ. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо естественнаго и даже смѣшиваются, но самыхъ даже годовъ, Софія старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ Князей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что въ крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же Археологической Комиссіи, какъ неправильно исправили *мысль* вмѣсто *инны*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя: подъ послѣднимъ годомъ говорить онъ о построеніи церкви Іоанниновской, а подъ первымъ объ ея пожарѣ и восстановленіи. Теперь пойдемъ дальѣ.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣсяца Марта въ 4 день субботный, сгорѣ церковь святая Софія, бѣше же честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупіи улицы надъ Волховомъ (Волховомъ), идеже нынѣ постави *Сотко* (въ печати. прежнемъ *Полатой*, т. е. *Богатой*) церковь камену свягата Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «Въ лѣто 6.557 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день субботный сгорѣ въ Новѣгородѣ церковь святая Софія, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и уграшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупіи улицы надъ Волховомъ, идеже нынѣ поставилъ *Сотко* святата Бориса и Глѣба.» Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу мѣстности упомянута церковь Садка, но вставка *мысль*, отводя построеніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную, бывшую до Садки, съ ея—каменной. *Нысль* остается вѣрнымъ только съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе каменной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и надежнѣйшей лѣтописи Новгородской I-й, въ которой пожаръ отнесень къ 6.553 (1.045) году, но счетъ чиселъ и дней иной: «Въ лѣто 6.553 съгорѣ святая Софія въ *суботу*, по заутрнѣи въ часъ 3, *мѣсяца Марта въ 15*. Въ то же лѣто заложена бѣше святая Софія Новѣгородъ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляеть думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указываетъ 4-го числа субботній день, ибо, если 15 Марта 1.045 года была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось въ субботу. Не разлился ли тогдашній счетъ отъ позднѣйшаго, ко-

имъ нынѣ руководятся изслѣдователи?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софiи (освящена позадѣ), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней егерзвшеи: «Въ лѣто 6.553 заложи Володимерь святую Софiю въ Новгородѣ;» «заложи князь Володимерь Ярославичъ и владыка Лука святую Софiю каменую въ Великомъ Новгородѣ (при чемъ, по привычкѣ, приписано помянутое «Сотко Сытничъ и Сытимъ»).— 2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *мыль* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софiи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построение церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построения Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (но нѣкоторымъ) освященiя каменной Софiи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими *немыль*, а *мыль*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложения новой Софiи; Софiйскiй Временникъ и Никоновская упоминають 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софiи, и т. д.: ясно, что Софiя, равными судьбами своими, пожаромъ или востановленiемъ, по роковому сближенiю ея мѣстности съ мѣстностию церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сiю послѣднюю, построенную тутъ же, но время построения коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, приурочивали къ нимъ преданiя, но сами уже не застали построения или даже существованiя Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенiю: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтiе, *деревянная*, и строилъ ее *соземъ*, *оказывається, не Садко*. А именно. Новгород. I-я: «Томъ же лѣтъ (6.654, 1.146) сдѣлаша 4 церкви: *святую мученику Бориса и Глѣба въ градѣ* (дѣтинцѣ), святого пророка Ильѣ, и святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ, и святую безмезднику Козму и Дамiяна;» Новгород. IV: «Въ лѣто 6.654 сдѣлаша 4 церкви: Бориса и Глѣба *въ городѣ*,» и проч.; Новгородская же III-я всѣхъ

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древяныхъ*: святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ *Околоткѣ*, въ *Камennomъ городѣ*, Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что въ *то же время* и *тѣ же самыя церкви* поставлены были въ *Смоленскѣ*. Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиха въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиха церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смядынѣ въ Смоленскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиха церковь камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) зделаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чудотворецъ безребреникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядынѣ,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софіи по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквахъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и возстановленіи Софіи. Однако исправнѣйшія по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) съде Мьстиславъ Изясла-

виць Кыевъ на столѣ. На ту же весну заложи *Сѣдко Сѣтимиць* (разнор. *Сотко Сѣтимиць*) церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи;» объ освященіи: «Томъ же лѣтѣ (6.681—1.173) святи церковь Новѣгородѣ Ілія архіепископѣ Новгородскыи святую мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяца октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сѣтимиць*, въ каменномъ городѣ - дѣтницѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тотъ же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, рассказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былинны приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописцамъ, смѣшиваютъ храмъ Софін; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:

Шедъ Садко, *Божій храмъ сорудилъ*

А и во имя *Софїи Премудрыя,*

Кресты, наковницы золотомъ золотилъ,

Мѣстны иконы изукрашивалъ,

Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ.

Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ вып. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софін. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Ваглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—

Узналъ онъ церкву, приходъ свой,

Того Николу Можайскаго.

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вот почему, замѣчали мы при печатаніи текста былины, помещенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но такія данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удается. Церкви, какъ знаетъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ похождениямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухвѣковымъ занесямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось разказами, преданіями: они-те и возбуждали народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезаго Новгородскаго Былеваго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былины именно о Садкѣ. — Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соответственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (*hortulus*): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Садка*, *Садкль*, *Садкомъ*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбникова) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Саджа*, *Садки*, *Садкль*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Съдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ѣ и ѣ тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе *а*, *я*, *о*, *е*), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Киевскихъ былинахъ и прозванъ *бодримомъ*: Садко же конечно выборный изъ гостиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Накопецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, *Сытиничъ* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ въмѣсто ч): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (извѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сыть*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сыть* (ср. былинны прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыхъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Сухъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, т. е. или *Сътиникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътиничъ*, *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновекая лѣтопись *) снуетъ три года послѣ извѣстія о заложении церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говорить: «Того же лѣта преставися в Новгородѣ посадникъ *Васка Буславичъ*.» Здѣсь стоить обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Васкою*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удалцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стоило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времени, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтописямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника*: можетъ статья, при крестномъ имени *Василья*, какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ скрывается отъ насъ подъ какими нибудь *Якуномъ*, *Нпжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «Богухваль», «Богумиль (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*. даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому, Василій по отчеству *Буслаевичъ*, *Буславьевичъ*, *Бусланевичъ*, *Буславичъ*, *Буслаичъ*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Сеславьевичъ*. Наконецъ, какъ лѣтописью записана его смерть, такъ объ смерти же его рассказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношеніе: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцвѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обильнѣе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видѣли о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указаній. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященныя его дѣятельности, вѣщающая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творествѣ.

Мы знаемъ, что въ Киевскомъ творествѣ Богатыри—представители Земщины, но не сидячей и ослѣдой, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранить зерно Земщины, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во-первыхъ, Гости, люди Торговые, не тѣ сидячіе лавочки и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервями общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣтели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а по тому времени предприимчивые удалыцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣнновой торговли, водившіе обозы или по водѣ сплавыавшіе клади за черту Новгородскихъ владѣній, въ далекіе края; люди бродячіе, переходіе и перетѣжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополию, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣтелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шницбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и восстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголавшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *генесисъ*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былево творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при изданіи Пѣсень Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подѣ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ молодю былъ бѣднякъ, чуть не голъ кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницы, а лучше, по веселому праву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселюю Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стоскнулся. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслими на берегъ Ильмена, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, хаживали раздѣлять тоску всѣ пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во всѣ вѣка предприимчивые удалыи и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостепріимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ; а въ нашемъ былевомъ творествѣ *Царь Морской*, *Царь Водяной* или *Поддонной*, *Водовикъ*, *Водникъ*, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и расплывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говорить Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твои за утѣхи за великія, за твою—то игру нѣжную. Аль бессчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родить золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новгородскіихъ, *Оому Назарьева* и *Луку Зиковьева*,» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслаева. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спортѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупить товары Новгородскіе. Эта борьба, которою

другія былинны кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбн. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше принабѣзено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новгородскій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его похождения и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ея—а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получалъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волскаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Забѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей—сначала кочевья, потомъ торговаго, перехожаго и мѣноваго блужданія по сушу и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожь*, и названіе славныхъ рѣкъ *Сурога*, *Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ,—*Сурожскіе*, *Суровскіе*, и самый шелкъ—*Сырецъ* и *Суровецъ*, *serisim*, и ряды, въ комъ продавались сіи товары—*Суровскіе*, наконецъ самыя дѣтели сего рода—*Суры*, *Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но разнящихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ—Садко, типъ гостя порѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Суръ*; б) въ Кіевскомъ Плънь, Плънко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженикъ*. *Суроженикъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Суромъ*), жившій на рѣкѣ *Сарогъ* или *Черегъ*; в) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровень*, *Суровець-Суздалецъ*, *Суроженикъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый,» представитель удалцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аоеней. Но въ Кіевскомъ творествѣ, рисуящемъ всѣ разнообразныя слои Земщины и Земской Дружины, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Пльнь, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлею, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровець идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изытанія мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь поплатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и зноса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищъ въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Невою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античныя народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было итти въ море: тѣмъ тогдашняго купца, непремѣнно въ мѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ, «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ, Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось итти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завѣтныя гусли, первое зачало своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Микола* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстояла опасность, не побѣдная человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря—бродягу, *Потыка*, въ образѣ *Старчища*, *Пилигримища*, *Калѣки Перехожаго*; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. I),» невѣдомый, грозный *Калѣка Перехожій*. О томъ, что такое значить споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помогала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводилъ Садкѣ невѣсть и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбрать дѣвку *Чернавку*, *Чернавцушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что она сама за лицо въ нашемъ творествѣ, и какъ всѣ эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замяткѣ къ II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныя части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусяхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женидба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній. потому именно не совѣмъ ясныя для нешривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

часть или, лучше, старого и грозного, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непременно черезъ Чернавку или дѣвушку Поваренную, мотивированные въ Новгородскомъ творествѣ такъ, что эта женидба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ упомянутой Замяткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддастся невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гуслихъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ успѣхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, что совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Аидомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгулъ Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ сѣнная кошна; расплясавшись въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гнудь имѣнницевъ, стало много тонуть людей праведныхъ (Рыбник. т. 1);» «а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы—корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствіемъ кушца Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствіемъ мировымъ. «Тебѣ кажется, говорить Царица Садкѣ, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонуть-гнудь безповинныя буйныя головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ время Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія мировыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ съдатый,» Микола, велѣлъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гуслями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкъ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склонная къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго воззрѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Страѣили, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеніи сихъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Замѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Страѣиль, отъ трепетанія которой, даже однимъ пѣрушкою, когда она *разыграется*, все снѣе море всколебается, потопляетъ море корабли гостинные со товарами драгоцѣнными, заморскими, и со православными христіанами, съ тѣми людьми съ Московскими, что Страѣиль, говорить, живетъ *на синемъ морѣ, на бѣломъ камени*—на *Латырь*, отъ котораго и *Алатырь-морѣ*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сѣмъ свѣти засушейца, онъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глубокии, доставалъ воды кипучи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинкамъ ручья-виночкамъ, по глубокаимъ большимъ озерамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладязи студѣные; куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипить, и отъ того-то, когда поворотится, воскнопятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханіемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханіемъ *в*—*выдра*, отходить къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострепещется, восколыбнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграется*, все снѣе море восколыбнется, увесь міръ-народъ приужаснется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянь-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околѣ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянь, во моря пупъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіянь-море всколебается, — вси моря ему покло- няются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣ- нія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянь-море по Сла- вянскимъ исконнымъ представлениямъ есть *Латырь-море*, назван- ное такъ по хранямому въ немъ *Латырь-камень*, Илектру, Янтарю. Вотъ что говорить о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 А Латырь-камень камнямъ отецъ.
 Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 Потому Латырь-камень всимъ камнямъ отецъ:
 Ляжить ѳъ сириди моря,
 Сириди моря, сириди снява,
 Идутъ по морю много корабельщиковъ,—
 Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
 Яны берутъ много съ яво снадобья (янтаря).
 Посылають по всяму свѣту бѣлому...

Или:

Бѣлый Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ:
 Съ-подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
 По всей землѣ, по всей вселенную.
 Всеми міру на исцѣленіе,
 Всеми міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-каменя къ источникамъ и питанію людей, какъ въ рассказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предмет древней торговли наших праотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговлѣ ихъ, каковъ источникъ питанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, дровище, источникъ того оживленія, которое нѣкогда почерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этотъ Алатырь далъ имя и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому; но также точно переведенъ и на море Тѣплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь-то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже внѣ міровыхъ и миеологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удалца, Бюгатаго Гюстя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и миеологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажьбожскаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и челоуѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусяхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ челоуѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ мірѣ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти помощью старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствіемъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ униженіи, *черною, позаремкою*, наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сѣинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Запѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламани. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человѣкъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удалцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стан гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они уснокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земли съ богатой добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и разбѣлся на отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былево творчество, взявшее его героемъ, перенесло все общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ титъ Богатаго Гостя и рассказавши древнѣйшую новѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавкы, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернушагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

въ Кіевскомъ творчествѣ выходъ на свѣтъ Божій Потыка, зависяя отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умомъ, искусствомъ, ловкостью, угибьемъ—и поиграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во время перестать играть, и сослаться на порванные струны; прочія лица, Царица, Чернавка, только помогали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору созданія былинъ уже царившее въ Новгородѣ, придало всему своей вышней обласкѣ: трепещетъ въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и мольбы услышаны, является Микола ш руко-
 водитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освѣщена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Кіевскомъ творчествѣ. Такъ кончается и Голубиная Книга, описавши грозные образы мировыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обласкѣемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ влияніемъ сихъ послѣднихъ, Страенль побиваетъ уже однихъ только «непріятелей, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакитъ бѣдъ она не дѣлаеть,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра поселяется «во степяхъ и никто его въ глаза не выдають,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаеть» и помѣщается даже «во святой горѣ во Авопъ-горской, въ горы Сіенскія, во Оаоръ-горы, онъ и пьетъ, и ѣсть во святой горѣ, онъ и Богу молить за святу гору, а хвалу произноситъ самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возыграется*, только лишь «вся святія горы веколыхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «поворотится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшень его поворотъ, ибо «основана земля Святимъ Духомъ, а содержана Словомъ Божиимъ;» грозное Окіанъ-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благодѣтельное Алатьръ-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатьръ-камень, въ «Хвалыньское,» гдѣ живетъ Страенль, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, даже Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» известный у древнихъ и загадочный «пулъ морской,» помянутый выше во

Голубиной Книгѣ на Окіанъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пустьъ земной,» какъ у Грековъ въ Дельфахъ подѣ благодѣтельнымъ покровомъ Феба; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоѣ подѣ крестомъ. Сюда же перемѣщается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлину на голову Адама и на весь земной путь, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подѣ камня Латыря протекли рѣчки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христосъ, отсюда училъ и текли струи его ученія: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Иисусъ Христосъ, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распуцалъ Онъ книги по всей земли, распуцали Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторяемъ, что въ сущности разсказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своей и искусствомъ вышелъ побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищей торговаго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женой-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церквей, между прочимъ своему избавителю — Миколѣ Можайскому; не погибъ изъ за его удали народъ православный, а еще покорствовался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ пропасти описывается разнo: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распростылся съ ей: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. I, № 62),» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, по вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и — «проснулся Садке во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кряжу, какъ поглядитъ — ажно бѣжать своимъ (его) черленые корабли по Вол-

хову (тамъ же, № 64);» или по завѣщанію же Миколы, чтобъ не обнимать и не цѣловать Морскую дѣвушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подлѣтъ спать,—свои рученьки къ сердцу прижалъ;» въ просонѣ соблазнился было, двинуть ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ (у насъ № 2),» — такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнью и смертію; или же, заснулъ онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкого, и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ кресту, у быстрой рѣки, и бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слуху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непослѣдовательно, рассказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окіанъ сине море всколыбалоса, корабляки всѣ повыломало, людей-то всѣхъ по-вытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63): говоримъ—непослѣдовательно по ходу творческаго рассказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслию, когда убѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своей и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садкѣ за нѣмѣну по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ по добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плавшихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищей, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ имѣніемъ лежатъ возлѣ, «съ имѣніемъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужъ повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, состроилъ на нихъ «соборную церкву Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить Садке на сине море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семейшка! Полно тебѣ ѣздить по синю морю, тосковать мое ретавное сердечушко по твоей по буйной по головушкѣ: у насъ много есть

и гнѣвца — богатства и растеть у насъ малое дѣтище (тамъ же, № 63)!)» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь нескать успѣкоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и семьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былинны, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но ноложителнѣе рассказаны успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательнѣе побѣда надъ ними всѣми, подробнѣе построеніе церкви, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Морскаго Царя, а Волги и Ильменя. Ъздивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильмену, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильмену, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщавшеюся на Волховскому мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, встарини строились у насъ мосты; или при вѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходить слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобитье по Волхову къ Ильмену. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой доброй молодець, вѣроятно Волховъ: онъ зачалъ разговоръ отъ имени Ильменя и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо-

дившихъ вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Окіяна-моря: со
 веѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень
 озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ.» и, хотя тутъ же прибавлено,
 что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ
 Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царь-
 градѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоятъ близъ
 Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его
 простерлись въ древнемъ воображеніи на все воды міра. Любимецъ
 Алатырь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги,
 сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя,
 ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ.
 Садко сходилъ къ Ильмену поблагодарить за подарокъ и попросилъ
 еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ прак-
 тическій, пригодный во все вѣка торговцамъ: повести дружбу съ
 людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для по-
 садскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу
 во все связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину,
 Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На
 братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ
 своего обогащенія,—повыкупить все товары въ Новгородѣ: но тогда
 онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство
 своей метрополи; теперь же, обогащенный долгою торговлей по рѣ-
 камъ и морямъ, онъ дѣйствительно покушилъ все товары, до того,
 что остались въ рядахъ одни черепапы, гнилые горшки, а все
 горшки уже битые. И ихъ покушилъ все-таки Садко: «пригодятся—
 ребятамъ черепаками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Преж-
 ня слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, те-
 перь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную на-
 смѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими това-
 рами заморскими и тѣми черепапами, гнилыми горшки!» Однако и
 здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила са-
 мого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевомъ
 творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христі-
 анскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, на-
 роду православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана
 Архидьякона, Софіи Премудрая, связанной въ лѣтописяхъ съ име-
 немъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ. — Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Кіевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Кіева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ ними послѣдними только доисторическая—относительно содержанія, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополиі уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны рассмотреть Былевую Пѣсню о *Терентьицѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъимяннымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Василѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а *Терентьице* — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнія, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Кіевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родскаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьища описанъ какъ дворъ Плѣнка или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, средно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней возрѣвій. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенностях: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южномъ творествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса повсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всею пыломъ страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, мстительнаго чувства, создавашаго даже въ языкѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,—вспомните хоть Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ рассказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и рассказѣ объ нихъ до крайности лакониченъ и кратокъ, не договаривая необходимаго—даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второбразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьища, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ свиданій Чурилы, ярости ревниваго и мстительнаго мужа, — дѣло Терентьища въ Новгородскомъ творествѣ передано какъ вростая, хотя

и поэтическая по своему, семейная сцена зажившей купеческой жены, готовой от старика отдаться первому встречному молодцу, потом наглое вторжение разгульных скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошеннаго гостя ременчатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помощь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мнѣнія. Сценны, готовые повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный отцвѣтъ Новгородскій. Терентьево жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужъ хлопочетъ. По счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близъ распутия, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или *Калѣкъ* *Перехожихъ*, или удалыхъ *Бойцовъ-борцовъ*, или разгульных *Скомороховъ*, попадаютъ старику сіи послѣдніе: *въяливые*, *очестливые*, *пронырливые*, *пройдохи*; *пѣвцы* и *игроки*, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачалники и надежные товарищи кому погулять, попить, попроказить; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошеные и званые гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званые и не прошеные, ѣвшіе и пившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же послабѣе они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобъ разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики,» Калѣки Перехожіе, мрачные и таинственные какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно разбѣвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродить по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетающая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помощь, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чѣмъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голъ кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представлений, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусли, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхоноша съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — дневное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донныѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, нѣтъ, нѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: ядутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяйна дома нѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошла игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышъ дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублей.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шуточный и сатирическій: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевского, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинь серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоитъ хоть одна, иногда двѣ и три шуточныхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Василѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотритъ сатирически и на обманутаго старика скрагу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похищенія молодого парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинь Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ инаго слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безпокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданною отцами молодеческою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непрѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ новодъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлаго, мужа семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезныя дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленіе семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ — мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣчѣхъ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики, дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, думою, вліяніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью умѣрять разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говорить лѣтописецъ, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ иномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его пріобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она — то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Кіевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

Вольницы, — не так как имя Садки, — перешло даже въ Кіевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героя въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Русь (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстныя намъ *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Русь, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея перлами и типами, удостоенными былаго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, славившейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ — характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся; здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики внѣ всякой Дружины, внѣ отважныхъ предпріятій, домоуды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи,—не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Земщины, но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наслѣдствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, порою съ своими перемѣнными Князьями, но совѣтъ не для дѣян, руководившей ими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко всемъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея походовъ. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнью *о собѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгнѣбъ въ этой особой жизни, цѣлкомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо замороженный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ ниспаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Мирь—народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблемости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда поблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ство и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгородѣ неизвѣстны Богатыри въ родѣ Кіевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежать всей Руси, какъ типы ея зачала и первоначальной жизни: Дружинники Новгородскіе полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садни; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Земщины, и Бояръ, и Крестьянъ, и Поповъ, и Гостей, и Цосадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой массѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собирались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Муромъ и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣятели лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отпечатлѣлось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первоначальной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвѣстны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Кіевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей порѣ Владиміровой; между самими Богатырями Кіевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермака Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерей исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ пониженіемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую нынѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, внѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Кіевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цвѣтныхъ именъ (какъ на примѣръ помянутые Залѣшена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ внѣ общей Русской связи; бы-

лины объ его Воляницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея—Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстными Новгородскими выродкомъ, неразлагаемымъ ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимся и замершимъ въ своей кристаллизаціи. Они не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старшихъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ-трехъ древнѣйшихъ преданій, ископанныхъ изъ поры доисторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да обиха въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу помянутого нѣкотораго подобія Воляницы и Богатырства, да внѣшняго склада творчества, стиха и эпического языка, общаго всей эпической эпохѣ въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни пѣснь Безмяныкъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. После Былинъ, выходящихъ по времени слезенія ихъ изъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ упоминаній древнихъ, пѣлъ Былины Московскія (нѣкоторыя изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а теперь поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая черезъ Московскій періодъ, даже безъ крупными отличій мѣстности. — Высказать всю исторію Воляницы въ главномъ ея представителѣ, возведенномъ въ типъ творческой, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародышѣ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружавшею средой, потомъ внѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго, — вотъ задача, исполненная, нужно сказать правду, превосходно Былинами и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай непрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предваримъ, что все это отнюдь не *подвиги* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *положенія и приключенія*.

Объ родѣ-племени Садки и даже объ отцествѣ не стѣило говорить: безъ роду-племени, выскочкой вышелъ онъ въ люди сильными трудами; совсемъ не то Василій: его отецъ *Буслай* (см. выше развѣтвленія имени), мать *Авдотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества—*Афимья Александровна*, еще типичнѣе—*Амелoa Тимофеевна*; дворъ ихъ и имѣнье постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрше, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, кои подѣ-

лавы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (поздвѣйшая вставка) не перечился.» Жилъ онъ бездѣтнымъ, обыкновенно рассказываетя, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во ртѣ нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молѣнымъ и божѣнымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наследникомъ почетнаго въ городѣ имени и большаго богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человекъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу вальяжную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человеку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семь лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перомъ писать: то и другое ему въ наукъ пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ наукъ, что Былина прибавляетъ: «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопровтивъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребята въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличные мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя рассказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатичь*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и на княженецкѣй дворѣ, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми боярскими и княженецкими

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумницы, съ Весельми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужъ сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропоть, говоръ, недовольство, дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Васкѣ—«тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасти рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили *отъ князей Новгородскихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-брани, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Васкѣ не взлюбила.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ рознь: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сыномъ и, пугаясь за участь его, въ предстоящей непремѣнно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложился слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самую цѣль. «За эти рѣчи, говоритъ былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучатся принялся онъ теперь самъ: «семнадцати лѣтъ обучился Василій на-

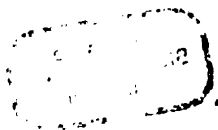
ука воинскихъ (даже, прибавляетъ былина, «рицарскихъ»), ощу- тить въ себѣ силушку великую, и дѣлать себѣ сбрую ратную, па- лицу воинскую и копье мурзачье, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I);» любимымъ однако оружіемъ Ва- сья съ тѣхъ поръ былъ и остался «червленый» или «отетянный вязъ,» порою ось тельжная, — черты эпохи древней. Тутъ пара бы Васья сбуть въ походы съ прочею Вольницею: да оя, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочался; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оста- валась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать тить ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать адъов Ва- сья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружавшими враждебными элементами горононой общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Нов- городъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голи кабацкой и праздноватающихся удалцевъ, искавшихъ понягрьтъ руки около бо- гатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разла- гавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Ва- сья, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былинъ рассылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибывая уличныя афиши, съ за- зывомъ петь и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: афишъ и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама се- бою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было на- дежить именитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Васью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерчи- ваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плуть, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и поря- дочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васья сталъ тридцатымъ. Вотъ главныя лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торж- ка, Новгородской области, по одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потапъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменькій* или *Хромненькій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Василька Маленькой; Ома* или *Омужика, Хомушка, Горбатенькій, Телеть-благодурливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругомышій, гладышій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарина*, прожженный, то же, что «Дѣтина Поваренный», «Таракашка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ важного ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Ивануше Сильное*, *Калѣка Перехожій*, извѣстный, и въ Кіевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ попалъ потому, что *Калѣки* встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи; Луна и Моисей, Дѣти Боярскіе*, заставляющіе подозревать сходство съ Лукою и Петромъ, «Королевичами изъ Крякова (Крякова; Рыбникъ. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бѣйцовъ на Москвѣ. Свообразно пробовалъ или испытывалъ пришесть Васька,—взломъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названнымъ, угощалъ; мужиковъ *Залышанъ*, страшныхъ и въ Кіевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомились и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у *Садки*, практическаго чловѣка, вовсе нѣтъ враговъ: страшилще *Морской Царь* все-таки ему благодѣтельствуетъ; *Царица* на его сторонѣ; *Чернавня* выводитъ его на Русь; купцы и «настоятели» *Новгорода*, временно посперявши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; *башыки*, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймистеръ *Новгорода*, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» *Садки*; нечего уже говорить о *Волгѣ, Ильменѣ* и т. п.: напротивъ у *Васяля* все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все садѣто и лѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какая. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный *Васильемъ «Княжесецкій дворъ»* и «*Князь Новгородскій*,» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ *Князь*, какіе бывали въ *Новгородѣ* выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода *Варажскаго*. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «три Князя Новгородскихъ (Рыбник. т. I.)» потомъ «два Князя» и просто «Князья Новгородскіе,» объясняемые тутъ же—«Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Ѳома Родіоновичъ (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «Новгородскихъ Настоятелей.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «Городничій Ѳома Родіоновичъ,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичъ* и *Ѳома Родіоновичъ* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (унасъ № 1 и 2) просто какъ «мужики,» т. е. «мужи Новгородскіе;» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается пиръ у «Князя,» въ другихъ одно лишь имя «у *Викулы Окулова* (*Викулы*—вѣроятно изъ *Микулы*, *Николая Зиновьевича*; Рыбник. т. II.)» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ служба, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ помянутымъ званіямъ По-

садникъ и Тысяцкій, подѣ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былевого творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Ома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непременно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Омы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаетъ нерѣдко въ поэтическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князьяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ инаго рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «*господа (бояре),*» «*мужики Новгородскіе,*» мужики «*и все купцы богатые,*» «*мужики посадскіе,*» наконецъ «*города-Кемскіе,*» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе — посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совсѣмъ красиво дружину Буслаевскую, не скупаются и на враговъ ея: они «на питье завидные (см. ниже ссору изъ за пѣра),» даже «воры (города-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

чувствіємъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадоѣла народу, по-противѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволѣ. Нѣкоторыя былины всего проще зачинають борьбу, безъ предлога; «говорить Васильюшка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинюшка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единого, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыхъ, такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. I).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросать.» Завидные на питье, послѣ афишь и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары: только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и ну ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперъ стали на твоємъ дворѣ, всю мы у тя ѣству выѣдимъ, и всѣ напичочки у тя выпьемъ, цвѣтно платьице повыносимъ, красно золото повытачимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбались» и онъ зачалъ ихъ валять по двору. Наконецъ, разсказываютъ, что мужики собрались было чество: но Василій кормилъ-поилъ свою дружину, «а тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ не кормилъ не поилъ да не чествовалъ, а посылалъ по въ-зашей да въ сутычъ ихъ. Тутъ-то мужики Новгородскіе видятъ, что не хорошо то есть: «Осиѣмся (отсиѣмся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестень пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестень пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) залѣзли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незваный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.



XCIX

Одна Былина передаетъ, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принявъ отъ Василья и дружины долю складчины, пиръ шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабацѣ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплегъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побоище. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радущія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, попихалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Костя говоритъ: «Не тѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы, да еще монастыря Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говорилъ еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ, не боюсь я тебя, Ома Родионовичъ, не боюсь я всего Новгорода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удалъ е, пойдѣмъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своимъ со дружинамъ хоробрима, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлялъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьютъ съ вами о великъ закладъ: напускаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерти свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритесь, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утро (завтра, на другой день утромъ) битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьями Новгородскими, выходить на мостикъ на Волховскій и битися Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

ковъ до одинаго;» «ударилъ они о великъ закладъ, подписали подписи великія, что съ утра още ранымъ рано итти-то на рѣченьку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *).» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлилъ его на партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (вып. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Кушца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животь и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человѣкъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человѣкъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его названныхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дружина*; Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья пришла къ нему «силушка чернымъ чернѣ:» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходить, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Кіевъ, Василій дѣлаеть закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхождение сему было то, что былина начинается описаніемъ пира, „да идетъ-то Василій во почестный пиръ ко князю“ — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю,“ нетвердый пѣвецъ, по привычкѣ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—„ко Владимиру,“ и пошла ислать—„у ласкова у князя у Владимира“ и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ, Рыбник. т. II, мостъ *Обухова* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общенію творчества Кіевскаго и Новгородскаго: общеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣстъ, именъ и т. п.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправы, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творествѣ сочувствіе; замѣьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударилъ о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиромъ домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радостенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, рассказала дружина, рассказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ рассказываетъ одна былина (Рыбник. т. I. № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ будущимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленною:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшно она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новгородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелѣу Тимоеевну «позвали въ *Судъ* и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ; тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соотвѣтствуетъ помянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говорить Князь Новгородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственнаго характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разстѣяла красно золото, и чисто серебро, и скатенъ жемчугъ по чисту полю, сама говорила такovy слова: — Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильюшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготовляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя: Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью телѣжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былинъ—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ поцало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ на мосту Волховскомъ и у моста: тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно билась въ городскихъ расприяхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая до мосту, съ той стороны, откуда ему итти; другая *среди мосту*; третья *въ концѣ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробьеть заставу третью, то онъ побѣдилъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мость; хоть свалять Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалять Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалять Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужь какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдиль).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильменя средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впереди Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій*, на смѣну *Потанюшка Хроменькій*, потомъ *Костя Новоторжанинъ*; по другимъ впереди были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка*. Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружины головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоятъ они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками зашутаны. Раздается вопль ихъ: «Что ты, Васька Буслаевичъ, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ: еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторыя былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ слышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похвальную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпят высшія силы и дѣло ими переворачивается (тѣ дѣлов фдовербу, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дьвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригариной это единственное, что досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непременно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. п. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и бывшее значеніе выражается въ удѣлввшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, рассказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружье было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось тележную и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василій: «Вы теперъ позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идите же, братцы, на отдыху, идите же, братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодецъ, продала васъ моя матушка родимая, намѣнилъ

вамъ не я, добрый молодець, измѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побратаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впереди: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишо боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчища Игнатьища*, да боюсь я крестоваго брателка, молада *Григорья Игнатьича*, — имъ отъ меня и честь, и почѣтъ; а что по чему пойдетъ, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшекъ. «Мужиковъ Новгородскихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видять Князя (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминуемую, — прибѣтъ мужиковъ Василій Буславьевичъ, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходятъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Ома Родионовичъ, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелоа Тимоеевна! Уговориуйми свое чадо милое, молада Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена!— Говоритъ Мамелоа Тимоеевна: — Не смѣю я, Князя Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милого во томъ во монастырѣ во *Сергѣевоѣ* крестовый его батюшка *Старчище Пилигримище*: имѣтъ силу нарочитую. Попросите, Князя Новгородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое?—И такъ Князя Новгородскіе пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчище Пилигримище, со великимъ просятъ съ униженіемъ: —Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостыкъ на Волховскій ко своему ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побоище...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобнымъ уже умысломъ):—Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскоѣ* есть *Старчище-Пилигримище*: пойдемте-ка, братцы, подкупите, бываетъ—онъ побѣтъ Ваську Буслаева!—Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій:—Ай же ты, Старчище-

Пилигринище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо передъ походомъ на мость «идеть онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что силушка мужиковъ городо-Кемскихъ поразбита и чтобъ она приуныла своего сына Васильюшка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище* и опять просто (у насъ № 3) *Старець Пилигринища*. Стало быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всеми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старець, Старчище, Пилигринище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Дьдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатьище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кіевского творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшій жить при монастырь и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильею на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кіевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ*: вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенію съ лицами Кіевского творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Васильемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлялъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью те-

лѣжною. Былины, удивительно вѣрные основному типу, ловко подмѣтили именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наслѣдство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружья) на друга на стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Перехожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключительнымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизарище*. — И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обноскахъ и отпкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожіи принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старичище кидается: на то Старичище позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошаекъ. Изъ монастыря, oprичъ коего клялся Костя и Буслаевъ, Старичище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памятикамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванидовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелѣа Тимоѣевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись, «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иванцемъ Сильнымъ, Калѣкомъ, забравшимъ-

ся въ дружинну Васильеву: но этоть, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранялось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кирилову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически приурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на примѣръ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непретѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ о были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попечена;» когда же, частію отсторонивъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князя ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкъ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середины моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка; «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «колпакъ въ двадцать пудъ,» — шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня подорожная; не доставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣлъ на голову колоколъ, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается, — подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужъ и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укrotи свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не наскакивай!» А потомъ: «А малый куръ, не запурхивай, а ты, дитя, не заскакивай, а прямоѣзжей дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выигни, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхаль-то ясный соколъ да и допурхаль, ходилъ-то добрый молодець да и доходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтъ Василя, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творчествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими *опричь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головами, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертюжная, дертюжная корзина, въковалая!» «А не дамъ я ти яичко о Христовскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день)!» «Колько я тебя хрѣстнымъ ни назывывалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ, теперъ мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!» Яицами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василя слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колокольъ разлетѣлся въ мелкія черенья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ живны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколь, какъ говоритъ одна былина: «а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣтъ,» давно ужъ умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мость Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мость, еще издѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граеть (играеть) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сучище обѣзное, вотъ тебѣ ячко.—Христось воскресь!—»
 Вялъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мость съ
 новымъ оружіемъ: «Туть-то Васильюшку червленый вязъ, копые
 долгомѣрное, туть-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши
 споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же.—Съ паде-
 ніемъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки
 мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно;
 теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умилостивленія Ва-
 сля. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепен-
 ность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «туть-то два
 Князя Новгородскихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣ-
 роятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не
 участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома
 Родіоновичъ, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое
 чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужич-
 ковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ
 онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчища Пилигримища.»
 На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былинны (у насъ № 3),
 мать послала извѣстную намъ Чернавку: едва могла она пройти меж-
 ду убитыми тѣлами, сильная—«сохватила Васяля за бѣлы руки,»
 рассказала о покорности мужиковъ, повела Васяля со дружиною на
 широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же:
 Чернавка будто бы и прежде притащила Васяля, послѣ чего онъ
 былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Ва-
 силій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ
 конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и
 депутаціи, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить
 сына. Вотъ нѣсколько описаній: «туть мужики видать, что бѣда
 пришла, бѣда пришла немнучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его
 ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя,
 отъ того Васильюшка Буслаева!—» «Мужики покорилися, покори-
 лися и помирился, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ
 Амелѣѣ Тимошеевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую ча-
 шу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ—
 покланяются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо
 милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на вся-
 кой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣчное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Городничій Ома да Родионовичъ наклакъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приносятъ къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка свою чада милаго, не приѣдетъ-то онъ да весь Новгородъ!» По нѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболиную (въ Петровки это немного жарко), полагала шоломъ на буйну голову (она шла въ средину побоища: примѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Мары не единственный), и пошла Мамелева Тимошеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалась (распорядилась), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укrotи свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побойще, оставь мужичковъ хоть на стѣна! —» Кого не могъ укrotить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью типическаго творчества, укrotила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичъ опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на мать сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лукавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня: а ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!» «—Никого я не послушалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послушать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творествѣ такое же укrotеніе. Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, невольный однимъ побойщемъ, «напустился на дома на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря *Смоленскаго*» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Заклячь своего чада милаго, милаго чада, рожданаго, хотъ бы оставилъ народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. Поводомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Такія явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣшенія участи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или *Deus ex machina* во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побойще Васильево и происходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребсти, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходятъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Ома Родіоновичъ, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебнице (на пирь къ себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прикажи обратъ тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлюю на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина принарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обратъ тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебнице: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпиль).» Садко послѣ всѣхъ походовъ принять и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новгородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пиру раздаются голоса

СХІІІ

дружны, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былини. «Сѣли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслевича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчье на вѣкъ замѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побойць)!—» Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣльный типъ, рассказанная какъ событіе типическое, только лишь приуроченное известному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбуждали его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и задитесь вопросомъ — что же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, усѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ побѣды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣтѣ молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣдоносною, столь же рьяною какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-поить, въ покояхъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, нагѣчалъ дружинишку хоробрую отъ тыхъ отъ ранъ кровавыхъ и привелъ дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былини значатъ, что въ даль-

вѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былинны, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе известной борьбы, а послѣ борьбы былинны оставляютъ его равнодушно. Но вы знаете тотчасъ, что, покинутый былинами, Василій со своею Вольницею продолжалъ походы: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, взвѣсивая, что для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ сосѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкивались молодая беспокойная сила, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осыдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчать былинны, то говорить лѣтописецъ, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуется его лѣтописецъ, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтописецъ помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былинны обращаются къ его смерти, подоспѣвая съ своимъ рассказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтописецъ. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семь послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ рассказывается одно изъ походовъ или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какіхъ не мало было объ ней известно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знатъ не хочетъ творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предпримчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стоянномъ ея нарожденіи, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, воспѣтомъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробны стерлись, выведена рѣка *Обь*, событіе само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущность та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, извѣстному Старику Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища напоминаетъ Василью, — «Помнишь, какъ учился мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большой братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнію, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были своя училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ Вольгою или Волхомъ Сеславичемъ (Рыбник. т. I), а также Княземъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» пріобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важенъ особенно конецъ, гдѣ рассказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Рассказывается, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружину, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ Вольницы: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и всѣ удалцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя Пучины значить и Море, Понтъ, и Путь, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удалцевъ. Морская Пучина «лежитъ,» у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многоглазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно типы торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ семи чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя *какъ куча сънная* (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плънка, Гостя Богатаго, Сурожевина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убійца Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, типа стоглазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ мѣстѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и определеннѣе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильменю*, съ обычными приключеніями Вольницы, окруженный своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держитъ корму *Костя Никитинъ* (Новоторжанинъ), на носу стоитъ *Маленькой Потаня*, намъ уже извѣстны. Они пристають къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

свѣдѣній просить у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Ерусалимъ*, помолиться Богу, приложиться къ Святѣмъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Фаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаемъ далѣе изъ словъ Василья встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдъ гулянье неохотное (ѣду по неволѣ),—съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значить, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ *дѣлается* Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святѣмъ мѣстамъ есть удѣлъ Калѣкъ Перехожихъ, Странниковъ, безъ различія лѣтъ представляемыхъ типически Старцами. Итакъ Вольница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—Странниковъ, Перехожихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависитъ успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю Вольницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля!» Поэтому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильменю*, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ*. Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, «атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Вольницы: «А не вѣрую я, Василья, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При вѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору *Сорочинскую* (всѣ высокія горы—Сорочинскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежатъ «пуста голова, че-

СХVIII

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою попинывать: та въ отплату прорекла, что и его головѣ валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнвившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруеть.» Соседши снова на корабль, путешественникъ *на морь Каспійскомъ, на островъ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря вѣхали они въ Ердань и бросили якоря: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ, — молились, прикладывались, служили заупокойную обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравию за мать Буслаева и его самого, обѣдни съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дяконами, давали милостыню несчетную Богатѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ страннопріимницѣ), и прочее. При купаньѣ въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Иисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на переборъ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленье, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Зальсная*, т. е. Баба Горынинка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Алатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевского творчества. Она догадалась, что опрять Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

нагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась егрубить: «Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ чохъ!» Впоследствии, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчишковъ, двухъ богатырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скопилось уже слишкомъ много дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походе Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народа типа непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грознѣе казни свыше. Но, исполняя своиѣ чередомъ виѣшніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри тою же Вольницей, пошли прибывшіе на послѣднюю святыню, на Фаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I): и естественно, ибо какъ перешель, мы видѣли выше, пущь морской въ пущь земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоѣу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костями подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на пущь земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сблизался съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку,» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Повѣдали, говорить былина, на Ѡаворъ гору, ко тому ко камению ко Латырю, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатью престолами, у того у камня у Латыря, на которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ... Итакъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, ко тому ко камению ко Латырю» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самую величиною достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевского творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Ѡаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скокитъ черезъ этотъ бѣль-горючь камень, тотъ буде живъ, а не скокитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочитъ трожды черезъ бѣль камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочитъ черезъ бѣль камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надождныхъ пророчествъ "пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по камению,—слоमितъ будетъ буйну голову.» Это ужъ былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было разсчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виноватъ былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правую, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкой. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіи: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Оаворъ-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая. — Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаячи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣьте эту противоположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, савонные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низкоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелѣа Тимоеевна, что пошла-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ приказникахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богатство, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противоположность типамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былны, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его мнѣнію — витіеватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлать опытному чутью. Главная бѣда его—отъ возрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ*.» Для той же цѣли покойникъ *Богуслай* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать Василья, *Княгиня*; самъ Василій *Княжичъ*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ*.» Въ рассказъ вставлена *интрига*: Василій въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«*всѣ Посадники*»),» пользуясь молодостью Княжича, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побіенія Посадниковъ, они подносятъ Василью Княжество, Княжичъ пріемлетъ, править «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и т. д. Подобную шелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко слунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный рассказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ пополненія и разнорѣчія. Товарищи Василья—знакомые намъ *Ома Толстой сынъ Ременниковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «малъ собою—невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство Василья съ Новгородомъ,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ Чулкова «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ Василья; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чудемъ* Старь-матѣрь человекъ,» изъ котораго Чулковъ сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазвившись вѣроятно еще названіемъ Новгородскаго «*Чудинова* конца,» названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь *Чуди*, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи Князей, подобно какъ въ томъ же Новгородѣ была «сторона *Славянская*,» былъ «конецъ *Славянской*,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

шедшагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротомъ малешомъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она понала къ Костѣ по сбивчивости, ибо совершенно соответственно,—и эта черта пополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многолѣтище* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ *теремовъ* своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непременно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколъ съ *ольча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былины. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова, ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставши роду-племени*, а оставши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перунъ, какъ второобразъ его, свой *стемляный влзъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки рассказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободой фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, рассыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, *pleno manu*. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библиографической рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталя, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставляя ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переначить. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленныя изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ», 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдкою нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ одномъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ѡ. Клайдовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому *ложному*, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его тактъ не дозволилъ однако ему передѣлывать, а лишь возсоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и, не передѣлывая, возсоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственнаго искусства, образованнаго сферою вышею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ, — былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство гениальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наследовать въ семь дѣлъ Пушкину. Чтò же случилось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не возсоздавать, — на это не хватало силъ, — а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагодарной роли, доказалъ свою роль тысячею опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *все* напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлинялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская—Татишевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ поллестъ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впереди всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кириши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кириши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго *все* Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столь точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кириши, но, съ естественными, казавшимися необходимою, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «*И начался* (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрыня какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила—«*показался;*» въ другой—«А Спиря встаетъ, то *постыриваетъ;*» исправлено вѣрно «*поспириваетъ;*» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «*Никитъ*» вмѣсто «*Никитичу,*»—рукопись Бѣльскаго исправила «*Никитичу.*»—Тамъ же—«не мнѣ *вода грѣтъ,*» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго нашла совре-

мениѣ—«не мнѣ *воду* грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидятъ онъ, ничего, *свѣтъ*, не видитъ,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «*зашельщина*» вмѣсто «*засельщина*» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма «*убихъ*» замѣнена болѣе понятною нынѣ «*убиль*;» вмѣсто «*можно*» также точно явилось «*можно*;» вмѣсто сокращеннаго народнаго «*подъ небесью*» болѣе обычное «*по поднебесью*;» вмѣсто народнаго «замочило *Тугарина*—крылья бумажныя,»—«*у Тугарина*;» вмѣсто «*Тугаринимъ*,»—«*Тугаринимъ*.» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), «*другую* сорокъ,» возникшее вѣроятно изъ «*другое*,» «*свѣтлицы-гридни*» вмѣсто «*свѣтлыя*» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «*другой* сорокъ,» «*свѣтлыя*.» Въ Былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кирши, «*глухоморья*» вмѣсто «*лукоморья*,» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «*свашела* (свах) княгиня Апраксѣевна» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить*, и потому выразилась «*свашила*,» сватала. Въ Былинахъ объ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму «*хоробрый*» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи «*хорабрый*,» примѣняясь къ формѣ «*храбрый*:» рукопись Бѣльскаго сочла безонаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «*тако*» вмѣсто «*только*» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «*начается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукопись Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ болѣе, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «*начался* (начаялся)» словомъ «*показался*;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«*качается*;» исправила она также «*старцу* подѣ колоколь» вмѣсто двусмысленнаго «*старца*.» У Кирши «*увѣче залъзено*,» добыто, и тотъ же глаголь встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья залъзѣтъ,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что нѣныя Былины, объяснивши себѣ «*залъчено*,» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ—«*изалъчили* дружинишку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «зальчено»; но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо душа спасти» и исправила «душу.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говоритъ Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. *Добрыня Никитичъ*, 2. *Василій Буславичъ*, 3. *Илья Муромецъ*, 4. *Акундинъ*, 5. *О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ*, 6. *Змѣй горынчища*, 7. *Соловей сынъ гостяной Ивановичъ*, 8. *Иванъ гостиной сынъ*, 9. *Алеша поповичъ*, 10. *Емеля дурачокъ*, 11. *Шемякинъ судъ*, 12. *О семи мудрецахъ и о юношѣ*, 13. *О чудныхъ и злѣо умилыныхъ гусляхъ самогудахъ*, 14. *О Жарь-птицѣ и Иванѣ царевичѣ.*» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которыя извѣстны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только *Акундинъ*, котораго рассмотримъ ниже, да сказаніе о *гусляхъ*, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былиннамъ Кириши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостиномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совѣмъ скромнѣе ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, *удержавшія вполнѣ нашъ чистый народный языкъ* (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ *доселѣ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой.*» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастью издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и успѣлъ напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Васильѣ, Ильѣ, Акуднинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ—относить ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію?—всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много пригали, — для свѣдѣнія мы даже печат-

таемъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ, — «прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далеко *лукоморья синяго,*» тогда какъ это лукоморье совсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говоритъ «лукоморья *зеленаго.*» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущѣ въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять, — «а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, имѣя подъ рукою памятники народные, она женитъ Добрыню на *Настасьѣ Микулишичѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина, Микула Селяниновичъ*, вышелъ тутъ «*торговымъ гостемъ,*» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевскаго творчества, непременно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронитъ: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ припѣваючи, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи, — онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждой строчкѣ; это—удлиненныя формы—«добрыхъ,» «сладкихъ» (см. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. п.; не просто «слово,» а непремѣнно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «я на томъ рѣчь свою ставили;» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣрою и правдою;» преклоняють «чело до полу,» кланяются «большимъ челобитыицемъ, отъ востока до запада,» кланявшись «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творчествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и смѣлая наша древняя Земщина является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово спичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно неточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статья еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Въмѣсто народнаго «пѣнье церковное» выставлено безопаснѣйшее «пѣнье;» «въ наукъ» замѣнено словомъ «въ науку.»—Отринувши показаніе Былины, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ наукъ пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамота и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былины, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а я нѣтъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопотивъ Василья Буслаева,» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красиво: «я чинить почестъ честна вдова Амелѣа Тимоеевна мужикамъ Новгородскимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мѣт мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди. страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разослалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличуть кличъ.» и тогда уже излишней удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія, — «шли люди грамотные. читали ярлыки скорописчаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ.» тогда какъ у народа свиинець «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идеть-плыветь по улицѣ.» — красиво, но забыто, что хромоту было трудно вато плыть утушкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины — Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былины «Мужики Залѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несомвѣстнымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растянутую картинку, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потомъ спохватился, бросился угощать. — Собирались, говорить Сахаровъ, къ Василью на пиръ «со всѣхъ концовъ, *окрѣчь Посадкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ-то больше всего и было у Василья. только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» нравился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ.» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали спить молодого Василья. и у Чулкова «покунають вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похмѣльными.*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Кирии, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчанинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякаго особаго умысла: у Сахарова изложено форменный зовъ на пиръ Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставлявшее случайность, удержано: «прослышалъ Васька про канунъ варень — пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, по-

шелъ въ терема тайницкіе;» да какъ же онъ *прослышалъ*, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробыль? Рукопись Бѣльскаго должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай *Довмонтъевичъ*.»— Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи пвра: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищныя спичи. Первый взять изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «*кономъ Соколомъ*.»—вѣдъ купцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! За тѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женоатымъ, да еще какую жену! *Настасью Апроксьевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Славръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенъ въ Новгородъ и отданъ на время въ сынки къ Владимірову боярину Путатѣ, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акундикъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готова сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнѣе: стыдливый и даже робкій, вырученный изъ бѣды женою, Славръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричить, свистить, гонить враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «нечѣмъ похвастати.» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего,—три корабля плывуть за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывуть по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывуть по лукоморью съ соболями:*» а лукоморье — лука по морю, излучистый берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творествѣ обычно «*зеленое*,» покрытое мхомъ и травою, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось *синимъ* (въ Сказкѣ, выше помянутой). Богатый негодянтъ-издатель, отсутствовавшій Костя въ

кредитъ à fonds perdus лукоморье, считалъ его «залливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ закладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушелъ съ шра и тогда лишь, собравшись «въ терема тайницкіе (какъ это по-правилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались сдѣлать закладъ съ невѣстнымъ лицомъ, искомъ, — «битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и сыгоды (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посацкіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама потомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодование: «отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелѣа Тимоѣевна съ нечестіемъ.» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной монастырь:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «сизу я во теремъ неиходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколь просто, не съ колокольни — по Былинамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармаца. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколь, — а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начается, старецъ не шевѣлится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Юма съ Потанюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда ихъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выносятъ на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

избита и Василій, пробудившись, является выручать ее: безпристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этииъ, онъ выписалъ и отсюда, — «пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣли его удалы молодцы, Оомка со Потанюшкой, — у ясныхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ душкы прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли — со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ — изъ просонья! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому. — Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унимать уже не одного Василья, а *дружину*, и *дружина* запииваетъ свои раны, — то есть, какъ попалъ на Былину, такъ отъ нея и не оторвался сознаниемъ. — Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разуиъется побѣжденные граждане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются возгласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богу-слаевичъ!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чулкову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайниціе (безъ этиихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишуть крѣпки записи — быть Новгороду за Ваською Буслаевичъ!» — Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли привести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу, — Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, списавшаго съ одного боку Былину, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глупыми ребятами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акунди-ль* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пряный и уснащенный. Только лишь зачинается Сказка, — «соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приглубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,» — тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями; рассказываетъ, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житія: вставали, видите, утромъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла,» — только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судили-рядили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили домкомъ.» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказки сказывали.» — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угонаешься: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣплена перехитренная мозаика и сшить тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготавливая естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. Ѳ. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ были и поэтическія преданія, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное. — онъ группировалъ около событія — заточенія Мары Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонекія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Разказъ, сгруппировавшійся около Мары, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издалъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь извѣстной своей «Карелии,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онегъ, въ Муржскомъ урочищѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Муржскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1182 году отъ Новгорода, именно однимъ добротнымъ дателемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, подвигахъ, чудесахъ, получено было Ф. Н. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться разказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѣ Ивановѣ введено съ разказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствования, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Олоонецкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убитая, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль» въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италиі, «онъ гробъ Марона посѣтилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италиі, «странѣ гробовъ неумирающихъ героевъ,» рассказывалъ Марѣ Ивановѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Муржскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Карелии пожаръ, воспоминавшій «пѣснь Омпра въ его стихахъ—*льсной пожаръ*;» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у льсной Карелы ея безшисъменный языкъ; казалось, я (слова разскащика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы .Л (ель);» потомъ, для римы, встрѣтилъ ель, явленіе частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, нашелъ пристанище въ глуши, уѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марою повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетавшею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылакая зарница,» а тамъ, какъ онъ владелъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сія поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурмскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близъ Тѳлвуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселянъ онъ слылъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселянъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «рассказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверь, *не есть просто вымыселъ* (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Марѳа Ивановна въ рассказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурмскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнанницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Маша, и полились рассказы уже о преданіяхъ чистонародныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ — со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заоньги*, — имя вымышленное, просто — поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, Змѣя Тугарина. Почерпнуты ли эти рассказы позтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ, — все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежать воззрѣнію народнаго творчества. «Теперь рассказываетъ Маша все больше про свою страну и говорила дѣва паша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Мурму шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управившись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, а невидимокъ гналъ крестомъ, считалъ ихъ козни паутиной; и силой честнаго креста онъ ихъ — воздушныхъ скоморо-

ховъ, ихъ не спасла и высота... Мы помнимъ Зябѣ Тугорина (Тугарина; дѣйствительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ—великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана): онъ триста саженъ былъ длиной и горы подымалъ спиной; но Заонѣгина дубина ему далась порядкомъ знатъ. Мы помнимъ, изо всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, ковыя, стрѣлы, а Зябѣ бойцевъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталъ и полъ-Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть чертя густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотатился и тамъ у Коссазмы свалился. (Да онъ лежить тамъ и теперъ: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ скопилася земля и выросъ дѣсь.) Это описаніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣ слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣденнаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру собирать душистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подъ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ жужжить и вьется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говоритъ:—Я знаю васъ, воздушны духи!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипить воздушниковъ лихая сила, хохоchetъ, дразнить и шумить, ужъ Заонѣгу разсердила... Но—*Лазарь въ Мурмѣ зазвонилъ* (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смиренъ: прогнавъ враговъ вечерній звонъ, то въ Мурмѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогнавъ искушенія духовъ. Ясно, что Марѳа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросить многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Карелии,» въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, *изъ рукописи Бьльскаго,* сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ инымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второобразъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто вышихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокой курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дону, городъ Ростиславль, тамошнихъ жителей и совершавшіяся тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величїи посадническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечъ кладенець, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, преселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ слыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юмористическій эпизодъ о *Думномъ Дьякѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, стараго воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгою; желая развлечь подвижника соблазнительными картинками мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Что у васъ въ міру за люди? «Нхъ судитъ *Думный Дьякъ* изъ

платы, они другъ друга тянуть въ судъ, другъ друга лишь во снѣ не бьютъ... Подьячій врѣтъ передъ Дьякомъ, *Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.*» Вотъ вамъ исторія Чоботка и передукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣль, посыпавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ѡ. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалася, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать, на широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Карелии.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видитъ съ высоты Акудинъ: ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бзльскаго, ибо не можетъ статься, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акудина ноженьки по курганчику, какъ заматалася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвется въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалася (улегалися?). И беретъ онъ, Акудинъ, мечъ кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Кіеву, въ Москву. Они уѣзжаетъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удалцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшилсѣ познакомиться насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выбравъ изъ Ростиславля, Акундинъ является въ сосѣднемъ, по той же Окѣ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. вмѣсто урочища «*Мурмскаго*» и «*Мурмы,*» является область *Муромская, Муромъ*; вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татаръ, обложившихъ городъ, полонившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ Ѳ. Н. Глинка. Онъ мчится, разбиваетъ Татаръ какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названный отецъ Настасьи. Нежданъ предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва высвободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ пинками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, странникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ сражается здѣсь поминанья по батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Тайственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ѳ. Н. Глинка, пророчятъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найти «сѣрую утицу,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Марѳа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника, — «покинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи рассказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образѣ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылкая зарница, она мелькаетъ по дѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — яхонтъ, и лазурны крылы отливомъ золота горять.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *простаго народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такую-то Саха-

ревъ, чуткій къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ во образѣ Калки или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасьѣ Ивановнѣ, потому, какъ всѣ герои у Сахарова, «составлялись и переставлялись.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и Ѡ. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; напечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не совсемъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка *Акундинъ* взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Акундинѣ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѡ. Н. Глинки Карелія.*» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ѡ. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лаазарѣ Мурмскомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заопѣга. Кто читывалъ «Сказанія Русскаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—смѣется надъ прежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героевъ съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходецъ изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый *Якунь*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

лѣ—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, ис-
чадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурское
урочище,»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ
Заонежьѣ. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ
ихъ способностью передавать и рассказывать всякія дива. Тугарину мѣсто
на Окѣ; любовь романтическая—просто любовь къ Настасѣ Ивановнѣ.
Ө. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, за-
летную птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и
есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары;
а указаніе духовъ на Думнаго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель
опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь
любимыя Ө. Н. Глинкою: дай изложу дѣло, какъ оно могло быть
у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго
съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но
нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите,
кикъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы
находимъ советъ другое, мы находимъ *источникъ* и *поводъ*
творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичъ изъ
исторіи; Путята и Путятичи есть въ творествѣ Кіевскомъ, были
уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Быльны и Ска-
зокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки,—ихъ въ древнемъ творествѣ и
даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя: грустно ви-
дѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ
разсчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгора-
живалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустиѣ говорить
это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа:
но—и отраднo, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій
воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному твор-
честву воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ
фальшивыхъ поддѣлокъ: онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда ря-
домъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для
сличенія поддѣлки.

СXLIII

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, что есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходитъ къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затерянные между другими Былины *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки,» Б, посвящена именно этой новой и громадной области, со всеми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былинамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соответствующій «Указатель.»

П. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНИЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

**Выписка изъ протоколовъ засѣданій
Общества Л. Р. Сл. I.**

Пѣсни Былевья. I. Новгородскія.

Василій Буслаевъ, 1, 2, 3, 4: . . . 2—33.

Садко Купецъ, Богатый Гость, 1, 2, 3: 34—53.

Гость Терентъище: 54—60.

Пѣсни Былевья. II. Княжескія.

Димитрій Князь: 63—65.

Василій Князь: 66, 67.

Князь Михайло, 1, 2, 3, 4, 5: . . . 68—76.

Смерть Князя Михайла: 77.

Туда же относящіяся—

Король-Королевичъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.

Козаченька, 1, 2: 88—91.

Князь Романъ, 1, 2: 92—99.

**Князь Романъ—жену терялъ, 1, 2, 3, 4,
5, 6: 100—112.**

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3:	123—125.
Молодой Маюръ, 1, 2:	126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Ключничекъ,

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	128—140.
То же:	140, 141.
То же, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7:	141—154.
То же, 1, 2, 3:	154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5:	159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службу, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11:	164—178.
Князь Румянцовъ:	179.
Камеръ-лакей, 1, 2:	180—182.
Князь Данило:	183, 184.
Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Мос- ковскій Симеонъ Ивановичъ, Димит- рій Донской, Федоръ, Давидъ и Кон- стантинъ Ярославскіе (въ сносахъ):	185.
Князья Тверскіе:	186—190.

—

Приложенія.—I Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3:	I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина:	XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Нов- городскихъ Былинахъ. Сказкахъ и про- чихъ народныхъ преданіяхъ:	LIV—CXLIИ.

—

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пѣ-
сень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску,
а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А.
Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное
(съ особымъ счетомъ страницъ).

—

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая
къ нимъ Сорочка.

*

**ЕЩЕ ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ
ВЪ I-й ЧАСТИ.**

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82. Различія слѣдующія:

- | | | | |
|---------|---------------------------|-----------|----------------------------|
| 2) Б.) | Что по синему морю по | — — — — — | Что по синему по морю |
| | Каспицкому | — — — — — | по Каспійскому |
| 5) Б.) | ... отнюдь... | — — — — — | ... отнюдь... |
| 9) Б.) | ... Святогоръ... | — — — — — | ... Свѣтогоръ... |
| | ...Подъ-атаманомъ... | — — — — — | ... Подъ-атаманъ... |
| 10) Б.) | ...въ пять сотъ рублей... | — — — — — | ... во пятьсотъ рублевъ... |
| | ... во сотенку... | — — — — — | ... во сотеньку... |

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88, ст. 122 и 148: Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — — «Бсть да пить,

Вып. 4. «Замѣтка,» стран.

СХLIII, строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ; — — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — — заморить горожанъ

—

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПЪСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.



ЧАСТЬ II,
ВЫПУСКЪ 5.

—
Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственное.

*

НОВГОРОДЪ *).

193 | 194

Василій: въ V-мъ вып. без-
престанно; **Васька:** V, стр. 3, 4
и ми. др.; **Васинья:** V, стр.
14, 16, 26 и др.; **Васильюшка:**
Рыбн. ч. I, стр. 335 и дал.; **Ва-**
сильюшко: ч. II, стр. 197 и
дал.; **Васютка:** V, стр. 18, 23.—
Буслаевъ, Буслаевъ сынъ:
V, стр. 4, 5 и мног. друг.; **Бу-**
слаевичъ, сынъ Буслае-
вичъ: V, стр. 6, 16, 17 и др.; **Бу-**
слаичъ: V, стр. 11, 13 и др.;
Буславъевичъ, сынъ Бу-
славъевичъ: V, стр. 23; *Рыбн.*
I, стр. 335 и дал.; II, стр. 197
и дал.; **Буславъевъ:** *Рыбн.* I,
стр. 361; **Буславичъ:** V, *При-*
лож., стр. I; **Вогуслаевичъ**

(сомнительно): V, *Прилож.*, стр.
3 и дал.; **Бусланеичъ, Бу-**
сланеевичъ: *Рыбн.* II, стр. 57,
58.—Переносно по отцу, **Вуслай**
V, стр. 27, ст. 131.

Родныхъ Отца его и Мать,
крестныхъ Отца и Брата, Дя-
дюшку (сомнительно): см. ниже осо-
бо.—Роду дворянскаго: V, стр.
14, 24; княжескаго (вымышлено):
V. *Прилож.*, стр. III и дал.

Молодой, Младъ, Молодецъ,
Удалый, Добрый Молодецъ:
V, стр. 7, 13, 16, 17, 18, 21,
23, 25, 26; *Рыбн.* I, стр. 336,
338, 357 и др.; плечи богатыр-
скія: V, *Прилож.*, стр. II; *Рыбн.*
I, стр. 347, ст. 116; стр. 363.

*) Для полноты Указатель къ творчеству Новгорода заключаетъ сноски на 2 части
Сборника Рыбникова, въ сокращеніи «*Рыбн.*» ст. Iъ или II.»

ст. 81; СЕРДЦЕ БОГАТЫРСКОЕ: стр. 348, ст. 154, 159 и дал.; одинъ разъ лишь (и то переносно, по сравненію съ Кіевскими) названъ сильнымъ-могучимъ богатыремъ: *Рыбн.* I, стр. 335; СИЛА ВЕЛИКАЯ: *Рыбн.* I, стр. 357, ст. 199; ПОЛЕТКА СОКОЛІННАЯ, ПОСТУПКА МОЛОДЕЦКАЯ: V, стр. 28; СЛАВНЫЙ: *Рыбн.* I, стр. 360, ст. 11; БОЛЬШОЙ АТАМАНЪ, АТАМАНИЩЕ (надъ дружиною): V, стр. 30; *Рыбн.* II, стр. 205, 208.—Имъ съ молоду бито много, гравлено: V, стр. 25, 29; у него замашка великая (драться): *Рыбн.* I, стр. 351; МОТЬ-ПЬЯНИЦА: V, стр. 23; БРАННО МОЛОДОЙ КУРЪ (пѣтухъ), КУРЕНЬ, ГЛУЗДЫРЬ, СЪКТУНЬ: V, стр. 20; *Прилож.*, Пермская сказка; *Рыбн.* I, стр. 343, 356; ДИТЯ (крестному отцу?): *Рыбн.* I, стр. 356.—Посадникъ: Лѣтопись, ср. V, *Прилож.*, Замѣтка.—Княжичъ (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. VI и дал.

Холость, не женать до смерти («сосватался на Оаворъ-горѣ, женился на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ,» гдѣ убили): *Рыбн.* II, стр. 208.—Какъ холостой, не разборчивъ на слова и поступки съ женщинами: *Рыбн.* II, стр. 208.

Какъ Добрыня (ср. вып. 2 и Указатель при 4-мъ), особенно любилъ мать и былъ ею лю-

бимъ; вездѣ онъ ей называется съ особой нѣжностью «чадо милое,» «дитя рожовое,» «дѣтище любимое,» «сынъ любимый:» V, 14, 19, 21, 25; *Рыбн.* I, стр. 335, 339, 344, 345, 346, 348, 350; II, 201, 202; «какъ вьюнъ около ее (матери) увивается:» V, 24; «материно сердце (передъ нимъ) распущается:» V, 25; «матушка желанная:» *Рыбн.* I, стр. 336; «не дорого ей ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога буйная головушка своего сына любимого:» I, стр. 341; при появленіи ея, когда Василя не могъ унять весь Новгородъ, «опускаетъ онъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ;» «никого не послушалъ бы, а послушалъ родну матушку, не послушать—законъ не даетъ:» *Рыбн.* I, стр. 350, 357.

«Не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленой вязъ:» V, стр. 27, 30, 32.

Оружіе его. «Сбруя ратная, палица воинская, копые мурамецкое, тугой лукъ разрывчатый и сабля вострая (умѣлъ ими владѣть):» *Рыбн.* I, стр. 345; «палица булатная:» стр. 360; сабля и тесакъ темлячныя, одежда богатырская: II, стр. 198; «палица желѣзная:» V, стр. 20; но, хотя умѣлъ этимъ владѣть, Василю въ дѣло не упо-

требляя; при случаѣ дрался онъ «шалыгою въ 90 пудъ (вырванною у крестоваго брата Калѣки):» *Рыбн.* I, стр. 342 и дал.; случайно же употребляя «ось телѣжную,» «осище телѣжное,» «ось телѣжную желѣзную, долиною въ двѣ сажени печатныхъ, а на вѣсь ось та сорока пудъ (телѣга была великонька и тяжеленька):» V, стр. 7, 13, 20; *Рыбн.* I, стр. 347 и дал., 355 и дал.; II, стр. 199 и дал., 206 и дал.; при случаѣ также дрался «языкомъ колокольнымъ,» отобравъ его отъ Калѣки и пустивъ въ дѣло вмѣсто «червленаго вяза, копыя долгомѣрнаго, сабли острой и палицы военной:» *Рыбн.* II, стр. 200.—Но главное оружіе и единственный товарищ, въ котораго «вѣровала (см. выше),» былъ у Василія червленый, черленый, черненый, черняный (ошибочно черныи) вязъ, черненное вязище, «въ половинѣ было налито тяжела свинцу Чебурацкаго, вѣсомъ тотъ вязъ былъ во 12 пудъ» или «въ 40 пудъ:» V, стр. 10, 11, 13, 16, 27; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал., 342 и дал., 350 и дал.; II, стр. 198, 203 и дал.; V, *Прилож.* сказка, стр. IV; ичь пробовагъ дружину, дрался, подпиралясь въ ходьбѣ: см. означ. мѣста.—Тоже стемляныи вязъ, который Василій оставилъ по себѣ Новгороду на память, какъ Перунъ: V,

Прилож., сказка стр. XIII и «Замѣтка.»

Родился отъ отца и матери въ старости ихъ (см. ихъ), и потому особенно былъ балованъ; еслибъ отецъ подождалъ еще три мѣсяца, «износу дѣтищу не было бы (а то не дозрѣлъ до Кіевскихъ Богатырей):» *Рыбн.* I, стр. 335.—Первое воспитаніе его, семи лѣтъ—грамотѣ, перомъ писать, пѣтью церковному, «не было такова пѣвца во бѣлавои Новѣгородѣ сопровитъ В. Б.,» все ему «въ наукъ пошло:» V, стр. 14; учился грамотѣ вмѣстѣ съ крестовымъ братомъ (см. его) въ монастырѣ у Калѣчища (см. его и ср. Илью М.), «выучился не во листы писать, а соколомъ летать:» *Рыбн.* I, стр. 342, 343 и V, *Прилож.*, сказка, стр. I.—Послѣ долгаго вѣку отца, осталось ему большое богатство, и мѣнше дворянское, дворъ дворянскій: V, стр. 14, 15, 23, 24, 29, 33; *Рыбн.* I, стр. 344; II, стр. 208 (угощенье дружины, ихъ платье—въ краснѣ-хорошѣ, у матери золото, жемчугъ, и т. п., самъ раздаетъ золоту казну не считаючи, по смерти его раздача казны дружинѣ, монастырямъ и т. д.); во дворѣ у него были терема златоверкіе: *Рыбн.* I, стр. 337, ст. 76.—Первыя (семи лѣтъ) игры недобрыя и знакомства: V, стр. 15; *Рыбн.* I, стр. 335, 336, 344.

345; II, 201, 202.—Второе воспитаніе его (семнадцать лѣтъ) воинское и Дружина (см. ее): V, стр. 3, 4, 8, 9, 10, 11, 15, 16; *Рыбн.* I, стр. 336, 337, 338, 345, 352, 358; II, стр. 202, 203, 204; V, *Прилож.*, сказки.

Отношенія къ прочимъ Новгородцамъ, представителямъ города (см. ихъ), пиръ у Василья для нихъ и у нихъ для Буслаева, ссора, первая стычка, закладъ битвы со всѣмъ Новгородомъ, сонъ по стараніямъ матери, дѣйствія дружины, Чернавка (см. ее), пробужденіе и появленіе Василья къ Дружинѣ, бой его при мостѣ, на мосту, по Новгороду, бой съ крестовымъ братомъ и отцемъ, Калѣкамн (см. ихъ), побѣда, покорство Новгорода, дани отъ него и подарки, участіе матери въ укрощеніи сына (см. ее), явленіе Богоматери (*Рыбн.* I, стр. 344), возвращеніе домой, пиръ и хоръ дружины, похороны убитыхъ, мировая съ Новгородомъ: см. Быливы и Сказки, V, *Прилож.*, *Рыбн.* I и II, подробности въ «Замѣткѣ.»

Жизнь Василья послѣ боя: *Рыбн.* I, стр. 351; II, стр. 201.—Посадничество: Лѣтопись и «Замѣтка.»

Плаваніе по Ильменю на червленомъ кораблѣ съ Дружиною (см. ее), сборы въ Ерусалимъ, прощаніе съ матерью: V, стр. 23—25; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207; V, *Прилож.*, стр. II.

Путешествіе въ Ерусалимъ, по Ильменю, Волгѣ, Хвалынскому-Каспійскому морю, къ Ердани, встрѣча съ гостями-корабельщиками, атаманами казачьими, моленія, купанье въ Ердани, Баба Залѣсная и женщина престарѣлая (см. ее): V, стр. 25—30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; V, *Прилож.*, Сказки и «Замѣтка.»

Пророчество Головы. Смерть Василья на горѣ Сорочинской, на камнѣ Латырь, отъ Морской Пучины: см. подъ именами, а также V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360, 362, 363; II, стр. 208; V, *Прилож.*, стр. II и «Замѣтка.»

Возвращеніе Дружины къ Матери: см. эти лица.

Ошибочно помѣщенъ въ Кіевъ: *Рыбн.* I, стр. 352; тамъ же при Владимірѣ: II, стр. 197 и дал.

Примѣшанъ къ Богатырямъ Кіевскимъ, когда они «переводились на Русь»: вып. IV, стр. 108.

Имя Василья Буслаевевича вставлено вмѣсто «Ивана Годиновича»: *Рыбн.* II, стр. 57 и дал.; то же вмѣсто Безымяннаго «Доброго Молодца»: стр. 260 и дал.; а отчество «Буслаевича» придано «Вольгѣ» вмѣсто «Святославича»: *Рыбн.* I, № 1 и «Замѣтка.»

По лѣтотописи годъ смерти Василья—1171-й: см. «Замѣтку.»

ОТЕЦЪ ВАСИЛЬЯ.

Вуслай: V, стр. 14; **Ву-славъ:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. I; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; **Вуславей:** I, стр. 344, ст. 7; II, стр. 197; **Вусланей:** II, стр. 57; **Вуславьюшко, Ву-славьюшка:** I, стр. 335, 344; II, стр. 201; **Вуслаевъ** (переносно отъ сына): II, стр. 201; **Вогуслай:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. III и дал.—**Сеславъевичъ** (Святославичъ; отъ Влади-и́ра?): *Рыбн.* I, стр. 335; **Дов-МОНТЬЕВИЧЪ** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Сахар., стр. XIX.—Жилъ «вѣкъ долгій.» «де-вяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;» «съ Новымъ-городомъ жилъ — не перечился, со мужики Новгородскими поперегъ словечка не говаривалъ;» «съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился;» «поперекъ дорожки не ставился, съ каменной Москвой (позднѣйшее) не перечился, съ Новымъ-городомъ спору не было;» «со городомъ со Кіевымъ (спутано) спору не было, со матушкой каменной Москвой (позднѣйшее) во вѣкъ не бранивался.» V, стр. 14; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; II, стр. 57, 197, 201.—Въ молодые годы «не имѣлъ въ карманѣ ста рублей,

а имѣлъ дружину хоробрую.» II, стр. 202. — Князь (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чудкова стр. VI и дал. — Долго не было дѣтей, а когда нетерпѣливо захотѣлъ родить, то получилъ предсказаніе отъ Бабицы Матерой (см. ее), что если бы дотерпѣлъ три мѣсяца, износу дѣтишу не было бы; въ слѣдъ за тѣмъ родилъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 335.—Оставалось послѣ него богатство, имѣнье дворянское, дворъ дворянскій и проч.: см. Василья.

МАТЬ ВАСИЛЬЯ.

Амелеа, Мамелеа, Емельеа, Ванильеа Тимоеевна: V, № 1, 2, 3; *Рыбн.* I, № 56, 58, 60; II, № 33; V, *Прилож.*, Сказки.—

Авдотья Васильевна: *Рыбн.* I, № 55.

Офимья Александровна: *Рыбн.* I, № 57.

(Ср. Мать Добрыни и Кіевское творчество, Указат. при вып. IV).

Честна, матера вдова: без-престаня; пречестная: *Рыбн.* I, стр. 345. — Княгиня (вымышлено): V, *Прилож.*, Ск. Чулк.—**Старушка лукавая, толковая, «выгодно собой догадывалась:»** *Рыбн.* I, стр. 350, 351.—**Старуха неразмышлена** (за то,

что заперла Василья въ погребѣ): V, стр. 19. — Богатая, дворянская: см. Василья. — Особенно любила и баловала сына: ср. его и Мать Добрыни. — Воспитывала сына на малыѣ сиротою послѣ мужа, журила-бранила за проказы; подала мысль о сборѣ дружины; при вѣсти о закладѣ на бой съ Новгородомъ, схватила и заперла сына; униженно просила Новгородцевъ объ отмиѣнѣ боя, но получила грубый отказъ; когда Василій вырвался и дрался, долго не рѣшалось укрощать его, посылала Новгородцевъ къ Калѣкѣ или за сыномъ Чернавку, наконецъ, убѣжденная Новгородцами и Богоматерью, вышла сама, по однимъ въ рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ, по другимъ въ черномъ платѣ (какъ вдова и на побище), соболиной шубѣ (лѣтомъ, въ Петровкѣ?), съ шеломомъ на головѣ (ср. Кіевскихъ героинь), хитро зашла къ сыну, укротила его, воротила домой. «въ покояхъ хоронила и весело съ нимъ жила:» Былины, Сказки, V, *Прилож.*, «Замѣтка» съ подробностями, ср. Василья. — Неохотно, по нѣкоторымъ (Сказка) даже съ сердцѣмъ, пустила Василья на богомолье, предостерегала отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ купавья въ Ердани «нагимъ тѣломъ,» дала однако, разжалобившись, свинцу-пороху, запа-

сы хлѣбные и оружье долгомѣрное на дорогу; получивши вѣсть о смерти сына, горько плакала, угостила и обдарила Дружину, раздала все имѣнье по церквамъ и монастырямъ: V, стр. 24, 25, 32, 33; *Прилож.*, Сказка, стр. II; *Рыби.* I, стр. 364; II, стр. 207, 208; «Замѣтка.»

Братъ ея Калѣка: см. его.

Служанка въ домѣ Василья.

Дѣвка Чернавга, Дѣвчуха Чернавуха, дѣвка, дѣвчонка, дѣвчоночка, дѣвуха дворовая, Васильева служительница, служанка, любезная служаночка, кухарка-хлѣбница, удалая портомойница, чернешенька малешенька. — У ней «ведро кленовое,» «ведерочки дубовыя,» «коромысло кипарисово,» «коромысельцо кленовое,» «коромыселко желѣзное,» «на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое, — всего вѣсу въ немъ триста пудъ.» — Во время, какъ дружина Васильева билась съ Новгородомъ, вышла утромъ по воду на Волховъ и, на просьбу дружины — не выдать ее, поставила ведро и коромысломъ побила Новгородцевъ за сто, до пяти сотъ, тысячу, до трехъ полковъ; уставши, бросилась будить спавшаго Василья, срывала замки

булатные, размахивала двери желзныя, пристыдила Василья, выпустила его на свободу. По приказу матери, отправилась укрощать его среди побоища, сохватила Василья, притащила домой. По смерти Василья, водила дружину его по погребамъ съ казною и потчивала: V, стр. 19, 20, 22, ст. 164—198, 261—278; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова, «Замѣтка;» *Рыбн.* I, стр. 342, ст. 231—249; стр. 346, 347, ст. 77—122; стр. 355, ст. 105—119; II, стр. 199, ст. 63—71; стр. 206, ст. 160—169; V, стр. 33, ст. 291—300.

Васильева Дружина.

Дружина, дружинушка хобрая, Васильевы товарищи, братья названые, братаны, братцы, братія (Василій—«большій братъ»), добры молодцы, удалыя ребята, милые друзья, ясныя соколы: безпрестанно.—Тати-воры-разбойники, плуть-мошенникъ: *Рыбн.* II, стр. 203.—Отборныхъ три дружины (по 10 человекъ): *Рыбн.* I, стр. 338, ст. 115; тридцать молодцовъ безъ единого (29), самъ Василій тридцатый: всюду.—Сошлись къ Василью сами, имъ отобраны особыми испытаніями (взломъ по головѣ, кто больше выпьетъ и т. п.);

кормиль-пойль ихъ, одѣваль-обуваль,—и все это отлично,—Василій въ собственномъ дому (отчего послѣ они благодарили за содержаніе его мать); участвовали въ первой схваткѣ съ Новгородцами; въ главномъ боѣ со всѣмъ Новгородомъ явились первые, не дождавшись Василья; понячены отъ Волховскаго моста, изувѣчены, перевязаны, корятъ Василья за измѣну; прибѣгаютъ къ заступленію Чернавки, когда она на четвертый день вышла по воду; когда же ею выпущенъ Василій, оживились, но удалены съ бою (по крайности Василій одинъ впереди), на сторону, отдыхать; послѣ побѣды приведены въ домъ Василья, пировали, хоромъ хвалили его; увѣчые добыли до вѣку, въ ранахъ излѣчены; плавали съ Васильемъ по Ильмену, сложились на лодочку въ Ерусалимъ, послушно купались въ Ерданѣ въ рубашечкахъ, осторожно скакали черезъ камень Латырь, уцѣляли, похоронили Василья, принесли вѣсть матери, поблагодарили ее за житье-бытье въ ея домѣ, отказались взять по многу казны, простились и разошлись кому куда захотѣлося: Былины, Сказки, «Замѣтка.»—По сказкѣ Чулкова держались въ сторонѣ отъ бою съ Новгородомъ, на случай ослабленія Василья и спали пока (обратно противъ былинь), а послѣ съ

Новгородцами поднесли Василью княжество (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. X—XIII.

Изъ нихъ:

Костя Новоторжанинъ, Новоторженинъ: V, стр. 16 и дал.; *Рыби*. I, стр. 337 и дал.; **Никитинъ** (ошибка вмѣсто «Новоторженинъ?»): V, стр. 24.— Выдержалъ пробу отъ Василья вязомъ; участвовалъ въ первой нечаянной схваткѣ на пиру; первый же послѣ расхвастался: «а нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, — я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати,» — и проч., о битвѣ со всѣмъ Новгородомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ третій; въ плаваніи Василья на кораблѣ «корму держалъ.» V, стр. 16, 18, 24; *Рыби*. I, стр. 337—340, 342.— У Сахарова выставленъ безобразнымъ богачемъ: Сказка и «Замѣтка.»

Потаня, Потанюшка, Потанюшка, съ прозвищами — **Маленькой, Малый - упалый, Хроменькій, Хромненькій,** Новгородецъ, «малъ собою, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ,» «на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ-подъ рученьки по

сматриваетъ;» выдержалъ испытаніе вязомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ второй; на кораблѣ Васильевомъ, «на носу стоялъ:» V, стр. 4, 5 и дал.; 10 и дал.; 24; *Рыби*. I, стр. 338, 342, 352; II, стр. 203; V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Васинька, съ прозвищемъ **Маленькой;** вытерпѣлъ испытаніе вязомъ; при появленіи на пирѣ къ Новгородцамъ, перелѣзъ ихніе ворота и со двора отворилъ: *Рыби*: II, стр. 204, 205.

Оома, Оомушка, Хомушка, сынъ Ременниковъ, съ прозвищами — **Горбатенькій, Толстый, Толсть - благоуродливый;** въ Сказкѣ и Былинѣ испытанъ вязомъ, въ Былинѣ другой — такъ хорошо пилъ, что его Василій не шелъ и пробовать; на бой съ Новгородомъ выскочилъ первый, побилъ до пяти сотъ: *Рыби*. I, стр. 338—341, 352; V, *Прилож.*, въ Сказкѣ Чулкова: въ сей послѣдней только онъ съ Потаней, и то въ бою не участвуютъ.

Котельная Пригарина, прозвище, обращенное въ имя, то же, что «Тараканчикъ,» «дѣтина черный, поваренный» и т. п. (ср. «Замѣтку»); испытанъ вязомъ; какъ и Оома, въ битвѣ первымъ: V, стр. 4 и дал., 9 и дал.

Лука и Моисей, Дѣти

Боярскіе, два брата боярченка; ихъ приходу Василій радошень и веселешенекъ; участвовали въ первой схваткѣ: V, стр. 16, 18 (ср. въ Кіевскомъ творествѣ и Указатель «Королевичей изъ Крякова»). У Сахарова придумано разпорѣчіе **Матвей** вмѣсто «Моисей.»

Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, испытанъ вязомъ: *Рыбн.* II, стр. 203 (ср. его въ творествѣ Кіевскомъ).

Мужики Залѣшена, когда пришли къ Василью въ дружину, онъ «не смѣлъ и показатися къ нимъ:» V, стр. 16 (ср. ихъ въ творествѣ Кіевскомъ).

Семь братьевъ Збродовичи, пришли къ Василью въ дружину: V, стр. 16 (ср. ихъ въ Кіевскомъ творествѣ).

—
Враги Василья.

Новгородчана, Господа (бояре, *Рыбн.* I, стр. 337), Мужики Новгородскіе, Мужи и все купцы богатые (V, стр. 18), Мужики Посадскіе, Мужики **Городо-Кемскіе**; воры (последніе изъ нихъ); на питье завидные: безпрестанно.—Какъ съ малолѣтства Василья соорились съ нимъ, схватились по случаю пира,

сдѣлали закладъ битыя всѣмъ Новгородомъ, побили Васильеву дружину, заважничали, побиты, вызвали Калѣчища, и съ нимъ проиграли, униженно покорились, поступились богатствомъ и данями: ср. Василья, Дружину, всѣ Былины, Сказки и «Замѣтку.» — На пиру у Князя Новгородскаго упоминаются князья-бояре и даже (переносно отъ Кіева) славные-могучіе богатыри, а въ малолѣтствѣ Василья потерпѣвшіе отъ него Дѣти боярскія и княженецкія: *Рыбн.* I, стр.

338, 345.

У нихъ особенно старшіе:

Князья: *Рыбн.* I, № 55, 56 и «Замѣтка.»—Трое: *Рыбн.* I, стр. 346; двое: стр. 348, 350, 351.

Князь Новгородскій (Рюриковичъ?); у него пиръ «на многихъ князей и бояръ;» его, до битвы, просить мать Василья о помилованіи сына, въ Судѣ, но получаетъ отказъ—«тожно прощу, когда голову срублю:» *Рыбн.* I, № 55, стр. 338 — 344; № 58, стр. 360.

Оома Родіоновичъ, Князь, Старшина, Городничій (Посадникъ?), Мужикъ Новгородскій, впереди другихъ, въ посольствахъ и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 346—351; II, стр. 207; V, стр. 4, 5, 6, 11, 12.

Николай, Никола Зиновьевичъ, Князь, Воевода (Тысяцкій?), Мужикъ Новгородскій: тамъ же. Ср. при Садкѣ Лукѣ Зиновьевича.

Вибула (Микула, Николай—Зиновьевичъ?) **Ожудовъ**: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Прибавленные въ Сказкѣ Чулкова (V, *Прилож.*):

Чудинъ, старецъ (изъ «чудень старецъ?»): ср. «Замѣтку.»

Садко, Богатой Гость (съ Чудиномъ будто бы «первые посадники»): ср. ниже Садку и «Замѣтку.» — То же у Сахарова, сдѣланъ лихимъ всадникомъ.

Придуманые Сахаровымъ въ его Сказкѣ:

Чурило, котораго Сахаровъ женилъ на женѣ Дуная: ср. Кіевское творчество и «Замѣтку.»

Ставръ (еще **Путятчъ!**), по лѣтописи изъ Новгорода родомъ, сдѣланный у Сахарова страшнѣйшимъ Богатыремъ: ср. творчество Кіевское и «Замѣтку.»

Случайно попавшійся:

Владимеръ, князь, ласковый, Кіевскій (по смѣшенію): *Рыбн.* I, стр. 197.

Вызванный Новгородцами противъ Василья:

Матерой, Честной Старикъ, Старецъ, Старчище, Старичище, Старша, Пилигримище, Пилигринище, Угрумище, Преугрюмище, Преугрюмый (передѣлано изъ «Пилигримище»), Многолѣтище, Калѣка Перехожій: Былины и Сказки.

Дядька Василью, братъ его матери (это возникло вѣроятно изъ имени «дзядя,» дѣда): *Рыбн.* II, стр. 199, 200; вѣрнѣе—Васильевъ крестный батюшка: въ Былинахъ всюду.

По распоряженію матери, училъ Василья грамотѣ и во листы писать: V, *Прилож.*, Сказка Периска; *Рыбн.* I, стр. 343. — Передъ тѣмъ, какъ вызванъ на мость драться, жилъ въ монастырѣ Сергѣевомъ или Кириловскомъ: *Рыбн.* I, стр. 348, 349, 356.

Обычная одежда его, «коляпакъ въ двадцать пудъ (шляпа земли Греческой),» кляка или «костыль въ десять пудъ,» то же «шалыга 90 пудъ,» «кафтанъ въ 40 пудъ (гуны подорожная):» *Рыбн.* I, стр. 349; V, стр. 7.

Въ закладѣ на весь Новгородъ Василій обомель его изъ уваженія и отчасти страха, ибо онъ имѣлъ силу нарочитую: помня то по особому указанію матери, Новго-

родцы, въ крайней опасности, от-
правились къ нему въ монастырь
съ зовомъ «послужить имъ върой-
правдою,» въ надеждѣ, что онъ
«бываетъ — побьетъ Ваську Бу-
слаева;» при этомъ, желая «под-
купить,» поднесли богатые дары;
на это особенно старикъ «кидает-
ся и позывается;» сперва склоняетъ
мать укротить сына, потомъ от-
правляется самъ; въ чрезвычай-
номъ случаѣ, снимаетъ съ коло-
кольни или съ вѣча колоколъ,
въ 12, 40, 90, 150, 300 и 1.000
пудовъ, надѣваетъ на голову; отор-
ваннымъ языкомъ, въ 500 пу-
довъ, подпирается; появляется на
мосту Волховскомъ, мостъ подъ
нимъ гнется; сперва говоритъ мяг-
ко, и отвѣтъ Васильевъ мягокъ,
— тотъ и другой разгорячаются;
Василій его отсторонилъ; побилъ
и отвелъ; ударилъ по колоколу—
зашибъ, спихнулъ подъ мостъ, из-
дѣвался надъ тѣломъ; со смертью
его сгибла послѣдняя надежда Нов-
городцевъ: V, стр. 5, 7, 8, 12,
13, 14, 20, 21; *Прилож.*,
Сказки Пермская и Чулкова; *Рыбн.*
I, стр. 343, 344, 348—350,
356; II, стр. 199, 200, 206,
207.

Имя его:

Елизарище: *Рыбн.* I, стр.
360.

Игнатьище: V, стр. 5, 7,
8, 12, 13, 14; ср. въ Кіевскомъ
творествѣ Данилу Игнатьича,
Данилище и «Замѣтку.»

—
У него сынъ:

Григорій Игнатьевичъ,
крестный братъ Василью, учив-
шійся съ нимъ вмѣстѣ грамотъ
и тогда бывший большимъ бра-
томъ; появился на мосту, съ коло-
коломъ на головѣ, прежде отца
противъ Василья, хотѣлъ его уда-
рить шалыгой въ голову, но под-
вергся тому же, какъ послѣ отецъ,
а шалыга пошла Василью на оружіе:
V, стр. 5, 7, 12, 13; *Рыбн.* I,
стр. 342, 343; ср. въ Кіевскомъ
творествѣ Михайлу или Ивана
Даниловича и «Замѣтку (соб-
ственно одно лице раздвоено на
отца и сына).»

—
Встрѣчныя Василью, лица
и существа особыя, враги не-
чаянные:

Баба Залѣсная, приходила
при Ерданѣ къ дружинѣ Василья
и за дерзость его предсказала ему
гибель на Алатырѣ: V, стр. 30.—
Она же, **Женщина Преста-**

рѣляя, предостерегавшая Василья отъ купанья «нагимъ тѣломъ,» но отъ шутокъ его принужденная плюнуть и прочь пойти: *Рыбн.* II, стр. 208. — Она же **Вабища Матерая**, при бѣль — горючемъ камнѣ (Алатырѣ) предсказавшая Буслану рождение Василья (см. ихъ): *Рыбн.* I, стр. 335. — Ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Бабу или Бабищу Латыгорку, Латымирку, Горынинку, Мамаишину, Ягу и т. п.

Пуста голова, Человѣчья кость, Пуста голова человѣческая, Кость богатырская; прежде это былъ молодецъ не хуже Василья, а потомъ Голова ваялась на горѣ Сорочинской, по дорогѣ въ Ерусалимъ, или «не дойдучись до камени до Латыря на раздолѣ широкомъ;» когда Василій вздумалъ ее попинывать и побрасывать, обидѣлася, провѣщала, предрекла ему гибель на Латырѣ, валяться тамъ же, гдѣ и она: V, стр. 26, 27, 34; *Рыбн.* I, стр. 362 (ср. смерть Олега, встрѣчу Добрыни, Ивана по Сказкамъ, «Замѣтки» къ вып. III и къ *Рыбн.* II).

Въ ней, по мнѣнію Василья, **Врагъ** говорилъ или **Нечистой духъ**: V, стр. 26, 27, ст. 104, 105. — Такъ точно:

Чортъ несъ Старчища и его

сына въ пылъ битвы, по словамъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 343, ст. 274, 298.

Морская Пучина, «вокругомъ глаза,» лежитъ «на зеленыхъ лугахъ;» вокругъ нее Василій похаживалъ, сапожкомъ ее попинывалъ какъ Пусту Голову, — предрекла то же, что и Голова; начали скакать черезъ нее, Василій задѣлъ пальцемъ — и погибъ точно такъ же, какъ отъ Камня Алатыря (ср. его): V, *Прилож.*, Сказка Пермская, «Замѣтка» при IV и V выпускѣ.

Роговой **Камень Латырь, Алатырь** и т. п., сгубившій Василья: см. ниже, какъ камень.

Встрѣчные — Гости-Корабельщики, Атаманы козачіе, Козаки-разбойники (на Волгѣ, на морѣ Каспійскомъ), и т. д.

Прочія **Имена и Названія** см. ниже, въ заключеніи Указателя.

*

Садъ, Садко, Садко, Съдео, Сотко: V, стр. 43, ст. 46; *Рыбн.* I, № 63 и 64; *Лѣтописи*. — **Сытиничъ, Сытиничъ, Сытничъ**: *Лѣтоп.*; **Купецъ, Богатый Гость**: безпрестанно; **Богатой**: *Лѣтоп.* Безродный; молодая жена (въ

Новгородѣ) и малое дѣтище: *Рыбн.* I, стр. 370, 380.

Молодецъ, удалый, добрый: часто; Волгской Сурь: V, стр. 54, ср. «Замѣтку.»

Молодецъ былъ играть на гусляхъ, у него были наигрыши нездѣшніи, Сибирскіи, игра нѣжная, дѣлалъ ею утѣхи великія: V, стр. 37; *Рыбн.* I, стр. 371 и др.; «игралъ въ Новгородъ (бралъ содержаніе), а выгрышь (мотивъ, распѣвъ) вель отъ Царяграда: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 71, 72.

Жилъ онъ въ Новгородѣ, «прежде у Садка имущества не было, одни были гуселки яровчаты;» съ ними ходилъ онъ по пирамъ; три дня не звали его, обѣднялъ; три раза съ горя ходилъ на Ильмень и игралъ тамъ, три раза вода колыбалася, въ третій разъ явился Царь Морской (ср. его), научилъ побиться съ Новгородскими купцами объ закладъ, о томъ, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями и далъ закладъ выиграть; первое обогащеніе Садки: *Рыбн.* I, стр. 370—372.

Состроилъ себѣ Садко палаты, описаніе ихъ: *Рыбн.* I, стр. 372; 363.

Созывалъ къ себѣ на пиры мужиковъ Новгородскихъ, Настоятелей (см. ихъ), славныхъ купцовъ; похвастался передъ ни-

ми выкупить всѣ товары Новгородскіе, не успѣлъ, проигралъ и отдалъ закладъ, призналъ, что «побогаче его славный Новгородъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.

На свою казну построилъ тридцать кораблей (V, стр. 34, тридцать три) и главный—Соколь (см. его особо).—Его Дружина въ торговыхъ предпріятіяхъ — Гости, Корабельщики, друзья, братья, братцы, цѣловальники любимые, прикащики хорошіе, слуги вѣрныя; иногда—дружина, дружинушка хоробая; на кораблѣ — ярыжки (матросы, гребцы), люди наемные, подначальные: *Рыбн.* I, стр. 367 и дал.; V, стр. 41 и дал.; и мног. друг.

Ѣздилъ Садко на корабляхъ «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Синее море (Балтійское);» «воротилъ въ Золоту Орду;» по морю «Хвалынскому:» ср. эти имена; *Рыбн.* I, стр. 375; V, стр. 43. — Ѣздилъ двѣнадцать лѣтъ: V, стр. 35, 43; «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра:» *Рыбн.* I, стр. 375.—Ср. V, стр. 34—38, 41—44; *Рыбн.* I, стр. 364, 365, 368, 375—377.

На морѣ «поискала судьбина

Садку,» за неплатежъ дани Царю Морскому, поднялась буря, корабли стали; безъ успѣха опускали въ дань бочку съ серебромъ, Царь требовалъ живой головы; Садко хотѣлъ надуть товарищей жеребьями, но принужденъ былъ спуститься въ море, на дубовой доскѣ или шахматницѣ, съ гуслями и образомъ Микола, разписавши предварительно свое имѣніе въ завѣщаніи; попалъ въ царство великое, къ Царю Морскому; разыгрался, удержавъ Миколою; спасся и отъ невѣсты; проснувшись, очутился на берегу рѣки, имѣніе при немъ; очутился подѣ Новымъ-городомъ, лѣвая нога въ Волховѣ, узнавъ приходъ свой, встрѣтилъ товарищей, внесъ пошлины въ таможеню; доставленъ на Русь Чернавкою; проснулся во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву на крутомъ кряжѣ; встрѣченъ женою, убѣжденъ не ѣздить больше по сию морю; соорилъ церкву соборную Микола Можайскому, не сталъ больше ѣздить на сине море, сталъ поживать во Новѣ-градѣ: V, стр. 34—41, 41—47; *Рыбн.* I, стр. 364—367, 368—370, 374—380. —Ср. особенно Царя Морскаго, Царицу, Чернавку.

Какъ по морю, такъ и по Волгѣ (см. ее особо) гулялъ Садко также двѣнадцать лѣтъ, за что получилъ особое прозвище Волгскаго сура (см. выше); отъѣз-

жая въ Новгородъ, побывать, благодарить Волгу хлѣбомъ съ солью; Волга посылаетъ поклонъ и поручаетъ Садку брату своему Ильмену (см. его особо); когда Садко справляетъ поклонъ, является отъ Ильмена посланный молодецъ (Волховъ? См. его особо) и научаетъ, и даетъ средства разжиться; повторяется то же, что выше, при первомъ обогащеніи черезъ рыбу; Садко приноситъ Ильмену благодарность, получаетъ дальнѣйшія поученія, какъ жить; на пиру хвастается скупить все товары Новгорода; дѣлаютъ записи закладныя, Садко побѣждаетъ и какъ побѣдитель насмѣвается Новгороду: V, № 3, стр. 47—53.

Тогда же сооружаетъ Церкви (описание ихъ богатства), Стефана Архидьякона, Софіи Премудрая, Николая Можайскаго: V, стр. 52, 53; Бориса и Глѣба, каменную: Лѣтописи, ср. «Замѣтку.» Эта послѣдняя постройка — 1167 года: Садко современникъ Василью Буслаеву.

Онъ же противъ Василья Буслаева въ числѣ главныхъ Новгородцевъ (возможно, если не вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Въ Сказкѣ Сахарова сдѣланъ лихимъ всадникомъ: см. тамъ же.

Лица окружающія Садку и его Благодѣтели (враговъ въ собственномъ и постоянномъ смыслѣ у него не было, см. «Замѣтку»).

Новгородскіе Настоятели (Старшина и Воевода, Посадникъ и Тысяцкій? См. «Замѣтку»); говорятъ на пиру первые; при похвальбѣ Садки, «не успѣлъ онъ слова вымолвить,» — «ударили о великѣ закладъ,» отъ имени всего Новгорода; когда онъ проигралъ закладъ, «денежекъ тридцать тысячей отдавалъ онъ» тѣмъ же «Настоятелямъ Новгородскимъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.—Ср. соответствующія мѣста въ другой Былинѣ, гдѣ спорившіе названы славными купцами, мужиками Новгородскими, а рѣчи Садки записывали, дѣлали записи закладныя отъ лица города; тутъ же замѣчено, что Садко «сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей (надсмотрщиковъ таможи,» сталъ водиться со посадскими людьми: V, стр. 50—52; ср. при Васильѣ двухъ Князей, Старшину—Городничаго и Воеводу; «Замѣтка.»—Имена ихъ:

Оома Назарьевъ: *Рыбн.* I, стр. 373, ст. 97.

Лука Зиновьевъ: тамъ же; ср. при Васильѣ, современникъ Садки, Николая Зиновьева.

Царь Морской, Морскій (позднѣйшее **Заморскій**), **Поддонной, Водяникъ:** V, стр. 35—40; 43—46 (здѣсь всюду «Морской,» одинъ разъ «Заморскій»); *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368—370; 371; 375—379.

Живетъ въ озерѣ Ильменѣ; отъ его движеній, въ озерѣ вода колебается; выходитъ изъ озера и разговариваетъ съ кѣмъ желаетъ; знаетъ городскія дѣла и людскія нужды; владѣетъ рыбами съ золотыми перьями; награждаетъ ими кого хочетъ: *Рыбн.* I, стр. 370—372.—Живетъ въ морѣ, Синемъ (Балтійскомъ), въ синемъ Хвалынскомъ, подъ водою (къ нему спускаются), подо дномъ (Поддонной), на днѣ; у него тамъ царство великое («объявилось на днѣ царство великое»); «на самомъ днѣ, во синемъ морѣ, стоитъ палата бѣлокаменная;» надъ нею къ верху, сквозь воду, можно видѣть «пекучись (какъ печеть) красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю;» тамъ онъ сидитъ въ палатѣ; тамъ, во синемъ морѣ, у него воля своя (у приходившихъ «воля не своя»); тамъ у него бывають пированьица, почестны пиры, пляски, хороводъ, присядка; царство его противоположно Руси (онъ «доставляетъ» на Русь; отъ него нужно бываетъ «на Русь сходить»):

день или успѣлъ перехитрить; вороватшагося оттуда встрѣчаютъ какъ воскресшаго; уговариваютъ больше уже не пускаться въ море, да онъ и самъ не идетъ: V, стр. 34—46; *Рыбн.* I, стр. 364; 365—367; 368—370; 375—380.

Всей этой участи подвергся Садко: см. его и указанные мѣста.

Ср. въ «Указатель» при IV вып. Водянаго Царя и сродныя лица въ творествѣ.

ЖЕНА ЦАРЯ:

Царица Морская, Поддонная, Водяница: V, стр. 38 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 369.—Живетъ съ Царемъ, занимаются съ нимъ рѣшеніемъ загадокъ, споруютъ, перетакиваютъ; безъ устали подъ игру Садки поплясываетъ; беретъ сторону молодого пришельца, растолковываетъ ему, что значать въ самомъ дѣлѣ пляски Царя; научаешь, какую выбрать невѣсту, указываетъ на Чернавку, содѣйствуетъ тѣмъ выходу на Святую Русь, на бѣлый свѣтъ: когда споръ ихъ съ мужемъ рѣшенъ былъ гостемъ не по ея словамъ, Царь вскочилъ и срубилъ ей голову саблею: см. тамъ же и ср. Саламанію (на ступени старшей, какъ старую богиню, склон-

ную къ юности), во II ч. *Рыбн.* и «Замѣткѣ.»

ДВѢ ДОЧЕРИ ЦАРЯ:

Двѣ Дочери Прекрасныя: *Рыбн.* I, стр. 366.

Дочь любимая, которую Царь «выдавалъ во тыѣ во славно Окіянь-море,» ради которой сдѣлалъ въ царствѣ «почестень пирь:» *Рыбн.* I, стр. 368, 369.

Дочь любимая, большая, **Царевна Морская;** по предложенію Царя, Садко согласился взять ее за себя, только бы «достаться на Святую Русь.» Царь велѣлъ доставить, она доставила, а Садко «поклонился и распростился съ ей,—ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришель, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла.» — *Рыбн.* I, стр. 366, 367.

Она же—

Чернава, Черनावушка, Дѣвушка Поваренная, дѣвушка похуже всѣхъ, идетъ позади всѣхъ, поменьше и почернѣя всѣхъ, однакоже (въ другой былинѣ) дѣвица красавица; ее научили Садку выбрать и Царица, и Микола: послѣдній указалъ, какъ условіе спасенія, не соеди-

няться съ нею въ морѣ, не обнимать, не цѣловать ея; такъ и сдѣлалъ Садко, когда положили спать новобрачныхъ; проснулся, — «а невѣсты его и въ слыху нѣтъ,» приданое же, три бочки возлѣ; проснулся — «о рѣку Чернаву (одного имени съ дѣвушкой, см. рѣку Особо) на крутомъ краю;» хотя, во избѣжаніе соблазна, Садко даже «свои рученьки ко сердцу прижалъ,» но со полуночи въ просоньи двинулъ было лѣвой ногой, — «ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подѣ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ:» V, стр. 39—41: 45, 46; *Рыбн.* I, стр. 378—380. — На низшей степени, въ рабствѣ, какъ служанку, ср. ея съ Чернавкою при Васильѣ, Саламанці — *Рыбн.* ч. II и «Замѣтка;» какъ Царевну, дочь, но на степени униженія, страданія, такъ что нельзя было обнимать и цѣловать, можно было оставить, обмануть и т. п., ср. также Саламанію въ видѣ юной невѣсты, Царицы Южской, жену Потыка (вып. IV, «Замѣтка») и т. д.; какъ Царевну, дочь Морскаго Царя, Прекрасную, доставляющую на Русь, хотя еще и не въ концѣ тяжелыхъ испытаній, ср. Василису Грозную, Прекрасную, Премудрую и т. п., вып. IV и «Замѣтка,» *Рыбн.* ч. II, «Замѣтка.»

При Царѣ же:

Красныя дѣвушки хороводъ водятъ: *Рыбн.* I, стр. 369; три триста дѣвицъ красавицъ, готовыхъ въ невѣсты: тамъ же, стр. 379, 380; три толпы такихъ же дѣвицъ: V, стр. 39, 40; тридцать: стр. 45. — Мелкая четъ (чадь, челядь), которая пляшетъ въ присядку: *Рыбн.* I, стр. 369. — Слесаря для починокъ: V, стр. 39.

Еще благодѣтели Садка:

Волга, матка, матушка, славная; сестра Ильмену, а онъ ей братъ (ср. его); ѣздивши по ней, благодарятъ ея, какъ и море (ср. выше), опуская въ воду великой сукрой (краюху) хлѣба съ солью, за то, что берегаетъ отъ притки-скорби, въ добромъ здоровьѣ; уѣзжая съ нея, сказываются, куда ѣдутъ, прощаются, отошедъ кланяются; она со своими Гостями бесѣдуетъ, посылаетъ съ ними поклоны другимъ роднымъ, на приѣздъ брату Ильмену, поручаетъ любимца ихъ покровительству (сдастъ съ рукъ на руки); все это было съ Садкою, который гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и «зналъ

ее со вершины до устья, а и нижняго царства Астраханскаго,» откуда и прозванъ «Волгскимъ Суромъ (ср. выше)»: V, стр. 47, 48. — Ср. и Василья, какъ онъ изъ Волхова и Ильменя въѣзжалъ въ Волгу, по ней въ море Хвалынское, изъ моря въ Ердань.

Ильмень, славной, славное озеро, братъ Волги (см. ее); въ немъ живеть, изъ него показывается Морской Царь (ср. его); въ немъ же три рыбины съ золотыми перьями, приносящія богатство; будучи въ родствѣ съ Волгою (соединялись путемъ), принималъ отъ нея поклоны, на встрѣчу приносящимъ высылалъ молодца (ср. его ниже) и, удостоившись, что присланный точно отъ Волги, награждалъ его ловлею трехъ сортовъ рыбы, которые послѣ оказывались «деньгами дробными, червонцами и монетами (ср. рыбъ съ золотыми перьями);» ему, приходя, били челомъ, просили поучить жить во Новѣ-градѣ; къ кому онъ благоволилъ, онъ тому говорилъ и того училъ; все это имѣло мѣсто съ Садкою: V, стр. 48—50; *Рыбн.* I, стр. 370—372; ср. какъ плавалъ по немъ Василій, V, стр. 23—25; соеди-

няясь съ Волгою, черезъ нее съ моремъ Хвалынскимъ и Ерданью. Ильмень въ Новгородскомъ творчествѣ встрѣчается не разъ на протяженіи отъ Новгорода до Ерусалима: ср. *Голуб. Книгу* и «Замѣтку.»

Удалой-доброй молодецъ, посланный отъ Ильменя на встрѣчу къ Садкѣ и съ нимъ переговаривавшій отъ лица Ильменя, вѣроятно **Волховъ**: V, стр. 48.

Высшій помощникъ Садки:

Святитель Николай, Никола, Микола Можайскій, Угодникъ: его образъ взялъ съ собою въ правую руку Садко, отправляясь по жеребью къ Морскому Царю (ибо Святитель издревле покровительствовалъ мореходцамъ и гостямъ, ср. «Замѣтку» при II ч. *Рыбн.*); онъ же, какъ старчище не знай собою (невѣдомый), старикъ съдатый, вслѣдствіе молитвъ народа, тронулъ Садку въ плечо своей силою, явился ему въ явѣ или во снѣ, остановилъ игру на гусяхъ, научилъ, какъ поступить при выборѣ невесты и спастись, а за то, по воз-

вращеніи въ Новгородъ, велѣлъ построить соборную церковь Миколаѣ Можайскому; проснувшись и очутившись на Руси, подъ Новгородомъ, Садко «узналъ церкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго;» при этой же церкви вступилъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ, и на свои богатства «Божій храмъ соорудилъ во имя Николая Можайскаго:» V, стр. 37, 39; 45, 46; 54, 53; Рыбн. I, стр. 369; 378—380; ср. при Потыкѣ въ Кіевскомъ творчествѣ, а церковь ниже особо.

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Садкѣ, см. ниже особо.

*

Терентьище, Терентій, Богатой Гость (ср. Садку), старый, старый мужъ; жилъ въ Новгородѣ, въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ (по его имени) Терентьевской; описаніе двора его; у него молодая жена (ср. ее), подъ предлогомъ недуга выпроводила старика «добывать дохтуровъ и спрашивать волхи;» прежде по улицамъ и площадямъ старика было слыхомъ не слышать в

видомъ не видать, а теперь бродилъ онъ «что корова заблудящая, что ворона залетающая;» встрѣтилъ Скомороховъ (ср. ихъ), они догадались, въ чемъ дѣло, за сто рублей согласились помочь, спрятали старика въ мѣшокъ, пришли къ нему во дворъ, заставили жену высказаться, старика выпустили, онъ вязомъ и дубиною вылъчилъ жену, а Недуга вонъ погналъ; въ благодарность же далъ Скоморохамъ еще сто рублей: V, стр. 54—60; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Пляна, Ерму и Чурилу; «Замѣтка.»

ЖЕНА ЕГО:

Авдотья Ивановна, молодая, выпроводившая старика мужа, впустившая къ себѣ Недуга, обрадовавшаяся ложной вѣсти о гибели старика, поругавшая его, — а онъ слышалъ, — и за то наказанная: см. тамъ же и въ Кіевскомъ творчествѣ Катерину Прекрасную, Пермитиуху.

Пособники Терентьища:

Скоморохи, Веселые, Веселые молодцы, люди въ жаливые, очестливые; встрѣ-

чаются у мосту; играютъ въ гусельцы, поютъ пѣсенку; изъ нихъ одинъ Мѣхоноша; легко догадываются о смыслѣ семейныхъ дѣлъ и—за дорогую плату—возстановляютъ «правду великую»; все это случилось съ Терентьичемъ (ср. его): V, стр. 55—60; ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

Прочія имена и названія, встречающіяся при Терентьичѣ, см. ниже особо.

*

Акундинъ, Заонѣга, Лазарь Мурмскій, Тугаринъ и прочія лица, на сколько есть въ нихъ вѣрнаго: см. Сказку Сахарова и «Замѣтку»; **Князя Глѣба Ольговича** см. въ Указателѣ Былинъ Княжескихъ.

*

Перунъ въ преданіи объ его низверженіи и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ: см. *Летописи* и «Замѣтку.»

*

Б) Имя Собственное.

Земли, орды, царства, города, церкви, образа, братчины, монастыри, мосты, улицы, слободы, башни, горы, камни, кости, моря, рѣки, озера, болота, острова, корабли, деревья, и т. п.

Русь, Святая Русь, гдѣ помѣщается и Новгородъ, противоположно Царству Морскому (см. его): V, стр. 38, 39, ст. 146, 148, 153, 191; стр. 40, ст. 209; *Рыбн.* I, стр. 365, 366, ст. 22, 38, 44, 59.—**Матушка:** *Рыбн.* I, стр. 366, ст. 63.

Залъсье, Заолъсье: ср. Мужиковъ **Залъшень.**

Орда:

Золотая Орда, куда завозачивалъ Садко съ товарами Новгородскими: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 178—180.

Царства:

Астраханское, нижнее, куда доплывалъ Садко: V, стр. 48.

Морское, Поддонное, Водяное (судя по Царю и Царвицѣ), великое, на днѣ моря: *Рыбн.* I, стр. 368.

Города:

Новгородъ: безпрестанно.—
Великій: V, стр. 14, ст. 1; стр. 23, ст. 1.—**Славный:** V, стр. 3, ст. 15; стр. 14, ст. 1, 25; стр. 16, ст. 62; стр. 23, ст. 1; стр. 34, ст. 2 и др.—
Его слава великая: *Рыбн.* I, стр. 374.—**Стольный:** V, стр. 54, ст. 1.—**Богатый:** V, стр. 53, ст. 190; *Рыбн.* I, стр. 374, ст. 165.—
Въ немъ рѣка Волховъ, мость Волховскій, башня Проѣзжая, Церкви, Монастыри, Улицы, Слободы: см. ихъ ниже особо; его **Князья, Настоятели, Воевода, Старшина-Городничій, славные купцы, мужики, посадскіе и т. п.:** см. ихъ.

Торжокъ, откуда **Костя Новоторженниъ:** см. его.

Кемь, откуда **Мужики городокемскіе:** см. ихъ.

Опсковъ, съ которымъ **Буславъ** не вадоривалъ: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 4.

Москва, матушка, каменная, съ ней **Буславъ** не пере-

чилъ, не бранивался: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 5; II, стр. 197, ст. 4; стр. 201, ст. 5; Московскіе товары въ Новгородѣ: I, стр. 374, ст. 158; ошибочно, въ закладѣ **Василья побороть** всю Москву: *Рыбн.* II, стр. 197, 198.

Кіевъ, ошибочно, что у **Буслая** съ нимъ спору не было, что **Васвай** поспорилъ побороть **Кіевъ** и жилъ въ немъ: *Рыбн.* I, стр. 352; II, стр. 197 и дал.

Можайскъ, откуда **Микола Можайскій:** ср. его, образъ, церковь.

Смоленскъ, откуда **монастырь Смоленскій:** см. его.

Царь-градъ, его **выигрышь** (мотивъ, распѣвъ) на гусяхъ: *Рыбн.* I, стр. 369 (такъ **уиѣлъ** играть **Садко**, ср. его).

Ерусалимъ, Ерсолиимъ, Іерусалимъ, святой градъ: V, стр. 24, 25, 28, 29, 31; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207.

ЦЕРКВИ:

Ниволая, Ниволы, Миволы Можайскаго, соборная, приходъ **Садки**, гдѣ онъ вступилъ и въ братчину, а послѣ, по повелѣнію **Святителя**, отстроилъ ее съ особымъ **вельколѣпиемъ:** V, стр. 46, 51, 53; *Рыбн.* I, стр.

379, 380; здѣсь же, вѣроятно, въ братчину Никольщину вступилъ Василій: см. его; ср. ниже образъ.

Стефана Архидьякона, по былинѣ построенная также Садкою съ большимъ великолѣпиемъ: V, стр. 52.

Софiи Премудрыя, то же: *тамъ же*; ср. *Лѣтоп.* и «Замѣтку.»

Вориса и Глѣба, каменная, построенная Садкою въ 1.167 году: *Лѣтописи* и «Замѣтка.»

Честна Вздвиженья, также въ Новгородѣ, «у жива моста каменная,» гдѣ встрѣтилъ Терентийсе себѣ помощниковъ: V, стр. 55, 56, ст. 45—48.

ОБРАЗА:

Николы Угодника (ср. Церкви), взятый Садкою въ Морское Царство: V, стр. 37, 39.

Преображенскiй, на Оаворъ-горѣ, въ соборной церкви съ 12 престолами, у камня Латыря; Василій убился не достигши церкви и образа: *Рыбн.* I, стр. 361—363.

БРАТЧИНА:

Никольщина, Николь-

щина, братчина, братщины, братовщины, при церкви Николы Можайскаго (ср. его) въ Новгородѣ, подъ начальствомъ «старосты церковнаго,» куда вступали Василій и Садко (ср. ихъ): V, стр. 4, 14, 17, 51.

МОНАСТЫРИ:

Спаса Преображенiя, въ Новгородѣ; Костя по уваженiю исключилъ его изъ своего заклада: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 340.

Матушки Пресвятой Богородицы, въ Новгородѣ и въ томъ же закладѣ Кости: *тамъ же*.

Смоленскiй, въ Новгородѣ, то же: см. *тамъ же*; изъ него вышла Богородица къ матери Василья, чтобы унять его: *Рыбн.* I, стр. 344; одно и то же съ предыдущимъ?

Сергѣевъ, гдѣ жилъ Старчище: см. его и *Рыбн.* I, стр. 348, 349.

Кириловскiй, гдѣ жилъ тотъ же Старчище: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 356.

МОСТЫ:

Волховъ, **Волховскiй**, средоточiе борьбы Новгорода съ

Буслаевымъ: безпрестанно. — Перунъ бросилъ на него свою палицу, откуда игры и бои Новгородцевъ на мосту: *Лѣтоп.* и «Замѣтка;» ошибочно **Обужовъ** (вмѣсто «Волховъ мость»): *Рыби.* II. стр. 200.

Живой мостъ калиновый, въ Новгородѣ (всякой, на скоро сдѣланный, временный; подобно переходить у насъ часто имя **Живаго моста** въ имя собственное, т. е. усвоенное извѣстному, тому, а не другому мосту): V, стр. 56.

—
Улицы:

Волхова, вдоль по рѣкѣ Волхову, гдѣ **Василій**, выскочивши изъ подъ заповоръ, показался вырывать своихъ товарищей: V, стр. 21.

Рогатица, поприще первыхъ проказъ **Василья**: Новгор. *Лѣтописи* и Сказка **Чулкова**.

Юрьевская, также въ Новгородѣ, гдѣ жилъ **Терентьище**: V, стр. 54.

—
Слобода:

Терентьевская, по имени жившаго тутъ **Богатаго Гостя Терентія**: см. его в V. стр. 54.

Башня:

Проѣзжая (при въѣздѣ на мость **Волховскій** или при соединеніи **Волхова** съ **Ильменемъ**, имя нарицательное, можетъ стать обращенное въ собственное), подъ которую подѣзжалъ **Садко**, по приказанію **Волги**, править отъ нея челобитье: V, стр. 48.

—
Горы:

Сорочинская (кажется при въѣздѣ изъ **Волги** въ **Каспійское море**), на ней **Пуста Голова** и камень **Латырь**, гдѣ и погибъ **Василій** въ обратномъ пути изъ **Ерусалима**: V, стр. 26, 27, 31, 32.

Ѡаворъ-гора, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ **Сорочинская**, но въ землѣ **Ерусалимской**; славная; выкупавшись въ **Ерданѣ**, на ней **Странники** сушились: тамъ же лежалъ камень **Латырь**, а за нимъ, къ верху, стояла церковь соборная, со 12 престолами (въ честь **Апостоловъ**, передъ копиемъ—по нашему творчеству народному въ числѣ 12-ти — преобразился **Христосъ**) и образомъ **Преображенскимъ**: здѣсь-то на **Латырѣ** погибъ **Василій** и потому завѣщалъ дружинѣ передать матери, «что составался на **Ѡаворъ-горѣ** и же-

нился на бѣломъ-горючемъ камеш-
кѣ:» *Рыбн.* I, стр. 361—363;
II, стр. 208.

—
Камни:

Латырь, на горѣ Сорочин-
ской (на самой сопкѣ, вершинѣ)
и потомъ на Фаворѣ-горѣ: въ
последнемъ мѣстѣ на немъ «пре-
образился самъ Иисусъ Христосъ;»
лежалъ онъ не много ниже по-
мѣщавшейся далѣе на Фаворѣ со-
борной церкви съ образомъ Пре-
ображенія; а еще ниже его, на
пути къ нему, лежала Пуста
Голова (ср. все это выше);
бѣль-горючій; «въ вышину три
сажени печатный, а черезъ его
(въ ширину) только топоръ подать,
въ долину три аршина съ чет-
вертью;» разныя надписи на немъ;
здѣсь-то погубъ Василій (ср.
его): V, стр. 26, 27, 31, 32;
Рыбн. I, стр. 360—363; II,
стр. 208; подробнѣе въ «Замѣт-
кѣ;» ср. тождественную Морскую
Пучину и творчество Кіевское.

Яхонтъ, славный камеш-
кѣ, вставленъ былъ вмѣсто
очей въ корабль Садковъ Соколъ
(ср. его): *Рыбн.* I, стр. 364,
ст. 34, 35.

Кости:

Пуста Голова, Человѣчья Кость, Кость Вога-
тырская: см. выше, какъ лицо
пророчествующее.

Рыбій Зубъ, изъ котораго
сдѣлана было во дворѣ Ткренть-
ища (ср. его) подворотина: V, 54.

—
Моря:

Окіянь-море, славное,
въ которое Царь Морской
(ср. его) выдавалъ дочь любимую
за мужъ (изъ моря Хвалынскаго
или Балтійскаго: по Олонцкой
мѣстности, гдѣ записана Былина,
нужно разумѣть Атлантъ или Бѣ-
лое, Ледовитое): *Рыбн.* I, стр.
369, ст. 65, 66.

Сине море, нужно разумѣть
Балтійское, по описанію пути
изъ Волхова въ Ладожско, со Ла-
дожка во Неву рѣку, со Невы
рѣки во Сине море (если же здѣсь
упоминается, что Садко «воротилъ
въ Золоту Орду,» то это или
по пути Норманновъ вокругъ
Европы, или по вліянію другаго
разряда Былинъ, гдѣ путь Садки
описанъ по Волгѣ и въ море Кас-
пійское): здѣсь-то случилось из-
вѣстное приключеніе съ Садкою
(ср. его), здѣсь подъ водою было
царство Морскаго Царя (ср.

его) и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 173—178 и далѣе; то же Балтійское море подъ именемъ Синяго должно разумѣть во всехъ Былинахъ о Садкѣ изъ Олоонецкой мѣстности, *Рыбн.* I; здѣсь оно именуется иногда славнымъ: стр. 364, ст. 37; стр. 368, ст. 45.

Хвалынское, въ Былинѣ о Садкѣ изъ Сибирской мѣстности (Кирша Даниловъ) занимающее совершенно то же мѣсто и значеніе, съ тѣмъ же описаніемъ приключеній Садки и Морскаго Царства, какъ выше море Балтійское; Хвалынское соединялось воднымъ путемъ (Волжскимъ) съ Волховомъ, ибо изъ него, черезъ Ильмень, въѣзжаютъ корабли въ Волховъ, «отъ того снѣга моря Хвалынскаго по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей:» V, стр. 43—46, ст. 46—160. Сравни то же море:

Каспійское, славное море; черезъ него лежалъ «прямой путь въ Іерусалимъ градъ,» семи-недѣльный; изъ Іерусалима также ѣздили прямо «по морю Каспійскому къ Нову-городу;» путь описывается—по Ильменю въ Новгородъ (черезъ Волховъ), изъ Новгорода по озеру Ильменю, потомъ (черезъ Волгу) въ Каспійское, отсюда «прямымъ путемъ» въ Ердань-рѣку, въ устьѣ ея, откуда

пѣшкомъ въ Іерусалимъ; это путь Василья (ср. его): V, стр. 23—32, ст. 2, 15, 16, 55, 56, 67, 68, 71—84, 121—184, 199, 200, 214—235, 275—280; ср. выше Волгу, Ильмень и Волховъ, родство ихъ, передачу поклона отъ Волги къ Ильменю въ Новгородѣ, переговоры Ильменя черезъ Волховъ съ пришельцемъ отъ Волги, въ Былинахъ о Садкѣ.

—
Рѣки:

Волховъ, Волхъ: безпрестанно, особенно въ Былинахъ о Васильѣ (ср. его).—Славная матушка (вѣроятно перенесено отъ Волги, которою ѣздили съ моря Хвалынскаго, ср. ее): V, стр. 46, ст. 158.—Рѣченька (рѣка безпрестанно): *Рыбн.* I, стр. 351, ст. 261; II, стр. 206, ст. 161; рѣченька **Волхова:** V, стр. 353, ст. 62 и дал.—Здѣсь знаменитый мостъ, памятный преданіями о Перуизѣ, драми, борьбами, судебными расправами, битвою Василья; улица, на которой показался Василій своимъ товарищамъ, выскочивши изъ подъ запоровъ; сюда ходила за водою Чврнавка; сюда, «наквасить рѣку,» грозилась Василью Новгородцы, но, вмѣсто того, напол-

нили ее своими трупами, такъ что «на пѣлюю на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася;» здѣсь очутился лѣвой ногою Садко, когда проснулся отъ своихъ приключеній въ Морскомъ Царствѣ; здѣсь же увидалъ плывущими свои корабли съ товарищами и т. п.: ср. имена этихъ лицъ и предметовъ, а также выше Удалаго-добраго молодца, высланнаго для переговоровъ съ Садкою отъ Ильмена.

Обь, занявшая мѣсто Волхова въ Периской Сказкѣ: V. *Прилож.*

Чернава, въ Новгородѣ, одноименная съ дѣвушкой Чернавой (ср. ее); въ одной былинѣ лѣвая нога Садки (ср. его), закинутая въ просоньи на Чернаву, оказалась въ Волховѣ, а въ другой Садко очутился «о рѣку Чернаву:» V, стр. 46, ст. 150; *Рыбн.* I, стр. 380, ст. 363, 364.

Нева, путь по ней (ѣздилъ и Садко, ср. его) изъ Ладожска, Волхова и Новгорода въ Балтійское море: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 175, 176.

Волга, ср. ее выше, какъ лицо.

Кума, въ названіи острова Куминскаго: см. его.

Иордань, **Ердань** - рѣка, которою отъ моря Каспійскаго (ср. его) подъѣзжали къ Ерусалиму и ставились на корабляхъ въ устьѣ; матушка (*Рыбн.* I, стр.

361, ст. 5): въ ней Странники должны были купаться (какъ и нынѣ), чтобы послѣ сушиться на Фаворъ-горь (ср. ее); но нельзя было купаться нагимъ тѣломъ, а въ рубашечкахъ, ибо «нагимъ тѣломъ» крестился только Христосъ (ср. также въ Кіевскомъ творчествѣ Пучай-рѣку и купанье Добрыни «нагимъ тѣломъ,» *Рыбн.* I, стр. 121); Василья (ср. его) предостерегала о томъ мать, но онъ не послушался и за это, по предсказанію Бабы Залѣсной, Женщины престарѣлой (см. ее), послѣ потерпѣлъ: V, стр. 24; 29, 30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208.

—
ОЗЕРА:

Ильмень: см. его выше какъ лицо.

Ладожско, по немъ также ѣздилъ Садко (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 174, 175.

—
БОЛОТА:

Каростанскія, обильныя комарами: Сказка Чулкова. V. *Прилож.*

—

Островъ:

Куминскій, въ устьѣ Кумы, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ стояла «застава крѣпкая,» стояли «атаманы козачіе, три тысячи,» грабили «бусы - галеры,» разбивали «червленые корабли,» «козаки-разбойники, стары атаманы:» гости-корабельщики предостерегали Василья (ср. его) отъ этой заставы, но онъ поѣхалъ, ибо это былъ прямой путь съ Волги чрезъ Каспійское море въ Ердань, къ Ерусалиму: на этой «заставѣ карабельной» атаманы, противъ ожиданія, скоро узнали Василья по поступкѣ, угостили, одарили, дали въ Ерусалимъ провожатаго: на обратномъ пути изъ Ерусалима Ваислій опять заѣхалъ къ нимъ, удостовѣрилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что въ Ерусалимѣ за нихъ много трудовъ положилъ, и простился: V, стр. 26—31, ст. 71—84, 121—175, 214—235.

КОРАБЛЬ:

Соколъ, одинъ изъ тридцати (или тридцати трехъ) Садковыхъ,

на которомъ ѣздилъ самъ; Садко (ср. его) самъ себѣ его строилъ, «корму по гусиному, носъ по орлиному, въ очи вкладывалъ по камешку по славному по яхонту:» V, стр. 41—43, ст. 1—6, 72—78; стр. 46, ст. 159, 160; стр. 34, ст. 18—22; *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 30—39; впрочемъ и остальные его корабли были «червленые,» «великіе,» «снасточки шелковыя, кормы писаны по звѣринному, а носъ писанъ по змѣиному:» *Рыбн.* I, стр. 368 и др.—Ср. корабль и у Василья, летѣвшій какъ Соколъ: *Рыбн.* II, стр. 207, ст. 219.—Ср. также корабль Соколъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

ДЕРЕВЬЯ:

Кипарисное, Кипарисово, дерево правое, ибо на немъ «Христось распять есть:» V, стр. 37; коромысло у Чернавки (съ Юга, ср. «Замѣтку»): стр. 19.

Яворъ, изъ котораго обычно гусля (яворчаты, яровчаты): безпрестанно.

*

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Христовъ, Христосьскій, день (Свѣтлое Воскресенье): *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 197; стр. 356, ст. 169; II, стр. 200, ст. 114.— Гробница въ Ерусалимѣ: II, стр. 207, 208.

Господній, гробъ, въ Ерусалимѣ: *Рыбн.* I, стр. 361.

Вожьи, церкви: *Рыбн.* I, стр. 377; II, стр. 208.

Петровъ, день: *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 198; стр. 356, ст. 170; II, стр. 200, ст. 115.

Православный, народъ, Русскій: V, стр. 45.

Вѣсовскія, игры, пляски въ Морскомъ Царствѣ: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 88, 89, 97.

Новгородскій, Новгородскій: князя, настоятели, мужики, господа, купцы, башлыки, и т. п., безпрестанно; товары: то же; великая слава: *Рыбн.* I, стр. 374.

Волгской, Сурь, прозвище Садки (ср. его) отъ Волги: V, стр. 51, ст. 113.

Сибирскій. Нангрыши, не-здѣшніи; камочка: V, стр. 37, ст. 125, 127.

Мурзаметскій. Копье: *Рыбн.* I, стр. 345, 347.

Чебурацкій (?), свинець: V, стр. 16, ст. 72.

Залѣсный. Баба, прорицательница: V, стр. 30, ст. 203.— Ср. Залѣшенъ, V, стр. 16, ихъ же въ Киевскомъ творествѣ и Залѣсье, Заолѣсье.

Заморскій. Камочка: V, стр. 37; булатъ: стр. 42; товары: *Рыбн.* I, стр. 374 (то же, что нынѣ «Нѣмецкій», имя для чужихъ странъ); Царь, вмѣсто «Морской:» ср. его и V, стр. 43.

Можайскій, Астраханскій, Преображенскій, Смоленскій, Сергѣевъ, Кириловскій, Волховъ-Волховскій, Юрьевскій, Терентьевскій, Сорочинскій, Хвалынскій, Каспійскій, Ладожскій, Каростанскій, Куминскій: см. образа, царства, монастыри, мосты, улицы, слободу, гору, моря, озера, болото, островъ.—Также точно **Васильевъ** (на пр. матушка Васильева), **Садковъ** (корабль), **Терентьевъ** (дворъ) и т. п.: см. при именахъ сихъ лицъ.

* * *